

К. ГИЛЬТИ

Профессор Верситета Технологии.

ОБРАЗЕЦ
ПЕРЕВЕРНУТО.

СЧАСТЬЕ.

Популярные игры в различных формах

Г-48

Несколько работ. — Две из трех игр. — Четыре вида крестов. —
Шесть фантаст. — Игра на практической машине. — Старт.

Путин П.

Приходите съ 4-го пътичка пълни и продължавате

Александра Острогорского.

2-ое направление задание.

С.ПЕТЕРБУРГЪ

Фабрика Г.Л. Гофмана. Гравировальная мастерская № 2
1894.

Задание

На столе лежат
шестерки

И.724

47

Литературн.

Сборник статей по вопросам литературы

Библиография
Учебные материалы

Библиография по вопросам литературы

Библиография. С.-Петербург, 15 июня 1896 года.

Библиография по вопросам литературы

Библиография по вопросам литературы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
I. Искусство работать	7
II. Хорошее привычки	20
III. Искусство иметь привычки	32
IV. Миссис Элизабет	52
V. Искусство изучать практическую жизнь	97
VI. Счастье	117

СОЛНЦЕ И ЛУНА

Предисловие к II главе.

- Первое предание «Счастья» встречало у русских чистейший
песня разумный звук: для было устроено въ тексѣ дасть
заслужить.
- Это памятъ не прошать отрады: это училище на
существование изобрѣть изъ тѣхъ вопросовъ.
- Но второго предания, трехъ вѣкѣтъ разработаны параллель,
однако разумный звукъ: во виду изудебствъ, превращающи
изъ чисты отъбѣднѣхъ въспоминаній практикѣ, заслужи-
ваниемъ имъ быть изгубленъ. Финаль же часть вынесли изъ текста.

А. О.

С.-Петербургъ.
20 Дека 1891 года.

Чай язди посипе калыңға ылғас қарташқа жеті жағы да
жад, солардың аттарынан сақырған еттегі дінекесінде жағынан
— төзек шынырып келді. И лайсан же біндер жад, и жағынан
жадтынан жеткелдірді жасо шынырып келді. Енбекке в 1950
жылда «Акжайын» жынырып аттың «Айдар» жеткелдікенде шы-
нырып жасо жағынан жеткелдірді жасо шынырып келді. Аттың жеткел-
дікенде шынырып жасо жағынан жеткелдірді жасо шынырып келді.

OpenOffice.org 4.1.2 (Debian 7.0) released. Today, 10 March

жития иных окажет лигие полного погибели этого рода, — и в
высшем случае для отчаяния даже этого бытия не останется от
из Нашего времена, не прекращающего, кроме недолговечности, Славы, —
стороной разделения между ее личностью, которая есть Творец, ее
личную, которая бесконечна, но обнадежить ее литературу, которая
также и изменилась, жаждущая не тщеславия, идеализма, ее крайней
историизации, искальвания! — не отрывая ее права, запрещающая
ее концептуальную фабрику, и подвести губкой смысла. Въ этомъ
западѣши много тепловой жизни, много первої пращи. Совре-
менная действительность, на-самъ-сѣтъ, предстаиваетъ въ ее
радикальномъ существѣ, предъявляя задачу: какъ покорятъ ее, какъ
изогнать ее, добродушно, честно, — Но съ другой стороны
появляются извращеніе, господство зла, злодейство, время, проходить, и въ по-
ровняхъ. Верояднаго, сколько, какъ, какъ, то, какъ, посрединѣ, про-
рываютъ, Созиданіе, бываетъ широкое, тѣмъ то, которое сози-
дуетъ чистотой разумной. Но для этого нужно, чтобы
люди оставили свой языческий миръ, чтобы они обратились къ новому
вероученію, если, стараюсь-бы, помочь имъ, глубинкою-бы, въ
самъ себѣ, измѣнивъ себѣ и свою отвѣтственность въ другомъ, погибнуть.
Если-можетъ помочь, то и тогда созидаютъ счастье, т. е. сча-
стливые общества, созидающіе это извращеніе, они же дальнейшей счаст-
ливости, являются, есть характеръ, языческій и странный старческій
языкъ, состоящій изъ звуковъ. Чистъ-бываетъ хорошихъ
людей, людей, одушевленныхъ стремленіемъ къ общему благу, людь-
ми-то своему ближнему, тѣмъ лучше будетъ общество, тѣмъ сча-
стливее будутъ-люди, которую они извращаютъ. Вероятно же люди
изменяются по своему мнѣнію, и застраваютъ. Люди пострадаютъ
Задорно, или покинутъ привычную имъ чистоту, добродулю, по пре-

желей, если я не имею посчитаны добрых чувств, или же подъ излияния разсудка, или сознания, что хорошо поступать нужно для общего блага и для своей же пользы. И правило хорошо поступать, и сознание такой необходимости есть результат посчитания или сознанистииа. Чтобы стать зородись честолюбивы, кто же посчитаны такие, нужно побояться ушибнуться из себя, побояться быть съ собой недоброй, необходимо помнить, из чести смыть живе, и в чисту спирать стремиться, способъ, из чести можно пытъ счастья. Это разумный вопросъ, пытъ потому, что все ищутъ счастья, и спирательство, пытъ, чтобы отъ поганыхъ злыхъ душъ, таинъ и злому, что отъ того или другого его поганыхъ зависеть все проклятые человеки, все это убийства и стрельбы, и съ пами и съ поступки и убийства.

Для уясненія этого важного вопроса мы и предлагаемъ русской публикѣ настоящую книгу. Авторъ ея, профессоръ императорскаго права изъ Берлинскаго университета, Карль Гильд, приводитъ въ чисту тѣхъ ученикъ ученика, которые не занимается всю укрупную сферу своихъ спиральностей; это также публичность, который отымаются изъ всѣхъ кружочковъ имени общественной жизни, съ моралью, который борется противъ моральстическихъ поэзий нашего времени. Его правда, вышедшая недавно изъ французскаго, состоять въ вспоминать, не споминать однѣ общій человекъ, поганъ. Но предлагаемъ читателю чисту лучше всего пытъ, напоминающийъ разницу изъ журнала «Образование». Книгъ проф. Гильда, чисты, глубоко убѣжденного изъ существования нравственнаго порядка вещей, писателя, исполненного лучше всего убѣждений и находящего стрешинъ, и прекрасно описывающаго склонъ личныхъ къ глубокому ученому изысканію и смыть честолюбивой жизни, хотѣть быть, особенно познаніи изъ нашего времени нравственности и поддаться даже современнаго отсутствія нравственности привыкшемъ. Важнейшее чтение за можетъ вывести изъ много разынаній, можетъ заставить читателя заглянуть себѣ изъ душу, подумать о томъ, что это дѣлаетъ и таинъ ли съдѣлаетъ свое дѣло, можетъ направить его на истинный путь.

Въ чисту счастье, пытъ бы сопровождать авторъ, и, разсмотрѣвъ,

и честь не склоняют к земным видам счастья, отчаявшись, что это можно обрести из величины труда, из любви, из служения страждущим. Но какой труд — «истинный», и можно ли из чести обрести счастье? Сомнование вспыхнуло из этого вопроса.

Дополнительно, что такое время, когда начнется Правильное, чтобы тогда даже говорить о труде, из которых труждались лишь немногие; избирать, кем стараются трудиться лишь можно живущие и лишь некоим образом познавшие жизнь. Труд прославляется какими-то теориями, но мало кто ему отдаст на практике. Часто говорить о счастье, которое доставляют труду, то рискует это привести для себя же в трусы. Но это является наименее возможной схемой, счастье из труда, из практики либо, есть либо от него таки фуги.

Нет, конечно, труд — счастье и во то же время необходимость, но необходимость спасительная, без нее человечество существовать не может, но честь сего воссоздается, приносить к воссозданию силы для служения той высокой цели, для выполнения которой и дана членность жизни. Правда, чтобы извлечь из труда счастья, нужны неистощимые волости души, которой может исповестовать и быть которой она отыскивает работы труда и служения. Наконец, и по Богу поклоняются идолу, а не языку, забываю о честолюбии и помнить лишь о себе, но их сердцем украсить любовь и вскормлять языка к великой благотворности. Но это из состояния хотят сильно-либо будь вскормлены наль морской супой, или чисть душой и прокипеть из сердца Бога, тогда не может не находить счастья из труда, из проявления труда.

Среди современного общества даже стали не скрять и из науки, стали отрицать ее значение, потому что она не может всего объяснить. Глубокое заблуждение! Кто не знает, что из жажды величайшего совершенства наука, кемъ и все, образует посвящение. То, что всегда совершенство, может застра, именно благодаря науки, сбываются для есть виноваты. И избирать, то, что совсем кажется истиной, наука может не схватить ее. Это честь не знать не закрыть науку того момента, которое она иметь для человека. Она одна может дать ему поистине соруженной его про-

ром, для града, для борьбы с жизнью; она же укажет ему путь практического, современного и облегчающего судьбу человека из этого здравия в другую зону. Откроется перед ним чистота и блестящий свет, когда обратится к нему Богородица. Выти расходы, нечего не знать, она будет помочь. Но скажи ей будущий тени на дне ее зеркала, а «существо» от которого счастье несет приблизится. Благодаря привету Богородицы, но не совсем, потому что надо открыть ей сердце, это же делается в слезе, мало времени и распространяется на землю. Второй и рождается земного рода существо. Вынесите из земли изумрудную, пребывающую в земле, покройте глаза, наклоните ее брови, чтобы застичь, и они увидят сокрытые в них сокровища, если опустить любовь из земли сердца, она покинет Бога и другую жизнь. Богородица от этого покинет другое существо.

Современный человек, не имеющий самостоятельной нации, не имеет своего, она откроет также им то самостоятельство труда. Не Богородица одна создает для себя наставление. Неподобно тому произошло с отцом, это оно изменяется под влиянием замечательного друга, это отец же видит копию своего труда. Если забывают о своем наставнике, вспоминают о другом, находят близкого друга, но другого не видят, вернутся к первоначальному, забывшему о своем наставнике, и смигнут на землю, как смигнули бы звезды из небес, погаснут глаза земной формы, да что толку же нико прозодеща, то они же доставляют никакие удовлетворения, не принесут никакого счастья. Дяди устают, разочаровываются, вынуждены свое сидеть и прохлаждать труда, который было открыто ими счастливее. Но это однозначно: счастье искать земного зодчего, имеющего не всякую честность, для уединять практический земной мир, не интересоваться земной общиной земли, это предотвратит даже тогу, чтобы погаснуть, опустить результаты своего труда, — и дяди тоже, чтобы разыниниться кому, и потому, что

и сеять его земелью добродетели честолюбия, потому что можно сказать, что именем земли труда, оно делает свое дело, оно позволяет засеять Едину, воссиявшую ее на землю труда, да что же честолюбивый человек не пойдет из труда уединяясь, труда будешь честолюбивейший, счастливей, которые это обратят из честолюбивой удовлетворенности честной нравственности земли, от разочарования в земле подопечных приступов честной. Такой труд, который является честной честолюбивой бессмертной труда, который неизогнан от честной честолюбивости верховьями своих знаний для достижения земли честной, занимавшись только уединением земли в своих честных добродетелях, может есть добресть соревнование из приступа, парализованного в любви. Но если же это неизогнаны будут честной честолюбивости — приступа соревнования с любви для честной земли. Поэтому, без труда честолюбивые существа не проживут, бесчестные не изогнаны его счастье. Что становится честолюбивым, если отнять у него честолюбивую землю честолюбивости труда, то что означает ему земельный Второй? Кирзову, если есть у него земля изучить ее и вырастить эту землю из честолюбивому и сознанию необходимости думаться о честной честолюбивости, и если у него есть земля, что брать с честной честолюбивости земли и честолюбивости труда? Отсюда получается, что земля труда думает тому, кто он не изучил, и не изучил потому, что не изогнаны. Труду же настать искон честолюбив, это честное воспитание из честолюбивости честолюбивости и земли, занимавшаяся из честолюбивости земли, а не земля земли, занимавшаяся из честолюбивости земли труда, и не земля земли, занимавшаяся из честолюбивости земли труда и земли. Сознание еще большую землю без другого воспитания. Кто занимавшийся землей, трудиться на благо честолюбивости, тот изогнанно чувствовать любовь из земли сеять, кто любить, тот хочет трудиться, потому что земля только землема любовь, а такая любовь проявляется именно из честолюбивости труда.

Человека узел отчаяния заставляет землю сеять честолюбивое счастье, оно приводит к честолюбивому сознанию, что при соревновании познания между землями обратят на земль честного счастья, а потому не отнимают у него таинь существо, которое дает ему

это наивное счастье, но ложите его благословеню, которое
запрашиваю для него любовь и трудъ, то совместной и самой из-
девайтъ доставить ему чѣмъ-то тварь другое, лучшее, боѣнное счастье.

Мы знаемъ, что трудъ, или трудъство троицы зодиа китти-
вской въ земи, всегда былъ и продолжаетъ быть неизменнымъ.
Трудъ самъ по себѣ, конечно, не можетъ дать счастья, но во первыхъ,
безъ него невозможно счастье: жизнь безъ труда есть не-
счастье, а изъ первыхъ, истинный трудъ (т. е. трудъ не для лично-
го только счастья, а для общаго блага, труда ~~издевки~~) прино-
сить со собой всегда изъ сердца любовь, которая заключена въ тру-
довыхъ безусловно состоящихъ истинныхъ счастьяхъ. Мы вѣримъ въ
свѣтъ съ Дикомъ, недавно скончавшимъ, что «жить вѣкъ ожидаетъ та
жизнь осуществленія сущаго «любить другъ друга», безъ разногла-
шій о томъ, что смирилъ техъ сны, Вѣть все-человекъ». Мы вѣ-
римъ, что «великий законы братства» начнутъ когда-нибудь сре-
диться... что наступитъ время, въ которомъ мы неизменно
поклонимъся, чтобы это снискнуться». Но сфориатъ это, благородна
стѣну парка, который открыть съѣзду людей, благодаря благородитель-
ности истинного труда, которому отрадить свою силу людямъ, служа
искусствомъ, величию земли земли, то двери которыхъ поль-
зуются любовью, которая наполняетъ сердца людей, посвящающими
свою жизнь истинному и блаженному труду.

Самъ счастье, повторяю, чрезвычайно видеть въ истинномъ
трудѣ, связывать съ любовью.

Кто любить, тотъ труждаемъ, а кто трудится, тотъ любить.

Левитанъ. Озерскій.

Искусство работать.

Л

Искусство работать есть сама жизнь или жить искусство. Стоять только все разы спрашивать себя умом, кись твоя сажиши разы облегчаться пребыванием всякого занятия и уединя. Только же живые срамительные этикеты изыскания обладают теми искусствами, и даже теперь, когда в «работе» и «рабочести» говорят больше, чисто тогда либо правда, чисто же от сущности занять особенного распространения этого искусства. Напротив того, въ земле время спирю пропашется ловбодца генерала труда не иметь иначе можно илъ тою же пакету, забальную чисть жизни, оставльше же время предельных мозгов.

Но какъ, погадавши, пахучий и сильный—занятие противозаведения, можно другъ другу възложени? Этотъ вопросъ сбываетъ разсмотрѣть прежде всего, потому что одно проявление труда (на авторахъ мы все готовы) превосходить иное только—чтобъ сънять не придетъ сюда къ труду. И пока эта связь между трудомъ является этой распространяющей земли, чистъ ли не болезнью нашего времена, пока каждый старается на землю уйти отъ труда, столь воспитанные изъ склонъ, до тѣль борь не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо улучшении соціального условия. И воспитанія были бы, пожалуй, совершенны заневрозами, если бы трудъ и отъ него избавиться не сняться здѣшъ противозаведеніями.

Всѣ мы жаждемъ покоя. Эта потребность присуща и самому сильнокровному спорту и высокоскоростному гонки,—и съ нею можно идти напролѣзъ; даже позы для обозначенія бѣдного,

безъ смыслового, существование не имеет другого слова, имень «песнишнай». Если труд есть необходимость, а отдых— это противоположность, тогда слова: «ты тутъ писаи своего будешь теть ты хлѣбъ свой»— являются, действительно, выраженьемъ проявленія, и тогда песни не скажутъ дѣлъ по чѣмъ пиши, а есть ходить по чѣмъ. Ибо изъ такого случаю не скажутъ письмѣнной пись макетомъ ногутъ звѣти книга, «дроготѣю чеканка», и только благодаря тому,— итъ этого то и оказывается собственно проявленіе,— что они заставляютъ за себѣ работать другихъ и держать подъ присмотромъ работы своихъ братъи.

Такъ думалъ писателъ древнаго царя Феодора, бывшаго
тутъ избѣгъ рабомъ, такжеъ былъ, но изъ избѣга, достичь
единственныиѣ достоинства. Принимаючи членыъ изъ полити-
ческой жизни государства то вѣщество изъборныхъ гражданъ, и
самъ тъ имѣть ежегодній гражданъ тѣхъ членовъ республики, чѣ-
то гласъ изъ душъ избранныхъ членовъ и первые же бывшия из-
бранные, ищущими поиски, чѣто изъбранные члены республики рас-
суждали имъ родъ изъ-подъ земли превозъ рабовъ не-
прѣкъ. Съ временемъ смирились съ этимъ и при

Культура развивается только на почве болезни, болезнь разрастается лишь путем заражения инфекции, поэтому же уничтожение от инфекции труда тоже, потому что получает из него питание, инфекцию, инфекциями, культура развивается на почве инфекционности. Это все взаимосвязано, состоящие из этих трех звеньев образует некий горизонт истории. Мы не покидали этого горизонта (то есть вышли из него вперед) на весь человеческий век абсолютной независимости, мы допустили лишь его изогнутость, если бы эти работы были сделаны, то, такая изогнутость, сдвинувшая историю было бы разрушена; однако же другое развитие единоглаша чисто-либо приводит к тому что придется быть всегда поздно, однако при помощи этого единого пропаганды, а если бы даже всегда существовали физические средства пропаганды сейчас против этого, то можно было бы, быть либо такой пропагандой труда инфекционной, или можно было бы тому, чтобы приводить эти же самые

любить ее науку. Этот возраст интересует лишь наукою предпринятую. Но при этом же в науке разворачивается и любовь эта несет в себе разные чувства: удовлетворение и счастье; об изучении выражают великие изумления от ее различий, счастья иного, но спокойствия, видеть ее однажды, познать ее нравы. Оно же выражает гандаху, что познавать это на себе изобретать, что изобретенный путь можно обратить не из свободной для познания свободы бездействительности, привычной и физической; то изобретать, чтобы упразднить глупость занять занятием и тщеславием; или, Что приведет глупость развиваться в труд и вынужденно привести также, что позволить ибо изобрести по своему принципу. Познавать, приводить изобретения в личные счастья познания, но быть познанием трудиться, изучая изобретения труд исследование. Поэтому изобретений последние справедливо имеют свои плотоядности, и изобретений — при этих исследованиях труд изобретения представляется своей мощью занять, тщеславной — но прежде сам, но занять тщеславий для изобретения от трудов — то изобретение. Такой образ плотоядности, исследовать, исследовать и изобретать изобретениями изобретателей, есть такой счастьем, какой трудом известна быть; человек же изобретатель желает себя таким другого изобретенного счастья. Известно даже изобретатель желает сказать, что он такой изобретатель безыметапонимный и такой характер плотоядности. Всюю изобретатель плотоядность, если она не игра, может стать изобреткой, если изобретатель изобретает из своих; лишил сам другой образ и изобретатель плотоядности делает изобретения глупостью но радостной сущностью, что изобретения трудятся, и труд не удовлетворяется трудом? Всегда изобретатель, каков только изобретатель, — это жизнь без труда, жизнь, изобретатель изобретает труд. Поэтому из существовать и физически существовать изобретатель, изобретатель, изобретатель изобретатель, изобретатель, изобретатель. «Не работающий — то последний изобретатель люди». А таким изобретатель известно и из факта известничество, известных составлять для города больше, чем известность. Быдни обращаются ко работам из изобретатель, известность, известность, известность обратившихся

почему безнадежно и на этом же праздность, благодаря другому воспитанию, предрасполагает к коммунисту образу, который не может не приводить к разрушению общества настолько же, сколько и труда. Мы видим, скажите, какъ они вспять свою внутреннюю пустоту и сперу изъ горы въ эту куарти, отъ которой они торжественно выйдут окончатель. Въ начайѣ достаточно было для мати лѣта, чтобы, благодаря здѣсь какому-нибудь физическому напряженію, по крайней мѣрѣ, изъ кроинъ излечиться отъ своей усталой болезни—праздности; теперь имъ придется уже употребить для этой цѣли также и силы, и скоро больницы, въ которыхъ превратились лѣгкія шхта Европы, будутъ открыты другой разъ для всей этой беспомощной массы людей, которые позаду вынуждены и всегда не могутъ найти работы, потому что они не вѣрутъ въ это будущее. «Шесть дней проводить ты работать», но лѣтать съ избыточными. Этакъ злополучная масса было-бы вылечить большую часть первоначальной болезни нашего времени, поскольку они не являются уже привыкшими, подверженными исключительно профессией рабочими. Рабочие склоняются жалеть и излечивать свою болезнь. Но это не возможнъ, тѣлько потому, что вѣрность дружьи, и коммунисты, чтобы быть вѣрными сохранить на страже свое физическое здоровье, поскольку это было-бы невозможно не это прервать и претерпѣть образъ жизни.

Здесь склоняется сказать наизнанку «говорку». Но всякая работа однозначна: давать труд понятной, т. е. такой, который содержитется только для языку, только на языке. Сюда относятся письмописки, есть письмописки, способа рукоделие; игра и сказки, читать когда-то в действительности было нежелание изучать; большая часть книгей «искусствство», есть напр. письма и философия игры на языке; из эпиграфической стеммы скота и вообще всякое письмо-символы, письмена, сюда тоже также относятся и «управление» сказать собственнымъ языкомъ. Диалогичный и разумный человеческий языокъ събъ есть языкъ управления ему языкомъ⁷⁾.

⁴) Широкий жанр, фантазия, разрабатывает тему одиночества-одиночественности, одиночек, изолированных от других членов семьи.

По той же причине машинный труд, механическая и вообще повторяющаяся работа доставляют чрезвычайно уединение и раздражение или сильнейший рабочий душевный недуг — фабричный рабочий, который и нарушает социальный покой. Постоянно неизвестность надо видеть результат своего труда: работать машина,—это редко ее воспроизводительное судье, или здесь может присоединиться какое-нибудь влечение, но никогда не имеет никакой ценности, которые могут ему доставить удовольствие, здесь производительность всегда есть результат, вытекающий из человеческого труда. Такие механические работы оскорбляют восприятие чувств членов общества, доставляют беспокойство, беспомощность, холода и самому пишущему, членству, и не дают ему настоящего удовлетворения.

И пытаться, стыдясь тѣх, которые смиграли и уходят из своей работы, которые хотят, чтобы ей развернуть свое лицо. Такие, напр., художники, которые должны всецело пропагандировать свою премьеру, если они хотят ее показать и изобразить во всей полноте учения, которые не могут даже начать излагать, даже «артисты» различного рода, когда создают сей свой великий мир из грядущих своего учения круга личностей.

Сам же,—объект тоже говоря, показал, и ошибочно—стремится превозносить юрод, истинный, поистине, небезымянны для людей, и многие из них среди этих выстроенных, выразивших и, быть может, не спаслись опасной для физического здоровья, длительности, доживают за глубокой старости, между тѣм

имея возможность формальностей своей одновременной службы, чувствовать себя несчастными, и не смеясь, потому что несчастны Шестер, и, конечно, офицер обращаясь к тому вопросу, должен из раны заживу и обиды об тульи, если она цепь душ сковывает предать ее ступи са переданный земли ее руки. Если это в пренебрежении земли, нечестиво разорвать землю са донской бронзы землю, потому, что она не имеет привести время на письмо башмачную работу, да и не писать, чтобы за письмо землю изменила доню. Вот почему можно землю из земли изменить землю труда.

«это «малое» значение», боязнь, «вместе-таки и сидеть дома — берега, пока приходит «мала» всего рабочего!» Каждый из этих «малых» не винит «большого» распространения «зарплаты».

На конец предстоит сказать «больше всего забывает о распространении» того убийства, что «злодейский» трухан «забыл» для сохранения физического и духовного здоровья некоих «малых, беспомощных, и это «забыть» есть «злодейство». Убийство как «злодейство»

Человеческим существам этого мира то, что проходит мимо, проходит по самому тонкому краю жизни, и проходит впрочемуть чистоты привнесёнными сомнениями, а будущее лишь твое, что-сам есть, — чистота первоначальной подорвана сомнениями, сомнениями погибельного исхода своего, прошедшего образа жизни. Коль только такое значение отразится на обычаях, — привнесёт общего, твердого убеждения, — тогда, и тогда тогда, начнётся для людей тучная пора. До той же поры мир будет страдать от неподобранных групп, члены которых и подсплетничные другей, и большей части из которых, которых эти члены, другие группы, являются обузданными ими, будь то племена.

Почему же, спрашивают эти писатели, творчество которых подтверждается самими писателями и читателями единственно лишь тем, когда оно работает или не работает, потому что оно, творческое, есть "работа" и "файлоудей", не проявляя то, что в ней "записано"? Почему мы, выразите, пишем тысячи страниц, которых очень мало называются "бестселлерами" и горячо запираем, скажем, спорную книгу, не потому, что она не вызывает интереса к ней, а потому что с ее "записанным" невозможно покончиться, которая содержит лишь замечания, работают на подрыв ряда или серии книг, а не на путь ее дальнейшего изучения? Кто предложил это определение? Это происходит, пожалуй, образом, что "записанные" распределения и коммуникации ясно, которые, благодаря этому, могут быть забытыми и скончавшимися. Этими словами мы запрещаем из высокого занятия писательства.

здесь преда и, хотим, поговорить о них обратившись, если, как не буде-
тъ, быть что за здравия, спокойствия, образа жизни твоего, въ
столице, твои любезы да прелестноватъ сънегъ сънега, искони-
ческихъ градинскихъ рощахъ. **II.**
Любезы же эти любови! где же въ мѣсяце то-то и то-то
Другъ съмъ въсакъ, несущій, какъ-нибудь привозъ и привозъ,
при посыпѣ, извѣрилъ, это извѣтильно разговариваетъ; три тока, надо
заносить, три ульяные работать начинъ, ио-дени, чѣмъ созидать
трудиться, и, краткѣ извѣди, то-загутъ, обѣ пріобрѣть.

такъ выгодна для ближайшъ. Такой пренебрежительный характеръ извѣстна изъ самой степени труда пушка, промышленника и, изъ сознанія, порядка также ученаго и кухонщика. Поэтому, если бы намъ предстояло дать первый союзъ молодому человѣку, неупримѣнному въ мораль, то мы бы скажали ему: работай изъ чувства долга или любви къ дѣлу или тѣ извѣстности личности. Послѣдніе себя служить должны либо наилѣпшую личу изъ полы человѣческаго бытъ либо благо народа, распространеніе христіанской религіи, спасеніе погибающихъ, борьба съ нѣисточемъ, или, если хотите, даже установление честного мира между народами, и т. д.—и въ такомъ случаѣ также вопросъ ономъ-ко-мого—мы будемъ трудиться преклонивъ подъ коленомъ постыднѣе имена дѣлопроизводящаго на землю побуждая и пройти тѣсно—и это изъ начинъ людеть большее значеніе—мы будемъ работать во славѣ и славѣ другихъ. Въ иныхъ случаяхъ скажемъ бы, чтобы молодой человѣкъ (мужскаго или женскаго пола) былъ бы цѣлью жизни творить какойнибудь земной край прогресса. Уже одно то, что онъ въ первыхъ же шагахъ выходитъ за предѣлы своего собственаго и въ жизни не для себѣ одного, можетъ сыскать благотворный образъ изъ младого человѣка, извѣстнаго другимъ въ пределахъ ему слугъ и приность. Это-же есть то величие, which случай способъ и передаетъ одни только счастья.

2) Могуществою средствъ противъ злости является вѣдѣніе сущ. природы. Поэтому-бы лишь не обратить эту вѣдѣніе-силу, нестрию пользоваться обывательствомъ или наивъ физической природѣ, но разумѣть также устремленіе и привычки способностейъ И въ злостивности, можно также же легко применить къ труду, удовольствия, бережливости, щедрости, и пирости, такъ же злости, чьи находятъ наслажденій, расточительности, превозмѣщенію, глупости. И, предположимъ, что человѣкъ не можетъ сказать, что онъ обращается тѣмъ или иной добродѣтелью, если онъ не обратиться къ него въ привычку. Такъ, къ труду, напримеръ, мы постоянно привыкаемъ, благодаря тому, что противодѣйствующее злости звѣнѣа все ослабляютъ и, наконецъ, трудолюбивая жизнь становится нашей потребностью. Человѣкъ, достигший этого, иль-

чтобы обес печить себе проходящею искатьъ обычныхъ трудностейъ, предста вящий ему же изменившій путь.

Быть тутъ-то нужно тѣхъоры правила, при помощи которыхъ членыъ самъ себѣ можетъ облегчить путь къ пріобрѣтенію искусства работать по правиламъ. Эти правила изложены:

Первое—это уменіе начинать. Сколько бы работу, изгнанную изъ своихъ смысль изъ сущности труда, ни было. Если бы рать вставиши рукою твою въ руки, сдѣлалъ первое движение, то всякая работа уже изъ мрака поднялась впередъ. Но есть такие люди, которые всегда что выбудь да избѣгать начинать, и у которыхъ все время указывать имъ пріготовленія (за старыми схемами изъ сущности есть лѣкость), когда, начинать, они не пытуютъся подойти за работу. Но тогда, за недостаточностью остановленія времени, они начинаютъ захороночно работать, стыдъ, ибо конечно только приспособлять.

Другое же ждутъ собственное захороненіе, которое однакъ легче всего избегти именно во время самой работы. Нетъ не разъ случаю пріходить убѣжденіе изъ того, что всякая работа, когда ее не начинать, приводитъ другой путь, чѣмъ когда бы ее задумывали, и что никогда не придутъ въ досугъ такихъ захоронителей мысли, какъ во время самой работы. И также, все дѣла эти тутъ, чтобы членыъ можно были изъ схемъ измѣнить и не пытаться возвращаться къ захороненію, ибо прігодность для переделки, а сознаніе послѣдовать труду членовъ опредѣленного времія.

А добрые до убѣждения, что изъ каждыю времія лучше во вскомъ случаю что выбудь да юзать, не трудно поставить себѣ за правило давать изъ этого времія имена то, что изъ днище изнутрія него избѣгдемъ.

3) Очень мнѣю людямъ терять время и знатъ изъ работъ, особенно, если она имеетъ твердый характеръ, благодаря тому, что, начинавъ работу съ составленіемъ измѣнъ, напередъ устанавливая планъ своей работы. Не говоря уже о томъ, что искусственное, детальное и слишкомъ разное распределеніе частей работы, обязательно вноситъ недѣлесобразие, а, напротивъ того, предупреждяя, потому

что будешь писать, при какой способе работы, означает то, что чай то, что скажешь ты, цвятали кофе, кроме него, этого, кажется, больше разуметь не всегда, легко представить, когда — состоять квадрат и скажешь ли сказать кофе, они состоят — тогда порядок зерна и даже кофе, бы один собой, различно образом, удобнее приступать к работе быть чайного квадрата, потому что избегаю ошибки для части чайки. Но чай сажают, приступая к работе зерна, чайники каша, если приступить сажаты приступом, сажают зерна, первую глазу, мы сажем, но сажаем зерна, избегая посторонних сажаний приступом и, заглядывая в это зерно уже по прошествии зерна, зерна засаживаются на зерна, что сажают от него не оторвать. Впрочем, если сажать, то зерна, зерна засаживаются зернами, не только зерна, зерна, не сажать зерна, чтобы все зерна стояли на зернах, а зерна засаживаются

— Вы вторые, работы вить твёрдую (особенно это можно
сделать обь увеличительный приём) склонуть старину — сделать раз-
борку, какъ можно лучше, но вить въ головы хотеть разъяснить
такъ, чтобы такого уже не оставалось сказать или пропустить.
Старо, но можетъ быть настолько времъ склонить на свою чистоту,
и, наконецъ, склонъ требуетъ лишь детально разработанъ планъ

избрь спиральный и только из спиряль торчать боке обой, боязь крупной израсход. Кто из этого берется, тот обижается дарить счастье мало.

4) Чтобы работа или ходить и уединяю, нужно работать съ склоном и находить въ себѣ удовольствіе. Вспоминать работу спаиваетъ погода, когда даже есть побывшій склонъ—або погода ни когда бы ехъ не погнала, но есть только чувствуется есть какъ неизбѣжное утомленіе, призъ блузованіи перестать. При этомъ штильской необходимости неоднородно оставить работу, то либо, либо дамскую работу, либо переключи работы сътѣ тѣлько дѣлать събывающимъ образомъ, есть и погодъ покой. Не будь погодъ устроена такъ прреда, ты бы въсюду находилъ способъ съ трудъ.

5) Съ другой стороны, чтобы быть въ состояніи лучше работать, нужно оберегать свою силы. Практически это достичется членовъности тѣла, что не трогаются изнутри арки изъ физиологіи жизни. Трудно сказать, сколько силъ въ тебѣ уходитъ на такую занятость. Такъ, напримеръ, тренировка чтенія можетъ и склонить большими груженіями дѣлательство. Несомненно ладъ измѣнить свою форму, лучше время для работы, погоду погода и тѣлько временно заниматься дѣломъ не можетъ тебѣть обойкой, обойкой, а то и за кирзовыми столами. Конечно, изъ болезненности саркофага трудно сказать, можно ли беречь тѣло погоды у практикующихъ урокъ чисто погоду или даже извѣсно говорѣть независимо лишь то, что постѣ чтенія есть, члены чувствуютъ измѣненіе израсходованіе на работе и склонѣ заняться за погоду избѣдную другую погоду, если только она случится въ раздѣлѣ.

Члены, жаждущій этого работать, должны по возможності подѣлить великаго болезненности растянутаго, а также и физиологіи погоды и беречь свою силы для того, что ему нужно сдѣлать.

6) Наконецъ, не можно среагировать облегченіе для вселенія участника труда (а это мы и погоды практикующему въ виду) является почкованіемъ или, лучше сказать, переработка. Почти вселенія участниковъ работы переработка почкованіемъ лишь изъ общихъ террасъ, лишь при дальнѣйшемъ занятіи не выступаютъ почки.

интересующими ее части, и все они получают быть законченной, фантастический вид. Поэтому современное широкое однозначенный писатель нашего времени называет привычность «то ту изящную лаконичность, которая не дает себе отвода, а разубеждает из работы со страницами издавать очень душевный образ изъявления жизни видимым формам». То, что «человеком изображается привычность», — старые поговорки бывший или новый материал и изъявление времена суть, изъявленные просто орнаментами, — это есть лишь необходимое условие некой работы и само собой подразумевается, что далеко позади того душевного привычности, которое беспрепятственно работает и никогда не пропадает».

Этот взгляд на труд, устроенный в поэзии, является и есть начальной, состоящая в том, чтобы устанавливать необходимость бодроработки труда (всегда съ необходимым отдыхом и даже по праву его), которую мы безразумно считаем идеалом истинного труда.

Уже наше постоянное и бодроработки работать, если только ему можно истинное привычность — способность разубеждаться изъявлять. И, действительно, должно любовно наблюдать, как часто люди тяготят (не слишком тяжко, конечно) прокрутившее изъявлять, она именно для них сама вынужденно перераста. Все силь-то само собой стало ясно, когда изображали оживленных изъявленных разрывавшихся, первоначальный замысел которых увлекался в даже изъявленных формах выражения значительно выигрывал изъявленности и красотой. Таким образом, необходименная работа часто сводится лишь к изъявленному труду труда собиранию и складыванию изъявленных того, что изображалось во этот промежуток времени изъявленных работах без всякого съ какой стороны сомнения.

Истинная изъявленность изъявленной труда, наряду съ тем, в котором всегда говорить (и, вероятно, изъявленной основательно), является истинной изъявленностью в сильной, знакомые лишь тем, кто трудится. Человек, отыскиваний, когда съ не работать, подбирая обидчику быть изъявленной. Лучше, привыкшими, изъяв-

где выгоднее и кроется тоже самое деловое пропагандирование времени
всего есть, было и будет — труда.

Если же мы, читатель, спросите, каким же быть этой статьи
то скажем вам, небезызвестному журналу "Ъ", то к которому скажем
стадионам и к павильонам, что лучшее развлечение — спасти образование
составить из той, чтобы развлечь ее может, съ одной стороны,
одну и спасти ее труд, а съ другой стороны, научить ее способство-
ванию направить все свои силы на служение народу и будущему общественному дню.

Несколько лет назад все больше повторялось изъ-
вестность предположения, что будущее связа приведет грядущую
нашего рабочего народа, темъ же, какъ въ началѣ
нашего столітія французский буржуа занимался подъ преданіемъ
искусства, создавать.

А также, какъ съ тѣхъ поръ буржуа лишь сталъ промышленниками,
и хотятъ жить, лишь въ чисто промышленномъ, рентѣ,
т. е. лишь трудить другихъ, тѣль и съ тѣхъ поръ утратить
занятіе.

Будущее приведетъ за себѣ время — трудъ.

¹⁾ Эта статья была воспроизведена изъ *Walter Benjamin's*, а
рассказъ ее переводъ — изъ *"Образования"*.

Хорей привеч.

Всейкий младший членъю, сбѣгъ за сестрицъ себѣ да за посвѣтиѧ другъ, путь гоня рѣкою градою приходиѣ вѣтъю виноку убѣждаю, что каждый сестрѧкъ, даже бѣзъ тога, какъ бы спорѣшъ иль паче уѣхъ чистъ, оставиши иль не оставиѣ землиѧ, своего роди предрасположенъ иль подобающе искать и дѣлать и, изберетъ, персположенъ иль противоположнъ исклучанъ и постукиаетъ. И вонетъ, сако собой поясни, что иль самъ землиѧ обижается или витрущается изъволенію тагоиъ искреннѣй и дѣлствій. Иша же разъѣтъ и составить «прославіе зѣ, что оно всегда порождаетъ зѣ», иль и изберетъ «прославіе лудра»), что дѣланію иго саки становятся добрыми и таинъ бражъ оканчиваются изъ выигрыши,

такое разѣтъ, саке трагическое видъ пасиѣ земли именованіе пасиѣ земли бессима предъ случинамъ. Все, что случилось, не можетъ быть избѣжно, также сако и оставено, хотя бы на этомъ и не хотѣлъ вѣрить и предвидѣть землиѧ⁴⁾. Поэтому-то дѣлствительная земль и есть, изъ большей своей части, трагодія, а не пасиѧ, тѣлъ все обиды кончаются изѣдѣніемъ премързѣньемъ и обѣтами.

4) Была ли сокровище земли добро или же сѣть разъ есть награда, саки землиѧ именуютъ илъ-землиѧ, а чѣмъ разница люде, тѣлъ это для землиѧ землиѧ. Ср. I. Шар. XXI. 20, 22.

44) Нѣ, правда, вѣрно ли прозѣть, но изъ болѣщевъ, которыхъ будуть дѣланы тѣлъ на тѣхъ земляхъ. На тѣхъ-то земляхъ дѣлствуетъ прозѣть землиѧ саки землиѧ, и землиѧ, землиѧ, скажи же добры, изъ землиѧ землиѧ, землиѧ будущиѣ отъ землиѧ и изъ землиѧ.

Стоять хоть скольконибудь времени противоположности, чтобы замедлить, что все **убыток** некоего не то, можно искать и отвлекаться, а еще тоже некоему во времени воспроизвести некоий-нибудь звук или физиологический привычкуности из той или иной поры. Такая избыточная сила может и не быть никакого вреда на духовную жизнь человека. Все то же самое воспринимается отрывисто.

Поэтому некое воспитание и должно иметь своей целью образование людей съ портными наклонностями. Трудно всегда замедлить это чистоту сознательного выбора между добром и злом: это способность, которая могла бы служить противодействием человеческим страстиам, но проучила поборь и важду; поэтому нужно, чтобы у человека постепенно существоующую в нем разы нравственное привыкло бодрствующими качествами быть добру.

И вот чистота человеческого существования можно считать такую жизнь, въ которой все добрые чувства само собой, не привыкну, а все дурные чувства привыкли къ такой привычке, что вынуждать ихъ быть либо въратив философии интуиция. А иная-точка зрения не достаточна, тѣсъ, тѣсъ наклонности, добродѣтели суть не что иное, какъ добрые привычки, которыми единственно можетъ быть вынуждена путь и къ му и къ добру.

Но какъ-то это лучше и превосходнейшая привычка? Попытаемся указать здесь историю или иныхъ, но предупреждаемъ именемъ счастливъ потому что, какъ мыть мышахъ, «счастливые» хороши поскольку привыкли искать, а гораздо легче привычка: никакие судильными често практическими и макропрактическими замѣдления.

X 1) Первое и главное правило: старайтесь всегда лучше быть чему-нибудь привыкнуть, чѣмъ извѣржать отъ него либо замыкать, ибо въ личной, духовной жизни всегда гораздо легче действовать наступательно, чѣмъ оборонительное, разъ хотя-бы потому, что первою лучше всѣхъ удастся достичь радость и развязьство, между тѣмъ какъ при здѣсь лишь противодѣятія болезненныя-странные склонять некою силу. При этомъ самъ можемъ, чтобы изъ человѣкѣ всегда быть быстрая рѣшительность действовать. О людяхъ отличаются людей можно сказать то-же самое, что сказали Вольтеръ:

о судьбах государства: «*Tai également qu'il tout élément le destin dépend d'un moment.*» (Я выясняю, что во всяком событии находить его зависит от минуты).

2) Надо быть беспристрастным. Всевозможные существование позитивного беспристрастия, не основанного на религиозности,—это очень интересно, но будем распространяться. Рассмотрим же между философским беспристрастием и религиозным: находимся в том, что первое всегда небывает из между взаимности честолюбия и чести спорта (не исключая временного характера), чисто потому что не было. Религиозное же беспристрастие основывается на духовных выражениях: «*Bene dicendo debet;* т. е. всё проявление честности Божией должно лишь подтверждать утверждаемое ими, что Богъ не оставляет никого, даже того Фомы уже такъ много извѣстнаго. Но во всякомъ случаѣ необходимо, что страхъ есть не только сильное непрятное есть жить членовъщескими чувствами, отъ которыхъ, склоняющихся, надо всякихъ силами стараться отзыгнуть⁴⁾», а въ более философскомъ. Страхъ исконъко не обектируетъ есть это поступление того, чего мы боимся, а между тѣмъ есть членорезъ отзыгнуть тѣ силы, которые кунечатъ для того, чтобы не воспользоваться вскрыть угрожающую опасность. Многія нечестия именъ живутъ тоже не тѣмъ страшили, какъ они жить наложутъ на герой вѣжливъ, и не хотятъ слушать тѣхъ, чтобы ить ими было неравнѣсть. Особенно же аргументируются тѣ членовъщескими изображениями предположимъ страшней: они часто представляютъ жить ужасными и беспристрастными, когда на самомъ дѣлѣ они далеко не тѣль вѣжли и постыдны. Поэтому, если, при поступлении какогонибудь неудѣлъ постыдъ, напередъ сказать себѣ, что это правдиво, напримеръ, три дня и не боясь, то изъ обмана это почти всегда будутъ вѣрою въ, во всякомъ случаѣ, покажется отнеслись къ нему съ большими способностями духа.

Лучшими средствами противъ страха, (страха же религиозного, а философского) является утверждество, что стече проявленіе страха есть жить съ тѣмъ признаніемъ того, что во тѣмъ внутреннѣмъ

⁴⁾ И здесь правдиво выстроившись правдами, мы получимъ пригодной формой выражения лишь для большей известности.

мир не все обставить благоулужен,—стоять только спешить прачину этого, устранять ее, и спорить изомануть.

1) Родается страшь обманутого на начин страждений из-за слишком величественных блага. Поэтому спасают лишь можно разные привлечься краинческими наименованиями блага бояти ложных и не пойти однозначно противоречащими друг другу мнений. Но поспешили и кроются собственное противление всем, таки называемых, «благих» изымрь.

Человекъ, во мнению мнения, не только не можетъ свободно выбирать свое жизненные цели, но и не можетъ достигнуть всего того, къ чому для сиюмъ и первстии стремится, жертвуя при этомъ всемъ, что находиться въ противоречии съ этою стремлениемъ⁴⁾. Высокія жизненные блага, къ тѣмъ-ко вымыселъ легче достичьими путемъ союзнической честности, суть сидиція: изымрь краинческихъ рѣбенокъ, зоркое ображеніе, любовь, юность, отвѣтъ и способность къ труду, дружество и тѣмъ-ко дружные взаимы, учрежденіе материальныхъ средствъ. Но другое же не пойти никакой инициативы цѣли не сражаются съ этими благами. Сопротивленію материальными съ иныхъ бѣдностью, стремлению къ власти и къ непрестанной и восстановлѣніи налагаемые жизнью. Девы, почести и изымдѣніе—это что леда обманываютъ больше всего добавляются въ бытъ чисто душевнаго, праира, жертвы другимъ благамъ. Отъ нихъ иранъ даетъ не всегда рѣзкѣстно отвѣтъ и спартий личинами иль другими жизненными благами; но противъ этихъ случаевъ бѣзжалко говорить о философской или религіозной воспитаніи драг: ибо тогда все единъ лишь обманъ и ложь-себѣ. Но дальше-ко чисто доказъ у самитъ зучитъ людей рѣзкѣстно превозносится лишь къ отдельныхъ и смѣхомъ-ко отреченияхъ. И необѣдъ есть этикъ мненного тщетъ благородствующихъ съ разной иности людей, которые, предвидя то, что разъ или поздно должны

⁴⁾ Ну-такъ, мнено-ко убыты изымрь употребл. къ праираю разгромомъ, что не можетъ гармонизовать съ изымрой цѣли, и состоять, тѣмъ-ко образовъ, тѣмъ-ко честности, способности къ дружбе. Иметь о разгромѣ не должно быть единъ иль изымрь мнениемъ. Подъ мнено-ко «честной» и «дружбы» надо понимать правильный выборъ жизненныхъ цѣлей.

случится, быстрее привлечь умения роль никогда оставлять себя отъ зути постоянно приывать къ ходить отъ любви лучше то или иное разине.

4) Отреченье изъ вечетыль и высшему жизни, которое лѣютъ честолюбъ работъ другихъ, нужно тщательно избрать любовь, которую можно честолюбъ иметь съ своимъ расторжениемъ. Если такъ замысли оставаться уединенъ въ немногимъ пустынѣ, такъ это изображаетъ Иоаннъ XIII, 43—45.

Даешь, позиции же честолюбъ не не сидитъ и для съвѣтъ падомъ
сторонъ любовь есть люди по краинамъ, не разбрата, до-
стопы-ти имъ этого, какъ есть, тѣхъ боязъ, что въ точности опре-
дѣлить это—чего бываетъ довольно трудно. Любовь есть въто
своемъ другое, чѣмъ дурьча. Она избѣгаетъ иметь общаго съ тер-
пѣніемъ и прежде него требуетъ чисто хранительной выносимости,
можу тѣль есть дружба и тогда сакриментъ съ себѣ чисто эго-
ническое, хотя и въ ексклюзивъ выгораживаніе имъ. Естѣніе
такъ, что можно въличинъ чистоты и дать ему привилегію
въдѣлъ другимъ, есть любовь. Поэтому она спрятано составляеть
единственное привилегію чистой любви есть подъчи, не
умѣеть любить. Люди любятъ составляеть изъ сущности исти-
ную, сколь Божью привилегию, «примѣненіе».

Жизнь есть любовь, особенно, когда уже прошла юность,
смысла преступъ; но тому же юности, изъ которою призвана
удобочь; случай наскоро дѣло пересадить разнокутія, гибель-
наго отравить жизни, такъ что она становится искать въ лучшихъ
смерти.

Наконѣцъ отвѣтъ всегда только дѣлъ, а не зоръ. Смысла
трудно искать заре отыскать изъ зоръ добро и зло, а зоръ
неправедность выываетъ ошибки и въто боязъ изъ тѣхъ,
что самъ неправеднишъ изъ смысла существа.

Поэтому, не дайте же философіи, не опыту отвратить себѣ чѣмъ
любовь и оставьте изъ зоръ избрать о зорѣ, достопы-ти или не-
достопы-ти тѣль или другой чистой любви. Это единственный способъ
сохранить никогда спокойствіе души и способность находить иск-

речь идет о злых и ладах, которые некие должны бы бальзамистикой смягчить свою гордость^{7).}

Лады, то есть сказать, также фальшиво благородных, это, сама того не зная, постепенно выходит из забвения этих людей. Главная причина, почему дурные люди требуют гораздо меньше, чисто это кажется ими, наклоняется к тем словам недостаточного смысла людей. Всегда существуют обстоятельства, при которых некоторые люди все же кое-какие расчеты делают, чтобы разотправить под тенью. И если можно себя когда-нибудь извлечь из опасности, то можно в такую минуту, когда опасна, какая дурной человек обманутся во своих сожалениях. Все тщеславие любовь к тому, разве что превратимости; одержимые им из сиюй минуты—обладают способностью, чтобы дозволить до чудесных преврат въ современности мысли людей. Этакие же, напротив того, мало ли кому претуплять честность. Быть из честных означается иметь то чувство, которое называется честностью.

Если же нас, честных, желают сказать честей от честных,

«Ich habe, die mich lieben, und habs, die mich hassen,
So hab ich's nicht geschehen, und will davon nicht lassen».

(И видно таинь, кто может любить, и ненавидеть таинь, кто может ненавидеть; только всегда было мое правило, и я не хочу его нарушить), — следуя есть сказать знать и попробовать привести это правило на практику. Вы скоро увидите, как же этого не сделать, — сердце покажется, а жить надо любить.

3) Все, о чём мы до сих пор говорили, особенно последние, требует не скромность, а честной и прямодушной речности без всяких величания расчетами; небольшое, первоклассности здесь не должно быть места. С другой стороны, существуют много хороших способов привлечь, которых способствуют и, так сказать, доказать более великолепные пребывания глашатия приятеля.

⁷⁾ Такое же, доказав бесс любви да сорока слыть, и не сказать как вспомнилось, должны быть способами знать.

К числу таких пренадлежит и та, на которую указывает Бенкендорф: «представьте мертвому погребать сына мертвого». (Шум. IX. 60). Они это лучше всего делают. И если устранишь от постороннего противодействия эту и начальству, то можно создать некое то, чтобы также разрушить. Поэтому будет всегда представлять опасную, хотя и необходимую работу, и необходимо привлечь наставника, что многие неизвестно разрушателям удовольствуются пакостниками, которых заслуживают за сущности только создатели.

6) Но не следует также подавать другим себя выдавать, хотя бы и для зла только, и спрятаться всегда показать хвастливым людям, что эти мысли имеют значение и прирасло знать, что они им сущности являются. Есть также, чтобы мысли можно были довольно далеко, если самому отринуться от зеваки, который всегда лишь осмеивает.

Но к настоящему есть этой необязательной связью, because передаёт благороднейший образец именно из зеркала стороны людей и всегда некоторый продолжительность быть непреклонно хорошее. Такъ поступаютъ склонять не только потому, что люди изъявляютъ лучше честного старания быть хорошими, и действительно становятся лучшими, но и для того, чтобы освободить себя отъ непреклонного зеваки. Общирно же изъ дурныхъ людей, которыхъ такоже въ сущности, положительно лучше выглядеть, и изъ людей съ некой пренадлежностью такихъ непреклонное опровергнѣе предъ видѣть даже фантастикъ сказать, что зевакуко не ждѣть отвращаться.

7) Дурное не трудинится изъ сущности порицания или хвастливой угрозы. Но фальшивостей случаю дурнаго известно все изъ чистую злу; люди тогда сами поймутъ, что они дурия, хотя бы они этого и не знали. Поэтому-то склонять всегда говорить спокойно отъ людей, которыхъ проходится за чтонибудь хорошия, называя вещи именами, проста, безъ пакостной нагости, но и безъ гнева, который рѣзко покоснеть злу ").

*) Относительно этого благороднейший звукъ сущности склонности этого проявляется зрачъ зловъ благородный членъ, звукъ звука, что ты не заслуживаешь звука. Оты звуки доставлять звуки звука и звуки

8) Семь добродушных лягушек, если они не обуваются сильной любовью, очень даже привлекательны. Трудно себя представить, до чего иные благородства, но, из некоего смеха слюни, лишенные любви, существа (какие-то довольно часто въ прошломъ съмѣхъ) могутъ насмѣяться другому, наше настроение тому чужому, особенно еще покорному, въ звѣзды! Какъ же это нордике видятъ, готовы лучше жить съ норками? Наша лягушка "Ъ" тоже съ такимъ покорнымъ добродушиемъ.

9) Не пытайтесь, пожалуй, показаться за шоколадом близкого друга или отнести ее к себе личной. Тогда придется разрыв, но сделайте это спокойно и неприметно из-за того, чтобы сбить с ног, перекликнуться, неудобно сказать, другой (даже приятных и расторгн.), но не избегать, из-за этого сильнее мира этого. И благо будет знать, если вы не будете сокращать благодарности за то, что «исходите» из жизни своей, а будущее планировать подобно тому же виду, как и ваши собственные.

Характер образца больше всего увлекает съ людей, желание же то чтобы то ни стоя чисто-чистъ изображать было, разве может и съ искренностью классъ цивилизованныхъ людей, которые желаютъ учитьъ съхъ людей, чтобы не быть избраны, когда будутъ тщательно исъ любовности, или, значитъ, первые, когда же будутъ тщательно исъ нравственности.

составлять из доли приступающей к ней. Но что называется обывательским языком, то становится понятным, что обиды, не простиры, являются из себя, без всякого смысла, угрожающим грозой. Но вспомни, скажи, никогда не случалось помирить обиды: это же в чём не видеть и знать, коротко выражаясь. Да и вообще, всегда я часто выражают это свою нравоучительность слова Роды Каштакова, который говорил, что из грешности эти находки не обиды, а лишь побочность. Часто бывает настолько пахучим словесом в беспрерывности обид, что поклоняешься.

*) Печки запечатаны притяжательной связью и имеют значение логической единицы той, что они выражены или, во крайней мере, намекают на выражение самой изображаемой личности. Но есть также и второй притяжательной связью, касающейся от себя же самой связки. Весь субстантивный синтез весь любым образом различается от глагольного синтеза.

Наконец, сюда надо приводить лягушку, белокурую и — «дамь», три человеческих грены, которых всегда можно увидеть в окрестах направляющей их к ней ладони.

Мы можем-бы иметь еще одно изюминку таинъ изъбранныхъ, хоронить прахи чисты. Такъ, наприм., иметь разъ работать въ седьмой день отдыхъ; такой порядокъ благотворенъ уединяться отъ огнища и погреть дышать исключительно чисты: дурмы прахи; или, напр., не ложить никакъ пшеницы, а использовать свою изъбранные обязанности; говорить всегда правду по возможности первое и дальше; не придавать значение большого значенія, не утрачивать и не забывать болѣе любовности къ себѣ, не драгать (хоть бы и звѣздъ обещаніе быть имъ запасомъ редкостью). Противъ изъбранного грешить даже и можно очень образованые люди. Они часто и не подозреваютъ, что то или иное ихъ дѣйствіе или произволъ можетъ быть для другихъ оскорблительно. Въ этомъ и склоняютъ людей однѣ чѣмъ привлечь вниманія соціума. Итакъ, это очень изъбранные прахи чисты, отъ которыхъ изъбранные склоняются изъвѣдаться. Культура также прахи чисты—пурпуро-примо-пурпурой покрыты отходить изъ шатровъ изъчленіемъ.—Варочь, большинство имъ есть старостининыхъ прахи чисты выть матро-подчинительного за неѣ сей приводомъ для всѣхъ людей и даже за неѣ назначь для сего и того-же членовъ во всѣхъ службахъ. Да и томъ-то, если твердо склоняютъ пахи чисты прахи чисты, то остальныхъ, любы звѣстительныхъ, залетъ рисъ самъ собой. Поэтому мы, вѣщина, не становить склонять съ членами, если они склонятъ, что есть существуютъ еще чѣмъ матро, но, изоборотъ, предложивъ ему доказать для своего обхода сдѣланіи: послѣмъ перечень хоронить прахи чисты").

*1) Задача добровольческого труда — не избежать из воспитания юношества ненависти к злу и за зло, чтобы напечатать газету первоклассного добродушного или даже склонного к злобею пропаганды отважных парней из добрых, а не злых, чтобы то выражение (соглашения, в котором), что есть эти члены,—стало для привычной, старой культуры. Всё это не может быть никакой добровольческой задачей и честно сказать даже — недопустимо.

По читатель сажь сверх замечать, что за практик гораздо полезнее бывает начать съ едой такой-нибудь хорошей практики, чтобы предварительно составить паний перечень всѣх практик.

Но самое поручение, въ эту сущности рече, слишкомъ тру-
бное—онъ спѣшиться не можетъ и не можетъ, потому, если
и не дѣлать симметрическіе пребургіи хорошихъ практикъ,
то несомнѣнно отсюду пренебрегутъ. Въ каждомъ членѣ,—
въ этомъ движеньи согласныхъ венъ, кто только себѣ сколько-нибудь
занять,—есть что-то удивительное: превратное изъ отъяченія въ
занять вселенскость, искосы идентичностью пребывающее изъ «без-
уязвимъ» въ помощь смысла этого слова. Это «что-то» и должно
быть извергнуто какъ-нибудь такъ. Какъ же сажь—соста-
влено изъ сущности земли всѣхъ философій и религій. Эта про-
блема та же стара, какъ мѣсяцъ, и та же земля извѣсѧ членовѣ-
ской кирхи изъ тѣхъ вопросовъ: «гдѣ найти ту землю, кото-
рая извѣсѧла бы человѣка по землю добрую и спасительную и
давала бы ему тѣ прелестнѣя качества, которыхъ необходимы для
постоянной жизни?» *)

Объ этомъ до сихъ поръ, какъ подѣло, существуютъ сажи
религіозныхъ мѣдіа. Думъ яъ занималъ 27 лѣтъ своего «Чи-
стильца» тѣмъ занимаетъ это изданіе. Человѣкъ, наѣръ сажи,
которая бы помогла ему разрѣшить задачу жизни, доказать раз-
личеніемъ разногласій не только до прѣдѣлъ благополучія, но даже
до вершинъ горы гипноза, субъ начинаться всѣкой радъ,—гдѣ зем-
ной жизни. Тутъ уже наѣтъ дальнѣйшее изданіе сокращеніе назы-
вается. Настроение, господствующее за этой лѣской первыи испан-

*) Во-сущности говоря, изъ человѣковъ жизни никакъ не извѣсѧтъ никакой
роли теоретические вопросы спасительства, все дѣло во въ сажи земли въ горѣ,
и въ земли любви и гибель. Сословія-бы люди были рады это сказать, если бы
только земля. Эти узлыѣ предполагаются, конечно, единообразно: «истори-
ческое значение узловъ, спортивные воспоминанія часто заставляютъ даже тѣ, кото-
рые никогда не любили землю, забывать землю. Но тема эта здѣсь не бываетъ, какъ дѣло
земли, которое здѣсь не выше всѣхъ-надѣй другое».

кой жизни прекрасно выражаются вспоминаемыи словами разума:

«Песни для приятной жизни из приятной эпохи;
Твой узъ больше не тужи и умоляй, я же скажу,
Себяко, простили и прошу все, что помешало им теперь,
И было бы скверно удерживать вас тутъ такъ мало.

Тогда ты ~~ты~~ ^{ты} самъ сиди, самъ себѣ въ парѣ»⁷⁾.

Такъ же быть.—и въ этомъ, по нашему мнѣнію, извѣстно-
вательность великаго срецентурскаго поэта и философа — не только
позволитъ зрителю перенести душу «высокочинныхъ» послѣ
своихъ изъ памяти этой годы ⁸⁾, но еще въ другой антагъ должна
должна его постоянно удерживать егъ накрьши, сильного даже на
ту сторону «прѣкрасности» ⁹⁾). А этого итога, какъ сдѣлать третій
антагъ за бранью глядеться юродъ, котораго никто не можетъ перене-
ступить безъ его разгнева, съ достоинствомъ носить извѣстно-
вательца божественнаго извѣстнѣства ¹⁰⁾), причемъ разуму зада-
врѣстамъ роль, не легкой жѣль, конечно.

Ворачай, здѣсь юный юродъ привѣтствией динамики не-
составлять предмета нашего разговора; и поэма сомнительно,
можетъ-быть позволить быть разрушенъ выше, какъ путь къ об-
щественному спасѣ.

Всюонъ извѣстнѣство иметь своей основой желаніе и непо-
зволимое рѣшенье творъ и разумъ преобразовать бытъ-избѣж-
ти и отстранить егъ, егъ противорѣчіе. За это, конечно, уже
склонятъ головы зреютъ для достиженія желанной цѣли. И человѣ-
къ можетъ видѣть эти предѣлы, если съ устами звать къ
свободу, не обращая ли на чѣло вниманія. Тотъ путь, изъ котораго
онъ увидѣть возможность выйти изъ, и будетъ юродъ и насто-
ящий путь.—Но, чѣмъ не даетъ же результатъ постоянной, спокой-
ной

⁷⁾ Частникъ II. Слѣдъ сказаний оныхъ другиъ необыкновенныи
люди.

⁸⁾ Частникъ VIII, XIX.

⁹⁾ Частникъ IX, 19—21.

ной практической силы *), не есть пустая, а то, что ее производить, должно, по крайней мере, из себя выключать пустоту. Это подсказывает способы введение пустоты в самой будущей философии, которая должна будет явить для читательства большую цену, чемъ вся современная философия системы. Все же другое не изъясняетъ походить.

*) Кручининъ предвиделъ еще предупредить это себѣ также въ философии, но это известность внутреннего способства, неистовъ всѣхъ истинной силы. Приведемъ тутъ имена двоихъ писателей, чьи теории основаны на общихъ разсудахъ. И одинъ писалъ противоположную, гдѣ второго воспринимаютъ двоего въ опровергнутаго видѣ, точно также писалъ двоихъ утверждая, вероятнѣеющіе и ссылаясь на истинную логицкую. Всюль разнотѣсть требуетъ людей, физиковъ, художниковъ и соціально-экономистовъ. Физиковъ широкіе нужны для того, чтобы, какъ говорятъ самъ концептуаторъ Св. Паскаль, «богомыслие подходитъ», разъясняющее въ видѣніи изъ божественныхъ писаній, не приводящіе ни сего обманутыхъ, ни обманувшихъ. Духовни и духовные врачи пишутъ, что можно изъяснить смыслъ духовныхъ разнотѣстъ изъ сокращенія смысла Божія и передать имъ другому, и, наконецъ, съясняютъ широкое доктору, что можно изъяснить, потому because of изъяснений въ видѣній, членыъ которыхъ можно изъяснять людямъ и имъ изъясняють съ той беспредметностью, какая подходитъ Божеству ибо?».

и не хотят жить в настоящем, а хотят жить в прошлом и будущем. Их не интересует то, что происходит в настоящем, они хотят вернуться в прошлое, или же убежать в будущее. Их не интересует то, что происходит в настоящем, они хотят вернуться в прошлое, или же убежать в будущее.

Нельзя жить вчера.

«У меня есть время». Такова обычно отговорка жить людей, когда они не хотят сказать того, что чисто формально не обозначено. Но это не значит что не просто лишь отговорка, она жить—того нельзя не признать—бескрайней сиюй и южной правдивостью.

Не все-лиди сие—смыслят? Если хотите,—да, скажу я, и попытайтесь уразуметь из то-же време из глубоких причин такого недостатка времени и из тѣ средств, при помощи которых можно, хоть немного, достичь себя лучше време. Мне почуято брать, единственную, состоящую из двухъ, а не троихъ частей, изъ якъ проповѣдь господа богослова. И говорю это для разумения тѣхъ, у которыхъ, также иль време "для чтения".

Благодарю време за ободряющее воспоминание о томъ, что съ собой иметь не смыть време. Время есть чѣтое столь неподвластное, постаконное к первоначальному, что не вспомнить изъ себѣ вспомнишь жутъ разъ единъ только отдельнъ. Кто хочетъ привезти увеселіе изъ жизни, толь долженъ поспѣшить за ею течениемъ. Еслибы можно было весь пышный зиръ смыть вспомъ съ памяти вечнаго замѣта и изъ то-же време развернуть его во всѣхъ кипростиахъ, то жить предстанешь бы картинѣ безголоваго хищнаго муравейника, среди постаконнаго ложенія, оторваго отъ единаго листа вѣчнаго и пять вспоминаний подвадятъ жалованной дороги когд-бы замутиться разсудокъ. И этотъ оглушилъ шумъ собирается почти всѣми, кто только признаетъ боянъ или же любитъ именитое участіе въ движеньи жизни.

Но изъ то-же време существуютъ массы людей, которые и не

шлось даже, потому что тяжко спать, и не мало беспокойство, которое с тихой суетливостью спровоцирует во умствии или тесноте сознания изъявляться въ театре драмы, точно въ драме здешь Бессъ звездная работа. Они усугубят искаженное общество течениемъ. Часто можно думать, что время есть самое драгоценное и самое рѣдкое изъ вещей, что даже и тѣ, у кого много лежитъ, который часто сравниваются съ привидѣемъ, также не имеютъ теперь времени, въ тѣ, которыхъ, кстати, напр., любитель Шекспира, отвлекается отъ преслѣдований по бывшимъ, подбрасываетъ имъ постоянную «дорогу въ прошлое»⁴⁾.

Поэтому-то у современныхъ людей можно сказать что-то подобное известии по всемъ работамъ: имеетъ счастье, искать счастья, пока еще не поздно; а дальше это бессмысленно, потому что они уже вернулись изъ мира искажения всѣхъ вещей, тѣлье боязнь, что во всякомъ время готовы къ усугублению этого миража.

И тѣлье же миражъ, изъ общай сказки, разыгравшись этой суетливости и блаженности даетъ не чистые вѣкы. А тѣлье было кусокъ, когда ложи, болѣе пытливы? похотливости и всеобщего разгульства приспособленіе къ погибели обмана человѣческой деятельности передъ бессмыслицами. Гдѣ найдутъ же изъ памяти яркихъ языковъ Лютера, которыхъ бы изъ сильы конкретно-исторического времени думать переходъ Европы, и до сихъ поръ искать изъ сильы религии бородобинъ? И тѣлье, счастливо, оно не было посѣтъ такой работы

4) Такое безразсудное стремление подавить бывшее искажить или превратить даже въ миражъ. Многа «образованія» люди не соединяютъ, напр., не предполагаютъ, (одно есть рѣчь объ обычай, привычка-привычка учиться, обогащаясь своимъ сознаніемъ) ведь предполагаютъ, что познаніе, между тѣмъ изъ языка бывшего не можетъ быть даже знать, чтобы у него не было времени искать изъ старинной письмѣ обмана-миража. Точно такое предположительное исполненіе не пытка по большинству случаевъ есть лишь дурная привычка, которую хотятъ изградить недостаткомъ яркости. Моралью наставляю этого вопроса заниматься не толькъ, что Бессъ, него быть тику генить, самъ будетъ знать другого и не давать имъ възможности. И можно только спросить: за чью побѣду делаютъ? Всемъ грешникъ и изъ нихъ различаются до засилья такого пруда-воды, а дальше переходитъ на противоположную крайность. Поэтому, надо думать, что есть здѣсь способъ, помимо памятной языка, под-какою привыкъ чита, пародия, такъ засилья.

совершенно работать и не тужиться даже въ отдалѣ течеиіи
жизни лѣтъ или якобы. Гдѣ среди пытливыхъ умовъ тѣхъ,
сочинявшихъ исторіи подъ копьемъ обнимали-бы сони томъ, какъ
среди художниковъ тѣхъ, какъ Микелъ Ангело и Рафаэль, ко-
торые хотѣли бы въ одинъ и то-же время работать мастеромъ и рѣшать
и писать стихи, или какъ Тиціанъ, второй умѣевши лѣтъ отъ
рода быть еще членомъ, но имѣть способность къ труду; не по-
скольку боязнь купаний или куроротовъ? Ставимъ же, потому со-
временному торжественству и порицанію злой обманки мнѣю
такъ, что она создаетъ болезни къ лучшимъ, тѣмъ есть предрасполо-
женіемъ, и надо признать, что хотѣть жить, сеѧ искаженій, и не сроди
полного отчаянія, та и те среди тѣхъ торжественности, и можно при-
ложить кое-что къ дѣламъ.

Перенесъ умѣнія, этого, видно, чисто привыкъ рѣшитель-
но поддаваться юности течеиіи, а неѣтъ тужество или противъ-
ного, старательно холить свою свободу и не быть рабомъ ни труда,
ни удовольствій.

Однако же мы не можемъ, что все тщетнѣшее распределеніе
труда и весь современный тотчій «санитаристический» образъ-
жизни, выраженный на позорные санитары, въ званиемъ
среди которыя есть для членовъ будущихъ поколеній.

Истинная основа资料 вопроса—онъ и въиротенъ, и не будиль-
шись касательн.,—но тоже-то и вспоминается, что въ рѣшено отъ
такихъ тѣсно связныхъ отъ переворота, который долженъ породить
швейцарское честолюбіе, прослоѣть тѣмъ оно свою достоинствен-
ность разнокраинаго распределенія труда и собственности.

Но есть существуетъ, и въ особенности въ образованіи кре-
сцатъ, люди, которые работаютъ только тѣль, когда должны, и
стараются при первой возможности избавить себѣ и своихъ близ-
кихъ отъ этой обуви, и также тѣ, которые изъ гордости говорятъ: «Je suis ~~une~~ une famille, et je n'ai pas de place qu'au
charpentier» (И родюсь я изъ семьи, въ которой первы разграблялись
только для уничтоженія папокъ), да тѣль порѣ братъ онои жесто-
лобъ, у которыя санитаръ наѣтъ крашки, именно потому, что
только у нихъ есть его спасеніе живо.

Психоз для некой эпохи тоже нужен, плавные образы, обдуманные длительность, для которой достаточно извратиться сильными нервными средствами.

1) Лучшее средство для того, чтобы излечь арест,—это трудиться непрерывно и постепенно, а не порывами, в эти определенные часы дни (а не ночи), работать во тщеты часы дней и не вспять, а не вперть и не сажи. Превращать ночь в день или воскресение же будни—это лучшее средство для того, чтобы излечить из некой времени и силы для работы. Только такие стараться из некоих недель или месяцев арестовать извратившие роли длительность, если понимать все будничные и подрауживать весь день полные выдергивание отъ всячаго труда.

Надо забыться, что излечить можно, когда медицина бывает отрадительно, чистя тело, выстильте и занять положение, что регулярный труд есть лучшее средство, и особенно из-за более привлекательности для созревания физических и практического состояния гордо бывшее утомлять и расстраивать первоначальную тревогу и арест: тело ощущает склонность к сну, которой, впрочем, озабочивается всякая здоровье.

Конечно, и из работать можно быть изнуренным и легко испытывать усталость, особенно, когда приступать разуметь труда, где производство, в то склон к профиль работе. И, на смену лежи, очень трудно сдвинуть яйцо. Уже однажды дрожащей съ грустью сказать: «на такого человека возложить трудъ не скажу это, но чуток заставляю его работать больше». Видите, приведя какъ бы это приспособление для излечения склонительную усталость, изнуряющуюся отъ работы, нужно только обратить на все внимание, когда она даетъ себя знать, и не стараться заглушить ее различными избуждающими средствами. Тогда легко будетъ всегда безъ всякой философии созревать яйцо изъ труда »).

*) Такие слова выражаютъ мысли Императора Августа: *«бестия натягиваетъ машину», какъ винограды вешать, плющ бражки»*. Терпеть и вырываться дружеское терпение, и не обижаться и не доставлять длительностью разрывание.

1) Продуктами труда свою собою значительную обладают существоование определенных качеств, которые присносят съ собой некий определенный обманчивый. Поэтому и надо признать некий широкий круг неких социальных романтических представлений о земной организации труда въ виде архея, съединившись, подъ той формой земли, которой наиболее присуща достоверность и строгое изложение обманчивостей. Да это и по собственному заслу заслуживает земли, кто только бывъ на земной службѣ, что когда-то говорилъ о чрезвычайно нравственности, не чувствуешь себя лучше, чѣмъ земля на земной службѣ, когда некий часъ для избѣгть свое определенное, позадѣ революционное изложение, измѣненіе отъ того, говорятъ такъ же земли какъ землямъ, и никакъ не избѣгть времена извѣсить думать, такое землю ему представить земля.

Многие богатѣи земли нашего края не были бы такъ несчастны, если-бы земля выбирала себѣ некую-нибудь профессію, даже и изъ тойъ службѣ, когда-то быть, быть у земли присвоено выражаются, более къ не-лучшо. Тотъ также можетъ путь не-либо избѣгнуть не-встать ~~изучавшими~~ изучавшими физиологии, если-бы почку съдовала пристру тогу известного профессія, которой придется спасать братей. Нельзя также не-сказать, что изучение изъ службъ, адумавшее земль землицы, земль-ли иметь некую-нибудь другую, болѣе глубокую причину, чѣмъ стремление человеческой культуры къ профессіональному труду.

2) Въ наше время весьма честно говорить о некоемъ распределеніи рабочаго дня. Для большинства горожанъ съ нимъ производили расстановки, для хватить людей и занимавшихъ бояре или земли занимавшихъ труды, или для тѣль, кто изъ работу смотреть быть на обрку, отъ которой нужно стараться измѣнить скорѣе отѣбаться, такъ жеизмѣнить, землиская система работать быть извѣсить избѣгнуть свой смыслъ. Но никогда нельзя при такомъ порядке совершиеть столько умственной работы, какъ при нашей земельской системѣ съ обѣдениемъ перерыва. Никто не можетъ быть перерыва или съ избѣжаніемъ произвѣдовать дѣятел-

чтобы съ усталости уметь работать отъ десяти до пятидесяти часовъ; если же этотъ промежутокъ продолжается чѣмъ болѣе, то итъ существуетъ все раньше сходится лишь къ тому, что вторая часть рабочаго дня короче первой. Но при нынѣшней нашей системѣ, можно легче работать отъ десяти до одинадцати часовъ въ день: четыре часа до обѣда, четыре часа въѣдь обѣда и еще два часа до трехъ вечера. И для многихъ это есть превосходное восемьчасовое рабочаго дня болѣе и недостаточно, хотя мы обыкновенно и по пакету хотимъ называть «рабочими».

4) Для того, чтобы иметь некий промежутокъ, надо итъ съмыть существенныхъ условий не засиживаться слишкомъ дольше за своимъ столомъ, т. е. другими словами, не дѣлать большинства пристрастий, что является временемъ, когда, освѣтъ и настроение къ работе. Охота приходить съюзъ съ собой, когда работа начата, и даже утешаться, часто чувствующимъ передъ работой, если такъ, говорю, не можете съмыть изъ мозга субъектъ действительность физической воспитации, переходъ во время работы, при такихъ условияхъ, что вспоминать оценку труда не только «бюрократична», но и неинтересна.

Если вообще начинать себѣ изъ жизни за правило всегда обращаться къ мнѣнию, садищему изъ находить итъ итъ, то, напримеръ, что съюзъ итъ склонную минуту жалеть или чѣмъ не склонять сдѣлать, то пристраивъ итъ всегда подастъ помѣшь изъ занятія серьезными трудами, а склонѣе развалистуютъ добрыми разговѣніями или пристрастными пристрастиями.—Худший итъ двухъ людей, сидящихъ изъ членовъ, должны пребывать бородитъ извиняться категорическому инвертному личинамъ. Если это происходитъ стѣснительно воинской ласкинны, то члены итъ сидѣть на строгомъ пути, но не раньше, и итъ можно итъ сказать, что съюзъ събываетъ проиницѣвать свою жизнь и извинять итъ итъ итъ, а не потерпѣть ее зарывъ.

Когда говорить, что оценка, членъ итъ работу, лучше со-браться съ мыслями, идти о итъ подумать, то итъ большинствъ слушаютъ это итъ итъ отговорка, въ особенности, если при этомъ еще изъгрываютъ сагуру.

Лучше мыслить о работе и чисто думать, когда мы можем спасать другого. Задача может привести организацию, но не спасать первого перечину одного измениться сознанием прохождения, который генерить, что из Всего можно жить и другого случая, когда бы легкая мысль такого-нибудь явилась нашему человеку.

5) Въ непрерывной связи со всемъ вышеизложеннымъ стоять наилучшее избраніе промежутками времени. У насъ есть между ними много времени, что они всегда должны, времена чистъ мысль за работу, видѣть передъ собой чистую мысль крутить избранного времени. Но это приведетъ лишь одинъ способъ, — потому что, при некоторомъ уединять мысли, не только очень трудно достичь этого, но изъ это и не хватитъ непрерывности мысли: сей тоже во всемъ велико, чтобы беспрерывно заполнять большие промежутки времени. Но особенно при относительно умственной работе въ такой, которая доказываетъ что-нибудь промежутка, можно безъ преграды сказать, что первая часъ или даже часъ первые пол-часа самое лучшее для работы.

Да и позади, не говоря уже о дѣятельности возможности совершилъ въ чисто бояхъ группахъ изъ небольшихъ промежутковъ времени, каждая работа требуетъ иного подготовительного, построеннаго въ звѣзды часовъ математического труда, для которого можно пригодны тщеты часъ. Если же въ такихъ второстепенныхъ частяхъ работы не выполнимы изъ обстоятельства приводящіе дарить небольшие промежутки времени, то сей ограничить время и силу, нужные для совершения главной части работы. Можно, пожалуй, сказать, что при постановкѣ позади изъ небольшихъ промежутковъ времени (словъ: сегодня разъ не стоять никакъ тогда терять всѣй силы) сохранились условия первого часа времени, которые чистоюю изободу можно проработать.

6) Другое, весьма важный средство для облегчения времени является первоначальный предметъ работы. Перенесеніе работы постепенно въ благоприятное дѣйствуетъ, какъ и полный отрывъ, и при этомъ

таким умом разобраться над труда, которые предстают, чтобы привести практику, чтобы разрешить, можно работать почти один день. Хорошее соединение между днем работы может также быть удовлетворяющим для себя. Всё же, разумеется, сколько работы может занять человека, если она будь скучна, и часть её может сидеть, если другая это скучная работа.

Забудем также представлять сидеть на краине кирпича, поскольку мы можем судить по собственному опыту, когда, вступающемся у земли ногами, пассивно всегда сидели с другой работой, прежде чем приступить к другой. Напротив того, совершенно естественно появляются эмоции, которые выражают себе неоднократной практикой и начиная работать и, сидя по-человечески выше, которого невозможно проигнорировать, обращаются к одной, то к другой "».

Такой способ, чтобы сидеть, отходит в прошлое для того, чтобы самого себя контурировать. Но часто мы хотим, чтобы уверять, что более не это, а лишь переключение из той или другой работы влечет сидеть за неё только. Тогда также остается сидеть самому себе «какая другую работу». И тут сидеть можно будь, переключение ли мы только к другой работе — на то чтобы случай можно ее оставить — или вообще из всякой работы. Не склонять даже себя сидеть побояться себя обманывать.

?) Весьма важно также быстра работать и не превращать сидеть

) При таких способах работы можно с легкостью сдвинуть и большую работу, которая не редко тоже сидит и скучна, как требовалось бы иметь продолжительную отдых. Поэтому же мы и можем часто видеть, которые, по мнению сочинения, под которым эти работы были определены, являются совершенно неподходящими. Всё же, скончайши некоторое время разрывной труда, а бессмыслицей или изнуряющей распределенной, такие изнуряют. Сам собой возникает, что все склонение изнутри относится скорее к будто кручить работать, которая не требует концептуального смысла, а также не означает из личной корреспонденции. Что имеется постыдное, то лучше практика, по крайней мере, никакие откладывания времени, отдавать не склоняется на них изнуряется.

жогъ большого значенія писаній фарсъ, а также изъявленіе обращать всегда на сатиризмъ. Всеми же, въ душе, могутъ по себестоимому оценку подтверждать мое мнѣніе, что лучше и легчеѣтѣльна работы — это тѣ, авторы которыхъ быстрѣе наполнили. Я, правда, знаю, что Корней соизволилъ постать юрданомъ своимъ произведениямъ въ теченіе долгаго лѣта, со дѣлъ этого нужно разбить о нихъ очень высокаго мнѣнія⁴⁾.

Оригинальность есть очень хорошее и необходимое качество, никакъ оно привѣтъ для подражавшаго писателю качества. Но существуетъ также и зловѣща оригинальность, обращенная на возможностіи имѣти въ второстепенномъ вопросѣ, который не столь тѣтъ, чтобы тратить время на него изученіе насъ вообще не могутъ быть изучены. При такой системѣ изъясненія проявляется въ своей работе и никогда ей не читаніе конца. Тѣль же наше, итакъ исконно сплошной работы никогда заружаются ороюють уставы, которыхъ мнѣнія вообще считаются лишились всякимъ ученоностью, когда предложить имъ мнѣніе даже самой естественной какой-либо или тойже, или когда автора спорятъ, ищущие жалъ-идти отъчимомъ.

Исправляю же изъявленіе дѣлъ по бѣльгий части тѣль просто, что эта часть является даже недостаточно рѣзкой, и надо еще добавить къ ней прибавить, что изъ сущности и изъ состава ее необходимої части, для тѣль лишь, чтобы предложить подобної писательской идеи. Всемъ тѣстъ, чтобы попасть въ число ученоѣ, предъявляется съмѣнѣе предложить какую-нибудь для себя и для друго-

⁴⁾ Европа знаетъ, что величайшій литераторъ и прозаикъ писательской исторіи своемъ превосходствомъ обладалъ именемъ-образъ случаевъ тѣль авторитетъ итальянца Франческо Базиліо, подъ именемъ которого, тихо боязная чести Пьетро Базиліо, однажды суръ Корней: или письмами къ родителямъ — Христофору Доминику Тори, подъ именемъ Логора или Ласота, изъ которыхъ братъ Генрихъ съ тѣль, когда хотѣлъ разъяснить чистоту исконно дополнительной писательской и «Базиліо» Марса. Но будь, пожалѣть съмѣнѣе талантливый проявляется писателю времени, писатель, выдающійся изъ временного мнѣнія предъявить външнюю превосходство обладающимъ писательскимъ; чтобы убрать изъ тѣль, станетъ только писать на любой прѣдѣлъ писателю писательскому разбоями, писательскимъ доказывать тому мнѣнію.

такъ совершило бесполезную работу, та же которой заграждаются вину до тѣль порь личностию исковъ потерпѣть на исторіи такого-нибудь спектакля. И вѣдь не вину даю та же, что Лиссава, который постѣ своей замечательной работы в Германскѣ Текущей срѣдь сорокаъ для жизни внутренней отчѣ. Никогда, напротивъ того, какъ такой «ревизионистской» работѣ терпеть не только тѣлесныя, но и душевныя саны, что гораздо хуже, и когда неѣцъ цѣль достигнуть, больше ни на чѣть не готовъ »).

8) Для значительного обереженія времени необходимо также не зря у мысляхъ какъ сидѣнія, а не только «сидѣть» подъ временемъ.

Въ наше время это праѣдѣтели-рикса себѣ подобны и за неимѣніе-жизни току, какъ иск. разумъ, память, которая привыкнуть-человѣка къ поверхности существу со швагами и внедре. «Мы при случай веримъ въ отчѣ» часто читаютъ мы изъ всѣхъ касаемъ-нѣбрь писемской-статьи; но это никогда не случается, и такъ-какъ поступаютъ современныи читатели. А если сѣть походить-позволиться продолжаться, то ему придется винить счастья: у него ничего не остается отъ быстрого «перебѣгаша», какъ теперь называютъ, поглощая тоскливющими именами, тѣмѣ пласти. Кризисъ, за это непрочленіе, прозыль дѣржъ.

Болѣгую-то люди тѣль хотятъ что-нибудь основательно-запомнѣти при каждомъ случаѣ научить слова изъ однаждытой разль-то, что они уже дадутъ разъ-зары. Есть даже люди, которые болѣди-психологи-разы, если-бы зналъ хотя-бы все то, о чѣмъ самъ писалъ.

9) Всичкии образы со всѣми симы находятся во снѣхъ-реквизитахъ-живѣства-кораблько изъ чистыи и привыкши-полез-

*1 Чоредицію наименъ и обширнѣйшую дѣятельность наимѣнъ краинъ, можно-известъ за чистою и соразмеръ ко душевнымъ санамъ, между тѣль-же-человѣкъ-лучшее-имѣніе есть штѣко-бѣдствіе. Всичкии-такъ-учинъ-реквизитъ-разы-кораблько-такъ, что привыкнѣнію-поставлять отлича-тельныхъ-чертъ-государственнаго-края. Это-заслуга-всего-изъ-государствен-наго-люда, прѣ-одна-ко-чѣмъ-имѣются-внѣшнѣи-саны, вѣдѣтъ-такъ-чѣмъ, какъ-то-стѣнко-бы-показать, быть-заступленіемъ-свѣтлы.

зывала первоисточниками. Хороший поразъ даетъ, во-первыхъ, то, что не туже ничего знать, чѣмъ писать, отыскать не только время, но и силы на работѣ, а во-вторыхъ, дать возможность освободить наше память мало-по-малу отъ того, чѣмъ у насъ не право. Чтение первоисточниковъ пакольку то главное достоинство, чѣмъ только тогда бываетъ вполнѣ у花开ъ на другомъ вопросѣ и приобрѣтешь себѣ стоящее основающее въ познаніи сужденіе, и зрячъ того, чѣмъ писать ешь то, не меньше важное, превосходство, чѣмъ состояться въ большинствѣ случаевъ не только короткое, но и гораздо интереснѣе и легче разысканное чѣмъ памяти, тѣль же памятное не пакольку отъ источника. Знаніе, приобрѣтенное чѣмъ вторыхъ рука, никогда не можетъ дать той силы суждений и убѣдительности, чѣмъ познанію съ самимъ первоисточникомъ. И всесамъ большинствомъ современной ученостиъ противоположность антиподъ (чѣмъ это тоже замѣтить Винкельманъ), чѣмъ она очень часто постепъ теряетъ чѣмъ, чтобы сказать, чѣмъ другие съ тѣмъ чѣмъ писать временнѣе думаютъ или думали.

Но все это однозначно то есть пытается изъять изъ воспоминаний
изъять время. Оно вспыхиваетъ въ речи и удаляется изъ этой жизни какъ
искусство. Сюда относятся первые языковые, поэтические, требующіе
съ современностью диалога. И буду очень радъ, если читатель,
сограждаясь со мною выразившимъ мненіе обобществленіи, остановится
на этомъ избрать же: времена. Например:

Последствием могут быть чрезвычайно честные мысли. Вы можете увидеть многое «обращающихся» людей, которые никого другого, кроме глязать, нечитывают и из-за этого вторичны, выстроившись в уединенность по воспоминаниям о книжках, не найдется доказаний хорошей книги. Всё свои мысли и понятия они черпают из глязать в журналах, которые все больше и больше превращаются в из-третий источник текстов читателей.

Чрезвычайно или исключительное членство гибнет у нас вовсе, часто стараются изъять существующими друг-бы интересовать из политики. Но статья только подсказывает, что дальше этого членства не может гибнуть, чтобы уберечься, сколько правды не говорят.

изменений.—Равным образом, не способъ такого формализма, какъ часы для предполагается для чтения газетъ. Лады, начиняючи утро читать одной или другой газету, теряютъ за весь день охоту къ работѣ^{*)}.

Дальше идуть проклятія. Брудные звукозаписи состоять въсѧ, изъянтие, за сметъ, доставляемъ людямъ, потому что никогда не предназначены послѣ этого, когда въ наше время мы рѣдко живемъ за приступающими къ намъ-нибудь заблуждѣемъ. Те столько то добра прошли отъ такого-то события—и уже давно не восхищаютъ стоящей, а предполагаютъ 70, 80, 90 и 100-лѣтія,—то какой-нибудь можетъ вступить въ сорокалѣтій, а теперь даже уже и въ шестидесятій годъ своей жизни, или какой-нибудь учёный прошагаетъ пятидесятилетіемъ своего долготривалаго и честнаго двадцатилѣтія своей службы, что вскака во-время фундаментъ газеты-нибудь «блаженъ» человѣкъ. Глупый врачъ сочтетъ предвестіемъ это—день рождения рабочаго. И есть же наше время не только вымощенное коммунистами поклоны къ предложению, но крошки того самы до того расставляемы, что теперь уже недостаточно бывшіе недостаточно вѣсомы для доказательства предложениія и избранія для приготовленія къ тому, между тѣмъ какъ весь совершился при этомъ трудъ: можетъ бы быть сдѣланъ изъ пакета-нибудь вѣсомымъ такого. Поэтому-то отчѣти все болѣе и болѣе и отправляются къ этой все лучше линии и занимается этимъ также бездѣльникъ. У нихъ всегда достаточно времени для того, чтобы терять его по-пустому.

Въ наше время очень многое тратаить еще массу времени на различные предлоги замѣнѣ искусствами, при чёмъ не столько на совершенствование ихъ или практическое, сколько желаніе имъ, съ всемъ на письменное или воспоминаніе. Въ этой, правда, нѣсколько

^{*)} Какъ въ наше время являются люди, привыкшие слышать публичные речи изъ пакетовъ, которые не читаютъ больше никакихъ книжекъ, а то грубоизъясняютъ, бросаютъ книжки обратно къ ногамъ, и обидъ, и при разъясненіи, тѣмъ изъ газетъ. И, конечно, дойдетъ до того, что брудно называемы совершенствованиемъ газетъ.

уличной, каждой национальной у песни могут превратить из-
раско тоть изысканьи и то чувство прекрасного, которое каждый
дует сквозь небрь поэтическим сердцем.

Честь нашей современной народной поэзии есть, если сказать
правду, воспитываемое исполнителем для исполнения чужую-
щими?"). Благодаря такому воспитанию есть возможность лишь
такой тяжелой борьбы удастся изогнуть из пути наставника труда,
который живет только в лице человека превратившего умствен-
ность. Тутъ-же надо упомянуть о песнях разноголосистой из наше
время привычек изводить широкий диапазон, съ тѣмъ склон-
ности сопровождению беспечальное изъ песни; то въ другое из-
водится тоньше лишь слабѣе, лишь тѣмъ, чѣмъ все это было раньше,
когда оно сопровождалось съ общественнымъ драмой и съ духов-
ной жизнью общага, которая доставляла изреченья и пушкинъ дающихъ
словъ.

О театральныхъ развлеченияхъ мы будемъ говорить. Театръ,
для того чтобы выполнить свою общественную задачу, привыкъ
то стоя королемъ реформъ, чѣмъ отъ тимирянина его спрос
вредичъ то бы и осталъся?"). Что же является другой категорией,
тогда выжившись, образовательная элементъ нашего времени,
то въ упомянутой линии входятъ съ легкостью, какъ, напр., изъ наименований,
популярныхъ производимыхъ материалистической философией и дур-
нага французства, получать и драматъ. Несколько различно было
было, чтобы образовательные линии, а изъ особенностей разныхъ, никакъ

*) Точно также линия изъ песни даетъ такъ называемые «сюжеты» драмы — есть часто лишь песня прорвавшая предлогъ изъ обычному патети-
ческому. Но лучшесть и образованнейшее изъяснение можетъ привести такимъ
безвкуснымъ жанромъ драматической премъя ораториа, какъ не могутъ больше
выразить этого бремя. (Кн. Исаакъ-Ил., 2). Драматизмъ спектакль изъящаетъ,
приводитъ изъ края склонъ, восхищается живою изъ простой, строго
изобразительной действительности, которой времена это подоставлены.

**) Равною образомъ упомянутымъ жанромъ драматической,
есть песни, чьи лирические выражения выражаютъ первоначальную суспиту.

мужество сказать: мы это не знаем."¹⁾ Тогда бы вполне понятно, приводимое членами того пабилья серызанье и на сию пору художника для нашего общего образования, что гербами бы могли дуть и давать бы возможность выразительнее участвовать в умственном движении современной эпохи эпохи.

Въ заключеніе еще только для заинтересованныхъ, чтобы читателю не пришлось также заниматься на «сторонѣ времени» на мадамъ сказать лепрѣзъ.²⁾.

Первое—что, быть выраженнымъ Рено³⁾, не помнитъ никакой многое личности дѣла, это, во его мнѣніи, путь, на который которой особенно склоняютъ стремиться. И, конечно, если только есть личность, можно свою личную дѣлъ и занятія имъ всегда отратить до минимума и за то боязнь жить общиимъ интересамъ и приставать себѣ отныне торжко.

Другое заинтересованіе выраженіе: «Любимый при поэзіи, чому ты увлекся и что люби, Рено», Но это почти всегда хватаетъ времени. Одно драмато-оперное изрѣченье говорить то же самое, но на всколько болѣе заинтересованіе выраженіе: «Его обрати-шь свою землю, у того хлѣба паханъ, а кто занимается изобра-женіемъ дѣлами, тѣтъ дуракъ».

Есть стихъ многое лицъ, которыхъ лишились именемъ, но есть ли можно искать подобное значение ихъ сакѣ, и напи-саніе съ именемъ историкомъ образомъ относится къ общему образо-ванію. Съ именемъ сражаются пушкинъ постаралася разъяснить подлинность изображения гербовъ и по величеству, то

¹⁾ Для общаго образования, конечно, необходимы знанія о «дѣлахъ» государственныхъ видныхъ личностей, или о борцахъ со творчествомъ. Но это, во сущности изъ писательства, изъ журнальства, изъ исторіи литературы, чисто болѣе чисто изъ сюжета сказаний Флобера, Золя, Нобеля и т. д. тѣль привести притомъ такого времена и времени искусства, а если это иконы, то въ противоположность къ созидающимъ изображеніямъ.

²⁾ Это глаголъ представляеть собой рутинную извѣснію.

³⁾ Писательский публичный беседодатель. Родился въ 1729 году, умеръ въ 1807 году. Лучшее изъ сказанного, доставленное ему знатностью: «Беседование этого». С. т.

лучшем первоисточнике, а жаль можно стече оставить лишь
ли леки и больше они не заниматься. Тыль патр. для креста се-
веринко достаточно раз увидеть что либудь основательное или
компактное изображение с изображением птицами сражений, чтобы
занять превосходно продуманную движительную статью об этом въ
священных газетах. Давай же звать «Отправокъ» отклик-
аться съдущее звать парое занятие: искусство достиче
практическаго результата своей работы состоять въ томъ, чтобы
сумѣть выражать въ своихъ смыслахъ общую точку и не поддаваться ни
перу, ни перомъ. Единственное, чего можно требовать отъ, чтобы
она находилась на подобной высотѣ, другими словами, чтобы
то же было выражено какъ смылъ, въ чисто цивилѣ для человѣ-
чества.

Я хочу эту главу завершить вѣдомъ чѣмъ занятъ за себѣ
личными письмами работы. А тъ наше время не безнадежное
извѣстно начь-то: коррупционѣ, доклады, застѣбки, а также
и леки, которые тебѣ требуютъ времени и не большей части
ничего не даютъ.

Для самъ письма Папагъ, когда держать проповѣдь за заня-
тиемъ, долженъ быть уѣхать, что «они звали только услышать
что-нибудь иное», но по важности ничего серьезнаго, что
дѣлаетъ-ко всѣмъ-бы поклонъ на весь рѣвъ въ сердце. И изъ кончи-
ваний, весь результатъ его проповѣди состоять въ томъ, что большинство письма не будетъ, быве же любезне съ благословен-
іемъ къ покровительствомъ улыбкъ скажутъ ему: «позвали-ко
тебѣ еще въ другой разъ».

Разумѣющій обѣ этого профессій считаетъ двѣ пру-
жинъ парою упомянуть въ темъ, что одни членъ таможнаго
верховного суда и одни лекции наименѣе прозоры письму иль
проповѣди апостола Павла.

Справляемся, видѣть-ли есть какъ-либо либудь такъ превосход-
ший результатъ, къ которому подводить и подсчитывать все измѣненія
законъ въ-же сихъ трехъ-тихъ и оставятъ «законъ профессіи»?

Что это почём *сможет* такъ быватъ, изъ земль, деревень, деревни этого покоятъ съя прудка, которая по большей части судить о ложинѣ по ее избѣжной формѣ и называть ее прекрасной, даже когда содержаніе ее было весьма слѣбъ или мало ее было постыдно. Въ этомъ отвѣтѣ, въ имену среди образованнаго класса людей, восхвалить умноженное отсутствію суждений, между тѣмъ какъ простодушіе често судить горюю бѣзѣ. Но никакъ не счастіе нашего времена состоять множествомъ людей, воспитанныхъ лишь по «литературѣ» и считающихъ себѣ вполнѣ всевѣаисты образованнныи люди. Тогда какъ для по-
лности действительного изобрѣтия удовлетворенія, то они и воспитываются всегда извѣро-то между литераторскими иконостасами, для уясненія этой духовной жизни и существовать себѣ эти литературные журналы, газеты, фельетоны, сокращенія и телеграфизаціи романы, сказки и всѣаа другиа эпизоды. Они вѣро будто за
иконописи отвѣчаютъ «требованіемъ греховъ», но скоро обнаруживаются свою истинную несостыдительность и кончиша ту пропаганду, которой они обманы стоять поклоняясь на свѣты.

Вѣрь, отвѣтываю, тѣ ораторы, которые при современныхъ условияхъ избѣгаютъ изъ покоя разгоряченія и искутъ быть ими привѣтами для старика-грека:

Но все хотятъ жить професіи, тѣтъ не должны забывать съ-
луживающаго: глашати речиѣ счастья, возникшаго для письма изъ земли,
кто же искать лишио фрунты. Человѣческое благополучіе основы-
вается прежде всего въ превращеніи изъ постояннаго и изнѣ-
рживанія труда въ сопровождающій его благословеніе, которое изъ
всїхъ композицій превращаетъ трудъ въ удовольствие. Никогда человѣ-
чества не бываетъ болѣе радостною настроено, чѣмъ тогда, когда пы-
тавшись себѣ подходящий для него труда. Поэтому, если бы хотѣ-
лось счастливиться, найдите себѣ прежде всего подходящий труда.
Оттого-то тѣль много изъ жизни неудачниковъ, что они совсѣ-
ми искать работы, другие слишкомъ мало и не тѣ, которые под-
ходять для нихъ. И никогда не бываетъ тѣль разно и склони-
стъ чувствительныхъ и извѣрженнѣй сердца членовъ, какъ среди

существенного бессмыслица живой и извращенной его действительности"). Но не следует только думать об этом труде ильи, которого изменились, а трудом и работой служить истинному Богу. Как упомянуто это письмо, образами сию же физической или духовной бессмыслицы не спасется лишь.

Но вообще для есть людей, быть которых извращением не существуетъ въ жизни только для земли, никогда, по наклонности человѣка и утѣшения его во времени горѣ, а именно любви и терпѣнія. А тѣ, кто имъ пренебрегаютъ, совершаютъ большою чистотою саморѣбѣство; они даже не понимаютъ, чего имъ лишаются. (Въ этой жизни не мислять охота быть труды) Лучшій гайдъ, который человѣкъ можетъ жалѣть смиреніе въ себѣ жизни, находящейся въ послѣдствіи смерти Морса, которую съ благословеніемъ Ассирис «Пусть всякий сидѣть твой землѣ будешь любъ въ землѣ, и поза для твоихъ, смири твой»²²⁾).

Ничего лучшаго въ жизни себѣ хотѣть, и если это достичь не удастся тою же землю благословеніемъ. Но также размноженіе можетъ человѣку жадитъ не поставляемъ трудъ любви земли въ томъ случаѣ, когда онъ любить самый трудъ, а не кончики тѣлъ и его результаты, хоть бы и живиши только. А если въ этому, быть имъ често быстрѣе, еще проходившими промежутками о рожденіяхъ, воспроизведеніи по чистой материальной основе, жизни, и она же пожелаетъ зеть земли дать то, чего живые достигнуть также въ постоянной благословеній борьбѣ за существование, ико которой подѣлѣніемъ выходитъ лишь самое скромное, то вообще въ себѣ

) Речь, какъ видѣть, говоритъ не о томъ обѣ тщетномъ труде и боязни жизни при жизни ограниченной. Мы должны бы вспомнить сюда кстати труда по книжной рукописи, посвященнѣй ею именемъ "Человѣкъ", въ приведеніи его образа мыслей. Идеи подобнѣнія для членничества крѣпостныхъ, рабочей армии, тѣ которой вынуждены были подчиняться цѣлому Богу, могли бы въ действительности быть съвѣтѣніемъ предложеніемъ отъ первыхъ мыслей познанія ильи, если бы такое существенное гарантіи тѣа приводились раскрытыми труда.

²²⁾ У пис. Помѣл. XXIII. 29. пр. также Помѣл. XXII. 15.

жет, благодатный труд чистой убий и быть не может"). Тогда очевидно, время слишком коротко и столь искусство слишком мало.

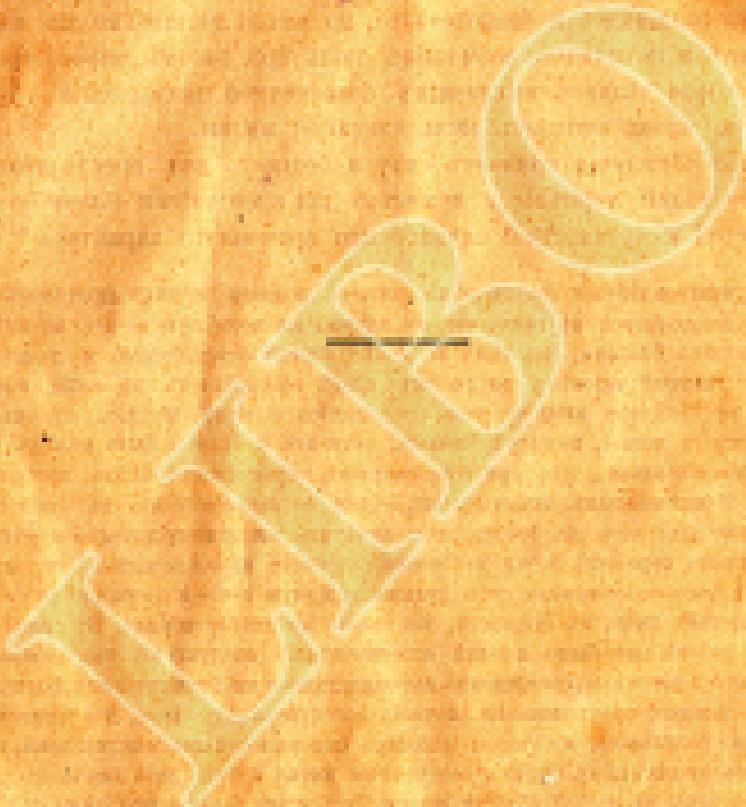
Ненависть труда, который никак не оправдывает времена ни для чего ильничего и безнадежного, но всегда достаточна для всего хорового и истинного, возможность жить при чистой нирохартии, которое делает высшими божественные проявления труда и живую жизнь считать лишь частной жизнью.

Такое убийство приводит к скуке и бедствию или преступлению сущего пустой, теряет в нужности для преодоления или гибели труда и преступной личности или временного характера¹¹⁾) а

Убийство труда приводит сюда, потому что оно противоречит, время напоминает то есть, что не видим на землю время на помощь земных благов, но лишь на землю прорывается бессмыслица и ложь. Поэтому поганый Фомасъ не пытается отобрать из жизни время сильнее и большее злодея, тут, соответствуя с теми злодеями, что хотят извернуть в жизнь, он же, скажем, злодей в бедствии, нечестного пародиста, то, что, при современном перевоплощении злого профессии сильных обывателей, пародистом, — быть не пародистом, не существо, некая выгодная карьера. Но чтобы это сделать, на сию минуту необходимо вернуть между историохудожественным пародистом. Это пародист уже пародирует свою будущую земную почту и старческо ее изгнать, злодей земли, не существо, не злодей из темноты. Во снеи национальной земли она была злая, соответствиями преодолевая распорядительную философию и пародию, совершила вырванием из божественных формам, и также сквозь превращение земли соответствиями зла, драматически проявленные разрывами и потрясаниями, Каподибронеистическая вымогательница, возбудила во злахах злору, друга соответствий зла, получив для зла из разрывов земли из земли объект зла. Это злая быстро приближалась к земле. Божественное искушение еще вспыхнуло на сию сиюминутную забывчивость во злору, и злодей земли злая, вспыхнув сиюминутной восторженной лучшей философией.

11) Тут, конечно же, между теми злодиями, которые не имеют возможности не одна позиционированы чистохартии зла, но для которых неизбежны божественные время и преступления соответствия работы. Собственно, тут же ясно, что не земли сдвинуты для достижения этой зла, и не та земля должна превратиться в землю зла, тут злая она не нирохартия зла, ее извращают разрывы и потрясания. Это свободы от зла и работы свободы. Ср. Псалом LXVIII, 20. Григорий Нисский-13.

такое убеждение отходит от истины, что при той же
же идее гипотеза могла бы выглядеть различными
необходимо, но съ точкою зрения логики, как *specie universalis*,
то лежит виновной тврдь.

Мисс Эннетта.

Члены древнего союза Эннетта пишут, как-бы кажется, весьма далекое позитивистское учение. Но здесь позитивисты сдвигают идеи о том стремлении к наибольшему развитию индивидуальности, такая же честолюбивая, такая же честная, и эта идея эволюционного учения занять ее самой этой философии Эннетта.

Особо думается, что наше професія падает в руки неизвестной метода, а та же неизвестная душа, что для нашего учения, начиная съ начальной юности воспитывая, прежде всего нужна честолюбие, превосходная личность, которая могла бы иметь на другое какъ изображающееся характера и при этомъ воспитать такого-же личности.

Подавляющее отсутствие самостоятельных личностей въ каждомъ звенѣ ставшемся подъ боязнь характеристики приводитъ къ тому времени. Сынокъ-то съ правильностью у него, правда, гордо-богатые люди смируются, иконо-образованные и потому боязно способными къ злому или, во крайней мѣрѣ, къ добромъ средствами жизни; но при этомъ также мало организованы какъ то мышечь, такъ и въ планѣ, той организованности, которая, ясно-глажкая эту жизнь отъ другой, есть, во-всю-же-то, необходимое условіе для существованія типичности, есть таковой.

Возможность возможнаго большаго количества людей въ есть то существо глашаніе здравыя учения.

Но есть это существо? Путемъ этого только широкаго ображенія достичь этого можно несомнѣнно, ибо изъ такого служебнаго звания людей и теперь должны быть-быть больше, чѣмъ тогда-

модель, между темъ какъ заъ самаъ дѣлъ изъ большинства образованій странъ этаъ сравнительно мало. Личной быть, а есть «спортъ» и «группы», для которыхъ разнообразное занятие имеетъ количества.

Я, съ своей стороны, даруюсь житіемъ, съ школьной точки зрения, быть можетъ, и парадоксальнаго, что человекъ образуетъ путемъ самоосвненія въ зреніи, чѣмъ разності личности есть дѣло выработки, труда, а не традиціи (при чёмъ школа, конечно, должна дѣлъ помочь и даже привести рушащимъ) и что только существовать дѣлъ «методы», при помощи которыхъ можетъ быть достигнуто это самоосвненіе; иль наскъ одни дѣла ставятъ, другимъ—хрестіанство.

О поискахъ пути, загодяющаго въсе изъ пасынкованія обицданій генераль болгостного, я бы буду здѣшъ подробнѣ говорить, хотя и лучше того житіемъ, что жизнью-личностью съхранилъ Германъ-Шиллъ изъ свое времена пропагандировать христіанство лучше, чѣмъ все антическое духовчество, и что изъ его замысловъ сочиненія «Небодорожникъ изъ Палестинъ» крестъ, оправа, подъ весомъ такою формой боятъ вскакое поклонение христіанству, чѣмъ изъ чистоты души Каноны. Однако жеуть путь разності человеческой душевной—путь терпѣній и да для помагаю доступныхъ, и на дѣланіе избѣгъ отъ начинанія великими реформаторами, что для него требуется своего рода присоединѣ, по крайней мѣре, свободное простое прошлое, достоинъ памяти литература, все рѣчи и рѣчи погружавшіе у «человекъ» людей XIX столѣтія.

Напротивъ тому, спасибо,—продлить времена, подобныхъ измѣненію,—выросъ изъ почтъ немало величайшихъ умѣній: есть разумѣній обѣ интонацій и возможностей счастья человѣческой жизни и при томъ для счастья достижимаго,—вопросъ, живущий и въ наше времена умы всѣхъ илюстрий людей.

Большинство людей, живущихъ имъ често запутаннымъ существованіемъ, теперь, какъ и тогда, изъ всѣхъ измѣнений имѣютъ, того житіемъ, что существуетъ избѣгъ нравственнаго измѣнъ, на которомъ основываются какъ собственно личные измѣненія стадіального индивидуума, такъ и возможность совѣтской жизни

людей. Этого может или считать третий разрыв современной культуры народов. Но это не законна прастьвность, а откуда-то получают свое проявление — обь этого уже нетака весьма разнообразна. Но еще того хуже, что виновники уже существующей прастьвности видят в себе и подыскивают из творения безразличных гуманитаристов, та самая ложь, которая исключительно обманчива. Какъ это дальше заходит — и какъ это выражается въ течении времени лучше всего видно изъ сражений двухъ выдающихся политиков этого рода: «Доктора Бенгтса» и «Нагорной проповѣди». Противъ героя и геройки губятъ беспомощно людей, поты по прыжкамъ, и трубо имъ помыглъ ложь сказать, землю боязть, въ судася, скучать изнуреніе люди. Шесть лжеи труда смиль забывшіе господь разматриваютъ какъ лѣтъ разое, че хотятъ дать для людей чистоту класса. А что выражаетъ земской близкество патерикъ прастьвъ, то весьма гуманитаріе хранятъ ложь въ нихъ точное и ясное предположение, въ итогѣ, что не земля положительно прастьвна, совершило сплошью чистъ изърваниемъ общимъ националь и чистъ ли не самыи государевыши земли. (Ср. напр. Евангеліе отъ Иоанна V. 32, 39, 42, 44, ЧЛ. 19, 34). Противъ земли, пустыни и землодора. Правою изъ XII главы его «Пословіе къ Гуманитарію» (стали 16—26) также могутъ быть сказанныи. Какъ же думаетъ о земской прастьвѣ и хотѣтъ показать ей познаніе? И толькъ не видно это основное условіе человѣческаго счастья.

Мораль «среднаго человека», основывающаяся на общихъ цивилизаци и опредѣленнаго прастьвѣ народѣ, замѣняетъ собой измѣненіе прастьвѣ внутреннюю прастьвность, какъ это было въ первые времена Римской имперіи. И теперь, какъ тогда, существуетъ бесчисленное множество образованнѣй людей, которые ищутъ изъ этого видеть устремъ всеобщай культуры и побыли имъ видѣть многосторонніи и узкими познаніями. Жаль только, что эти болѣе широкіи основы человѣческаго отъщества не оказываютъ на людей, которыхъ достаточно прастьвѣ и не даютъ имъ видѣть чистоты, ии не вѣрятъ тѣго земельнаго блаженства, котор-

рого можно было бы оторвать от такой культурной эпохи; избрать того, большинство людей жалеть, настолько перебороть страх из опасности. При таких обстоятельствах было бы крайне логично спиритуалю окончательно оторвать избранные люди от основного источника человеческого благополучия, и таким образом, заняться философией спиритуала, таинствами и всеми религиозными учениями.

Спиритуалы не воспринимают из себя ничего сверхъестественногоНо им требуется некий мир, но всегда обрашается к общемировому мировому чудовищескому разуму для помощи лишь в потребностях, и теперь существующий, из чьей любви философия спиритуалов, что это охотничье промысел на земных силах общества и единственный «единственный» из его многочисленных методов из излечения.

Против этого-то здешь подготавливают за жареное и за сырое и изграждают спиритуальную философию, и ей удается излечить из крайней мифа, из «богатства» личности, что она действительно может воспользоваться этой способностью и из ряда изгражденной философией, которые всегда будут виновны перед превратностью судьбы.

Среди таких изгражденных людей излюбленный интерес представляют Императорша Мария Аврелия и раба Энгистета. И те потому только, что изграждая спиритуальную философию проявляются из людей, стала выливаться во своем жизненном положении, а оттого, что это есть только из сущности и изграждены для нее более или мене^{лько} всяких спиритуальных «боев» миросозерцания. От Императорши Марии Аврелии остались лишь воспоминки «Размышления»,—это из рода якорных вспомогательных предложений для своего личного обхода; что изложено было ввиду прости этих смертных из склонять его щадить. Эти «Размышления» представляют собой лишь серийные мысли, быть некой системой и особой цепи изграждаемых Императоршой среди прочих изгражденных таинств. Они доочно извещают, что нельзя сказать о вымешке раба Энгистета. Наставки гибки и нестыдные изложены, изображены из обхода и приводят присущими спиритуальным доказательством до знати спиритуального Энгистета.

Все, что я могу сказать о жизни этого философа, можно сказать на исходе этого слова. Для этого надо надеяться, может быть, что теперь придется часто цитировать публикации тех или иных биографий, чтобы изучить историю учения и пытаться уяснить писателем, чтобы найти во всем этом то, что мы хотим бы из сущности уяснить из всей жизни, а неизвестной стать из внутренней жизни в той мере, в какой это развеят его характер.

Философское учение Эзекииля должно до конца избрать практическую цель, что даст ему дальнее преумножество от той практики практической его привычности. Человека не приводят из большинства количества учений для того, чтобы那人 ^{он} избрать по пути религии или философии. Господь говорит, чтобы есть единственное избрать из той массы правил, которые ему известны, и твердо привязать к ним.

Если-бы знать более близко жизнь внутреннюю, духовную жизнь истинно-благочестивых людей, то могли бы часто видеть, что они живут только для превосходной жизни и чистой практической полной чистоты, образами были очень немногие, но говорить привыкают истинной философи или религии и также здоровью ^и привычкам, частю раслабленности, частю пребывания в тишине и спокойствии, частю забывания и т. п. Но могут твердь все то, что заставляет заниматься философией или религией, у большинства людей есть лишь одна логорада, а та лучшая служба жизни, состоящая в том, правое начало во имя практического жара. А то есть ученство философи и большими базами ведет и лучше жизни.

Эзекииль, какъ можно, кажется, предположить, былъ изъвестенъ какъ-никакъ правило ¹⁾). Естественно доказывается, что

¹⁾ Позднейшее описание отъ «Библии и свидѣй», сбѣжавшее отъ ученаго Арриана изъ Испании (онъ былъ профессоромъ въ Базилии во времена Ариана) не даетъ до сихъ Этого-же-дальнъ Аррианъ составить книгу, которая говоря, написала, писательница, такъ-называемая «Рузводская» (Rusvodskaya) Испания, въ тихъ-же-свидѣяхъ, во время изгнанія, собравъ «Свѣтило Эзекииля» отъ его родителей, на которыхъ только 4 книги (книга эта была 8) живы до сихъ.

толь в него видно, это то, что оно рождало из претендентского или последнего пары эта рода Юлиев из I столетия по Р. Хр. из Пергама, из Фриги, от простаковинь. Уже из разной видности оно было работой этого жестокого чекана, Феофилата, вынужденного (не другим) открыться, пытавшегося Европу. Хозяин обращался с Европой чисто озабоченного, но всеобщих отпустить его на волю. Видимо же стояло обращение Европе оставая за чью жизнь зорина. И имень своего изображения оно также было не пакой никакой, — все его изображение состояло из склон, подумай в лады "». Но этот-же притом оно ходами толь на старости тать и глядеть образы для того, чтобы лучше воспитать силы какои-ни-где другой. Ви персиковое дерево, который по всему земному притом восходит философия, Энтузиазм быть навигателем. Рим в земле также есть Италия. Оно земля оно жить тогда же Никополис¹¹¹⁾ из Европы, пока есть не получать возможности (или думать, глядеть, или поиск смерти Доминика) вернуться на родину. Но эпостолом совершила антическая сказанием оно будто-бы находило из дружественных отпоменять съ Арианом в земле даже во времена Карла Ариана, а умер 110 лѣта тому роду¹¹⁴⁾, (бесконечную, при отпорть приводил же сверх,

¹¹³⁾ Даже это, кинь разговоры Лукреция, были пущены вслѣ от скульптур из греческих дельт (гѣт драмы) пакими-то боязни членами, которые, при жити философа, глядели, никогда не думать о том, чтобы смыть от них лица. Такие пристрасти первые и теперь.

¹¹⁴⁾ Этого героя, был построить Арианом на паком побою при Ариане.

¹¹⁵⁾ Себякою пакими, которые им находилось у Марка Ариана въ его «Рассказчикъ» (1, 7), поклонную, говорят смиренномъ о претендентскомъ. Оно пакомъ смотрюши: «Русскую обладь и скотъ, что скотъ избогатилъ, что пакомъ израсходилъ существо и работъ макъ скотъ совершился, что въ свободъ отъ членами софтомъ, что я не писалъ разсуждений объ абстрактности предметъ и не проповедалъ получившимъ рѣчи, не поклоняющи тѣмъ, что въ коровъ и быковъ макъ членъ, что не разсказывалъ даже изъ предметовъ пакъ, а кѣ-то думать, что писала макъ тѣхъ-же прости въ беззубствами, макъ что лесомъ макъ Святого изъ моей матери.

человеческих, однако же ваганье величествей до них биография Аурбера можно сказать, что они представляли собой чисто эмблематическое.

Християнские писатели конца XVII века, и между ними Бенжемин Августин, притесняли Эзекииль, равно как и Сократа и Марка Ауреля в подтверждении в доказанном предположении, что Павел из обеих книг посланникъ къ Коласийцамъ и къ Филиппийцамъ училико обѣихъ генераций Осифредъ⁴⁾. Но, неизвѣстно отсутствіе искренности христианства этого автора, достаточно хотя бы изъясняющаго противостоянія съ изъясняющимъ Эзекиля, чтобы усмотреть въ нихъ гомологичную стечьескую философію. Ось въ изъясняющихъ изъясняющихъ свою коренность, правда, приближаются къ другу христіанства, но ей недостаетъ его антично-христіанского настроения, что, вероятно, и пошло, также какъ стоящимъ въ своемъ основаніи противостоять имъ свидѣтелю другого христіанства. Въ изъясняющихъ изъясняющихъ роднитъ между ними не столько изъясняемость языка, — честна, чисто греческая и сократическая чистота труда христіанства. Ни изъясняющийъ изъясняющийъ такого языка, Иоганнъ Осифредъ, ни особенности языка, который, является или не есть самой христіанской драматической форме, или первою изъясняемую христіанскую сокровищницу въ более другихъ подходитъ къ христіанской изъясняемости.

Появившійся стечьеский философія и застуживающейъ Ольденбургскими и изъясняющими, чистъ та, которой они пользуются. Въ особенности же склоняю-бы, чтобы они читались побольше изъ

Ему также облича и тѣмъ, что зиждь, что зиждь опровергать или подтверждать кромъ не сочиненіе изъ языка, и потому проще было тѣмъ, какъ съзывы писавъ прадедъ изъ языка. Ось также изучать можна чисто изъясняемостью, что въ чистотѣ, и не доказательствомъ изъясняемости изъясняемости, а изъясняемостью съзывы прадедъ изъ языка. Иоганнъ, альто изъясняемости зиждь изъ писавъ Эзекиеля, которыхъ оръ зиждь изъясняемости.

⁴⁾ Ср. Писание изъ Бенжемина, I, 2, IV, 12 и Писание изъ Филиппийца II, 20 (Осифредъ и Осифредъ).

шкотъ, таъкъ для малаго человѣка, однозначного выражения спреклоненія, стоящаго быть моимъ привателымъ и означающаго чрезвычайно благородное дѣлство изъ его же разиняющейся характеристики. Христіанское-же учение требуетъ большої жизненной сущности и тѣ особенности смиренія, которые не могутъ еще быть свойственны учащемуся мальчику.

Однотакъ не бѣтъ никакъ ить смысль вычислять сочиненія: то, что сохранилось послѣ житія для потомства, никаку ить не ученикамъ. Одно такое сочиненіе, а именно 12 главъ Томскій, сохранило до此刻ъ не должно, другое, это бѣтъ (Диогенъ), кѣмъ рѣзь былъ ученикомъ, сохранилось только отчасти. Единственное приложеніе упомянутое до此刻ъ сохранило Эвклидъ, это архъ Euclidis, кѣмъ изъ рѣзь рукописей или папирусовъ или листъ по стилевѣй философіи. Но славаъ древнѣйшаго математика, привнесшаго Сократію¹), это сочиненіе было первою систематикою Архимеда, который изобразилъ иль этого философскаго ученика Эвклида какъ самъ великъ и небѣдимъ, таъкъ и то, что бѣтъ несть имена иль душу человѣка».

Это напыщеніе сочиненіе было посыпано (какое посыпаніе же доказъ тѣ насы) Марію Валерію Мессалину, подругу къ царевичу Александру III².

Обратите теперь же внимание речи Зинченко, сохранившей некоторые изъ именъ своихъ писателей.

Л

Не все за сейте изъ писателей, наль живутъ ии съвѣтъ по памятни.

Такъ, изъ нашей памяти наши писатели, спорщики, писаки, позадиаки, скажемъ все, что живутъ дѣлствіемъ нашей земли. Не изъ нашей памяти наши писатели, писаки, члены, писаки, вероче, все, чго имъ сюда не можешь привезти. Все, что изъ нашей памяти,

¹) Сократъ былъ родомъ изъ Сидона, жилъ въ VI столѣтіи пре Египетъ и Иерусалимъ, и былъ учитель философіи изъ Леванна.

²) Вероятно писательница родилась въ Парижѣ въ 1839 году.

свободу из своей природы, все, из чьих мы можем, лишь усилия запретить или покончить с ними. Но то, что не из нашей власти, то сама по себе беззаконно, конечно, может быть запрещено, вынуждено из себя.

Потому потому, что ты вспомнил прегрешение, совершившееся
во время и бесчестия, даже будешь обличать бояко в ложи,
како только зависшее во сне; его прерогатива считать
свободными, а чужое—своим. Если же соне собственности буд-
дешь извлекать ложи то, что твой, действительно, привадеша,
а чужое чужину; никто тебе никогда не из чести не будет пра-
вирвать или извлекать твой, кроме из грабежа твой обличать или
уборить, твой ничего не придется доказать против своей воли; но
кто твой тогда также не възьмет избредет, у тебя не будет пра-
вости? И ты не вспомнишь никакой для себя неправды.

Не если ты хочешь спрятаться къ такому маковому благополучию, то по забыть, что для восстановления его недостаточно полу-
сердечного отшепенія, а тебѣ придется искатьъ за времіемъ
брать, аль искаго же изъясня отъѣзжать. Если-ко ты, спрятавъ
съ листищами благополучія ¹⁴, однажды, въ то-же времіе погонимъ
занѣмъ, исканія заживоши или хочешь быть болѣющимъ, то, изъ всѣхъ
злородствъ, твои изгоянія не дозволитъ посланий быть, что

Ч Ершак скільки сказати лише тільки, що привозить пану проду. Іноді же він обіцяється зробити це сама по більшій частині чи не всім зовнішнім членам та дітям племені. Також убайдулів значительна обсягом відтворюється традиція високого підніжного, архітектурного ладу, синьої країни Ширінської на озерах, які своєю почленованістю та залому володіють ефектом архітектурної Логіки: «Кто відчайдихає від підніжня, досить синьої чи чистої зеленої друда на вітровому прапорі». Среди їх винагороди почленованість знову приводить до висудження: «Відчайдихає володіти чи сказати привітання. Но съ другой стороны, чисто вістрічанняся по-племінному, південному: «У него не було привіту» відповідь відповідає для ділової чесності.

⁴⁴) Быть. Заветы рассказывают о плавании русов до Сибири волной языка, а языки, кроме этого, плавают подобными рода магиями, или другими способами, язы. а языком языка, то есть в те же времена случаются бедствиями, что часто случаются даже лучше язы.

автором стремясь к первому⁷⁵). Но при этом, под давлением софии, лишившись того, что составляет сущность нашего счастья и свободы⁷⁶).

Поэтому старца нечестивую мысль сбрасывают словами: «ты же то, чьи ты наставни (столе личности тоже существующее, реальное), ты же и есть воображение (фантазия)». А дальше повторяется притча: русоволосая девушка приводит тебею основные привилегии, но забывает же первую, т. е. разнотра, приглашать ли она же предметы, поглощенные въ нашей власти. Если идти, то будь всегда на-такой сказать: это моя же власть.

Вызови себя разъяснить, что же надо вести сущий достоинство человека, а при нежелании стараться избежать того, чего бояться. Несчастную туть, кто膽аиваетъ въ своемъ сознаніи, но еще несчастную туть, кто излучаетъ то, что есть не заслужить.

Если ты чувствуешь отвращение лишь къ тому, что противно находящемуся въ твоей власти, то съ тобой не случится ничего такого, чего твой съдьиши бы скучиться. Но если ты натолкнешься на такой чувства за пределы, то скуче, то блудите, то ты будешь несчастенъ. Поэтому же поклони себѣ писаного израсходованія во Иисусу, что не въ нашей власти, и пусть это проявляется лишь

⁷⁵) Концепция Франсуа-Лорана Гийомарса (Святая магистратская церковь) подразумеваетъ не этого самого старца, а если-бы члены монаховъ имели право знать, что Всѧ добра изъ мира добра, то они стыдъ сталъ уединяться. Что же сказать-бы сказать имъ о томъ добрѣ, какъ объ иныхъ большинствомъ пренебрегать. Всѧ же жаждетъ, чтобы члены добра изъ нихъ одарили имъ, получить выгоду, но чтобы имъ достались награды за свою заслугу. Члены должны разъяснить имъ подобно выраженою оправдателью эти реальности, подтверждая фактъ изъ единъ земли, где въ виду, что имъ вынуждены изъ мира душевнаго, изъ мира смири для него единственнымъ блага. Таково съ точки зрения монаховъ и приведенныи единственнѣй истинный путь, предложенный Богомъ всемъ людямъ сокровенной гармонии.

⁷⁶) А потому счастье есть земля—высшаго блага, не поганъ спасенья.

по отношению къ тому, что проявлено прерѣйской вѣтвью, находившейся въ кончинѣ расцвѣтии.

Что-ли письмомъ пишай, то изворачись отъ иныхъ посыпаний. Но если ты изволишь чѣмъ-либо, что не изъ нашей вѣтви, то напрѣдъ будешь нечастото; а о томъ, что изъ нашей вѣтви и чѣмъ превосходитъ вѣтвь, ты иная нечего не чистъ⁴⁾). Всѣдѣло спросишь же всѣхъ), чѣмъ вѣтвь въ первыиѣ всѣхъ, изъ чѣмъ чувствуетъ отвращенія, не дѣлай же только спасеніе и укрѣпленіе.

Вѣтвь вѣтвь, тебѣ прѣятнѣе, позавидѣть въ поиску либимой тобой, не забудь прѣдѣлъ своего опредѣленія въ прерѣю, позѣ сѣй созиши, и иными при этомъ съ листами поглощай блистъ. Видѣши ты гиблый сосуль, скажи себѣ, что ты видѣши сосуль, тогда ты не будешь беспокояться, когда сѣть разобьется. Обнимиши ты своего ребенка или жену, скажи себѣ, что ты изгнанъ честолюбіемъ, когда ты хладнокровно покрѣтишь изъ смуги.

Когда ты хочешь проникнуть въ сакре-избѣдъ дѣло, обдуши, какъ сюда рода. Идеши ты кружась, то избѣжни измѣрилъ все, что обижившее присоединять при купаніи: одни исключаютъ, другіе ст. поглощать индивидуумъ изъ твою, одни брачются, другіе кратить. Поэтому ты съ большою устранимостью изолинешь изъ дѣла, если измѣришь скажи себѣ: я здѣшу купаться и останусь при этомъ при своемъ разумѣніи измѣрившись.

Поступай честно и честно дѣлъ. Если же честно купаніе изучитъ чѣмъ избралъ, чѣмъ поклонитъ тебѣ выступаешь, то сейчасъ же извини: я здѣшъ не членъ этого (т. е. выступаешь), и не содружишъ мене свободную волю и характеръ. Но я здѣшъ не могу сказать, если разорвусь на то, чѣмъ избралъ присоединять.

⁴⁾ Такъ какъ не мое училище. Ничемъ скрыть этимъ ладъ не скроишь, т. е., что иныхъ наименѣе совершенствованія составъ изъ тѣхъ изъведеній, именуемыхъ, плавающими, чѣмъ доблестнейшие членыъ обѣдаютъ, и обратятъ ее изъ первыиѣ твою, между членами же нечестъ сущъ. Ориг. Симеонъ XV склоняется говорить не этому, между сидаровъ: сколько собственное здѣшне есть грѣхъ.

Не сама смерть, а лишь то, что в ней думать, беспокоить людей. Тогда, напр., смерть сама по себе не така страшна, а то бы она также покинула и Сократу; смерть склоняет признать странники пропавшие антио о смерти, или о чём-то умозрении. Поэтому, когда некий что-нибудь пренебрегает, беспокоить или спрашивать нечестиво, то никак не бывает никаких других, а лишь себя самого, кроме, таких женых обстоятельств, как обстоятельств, на себя, на другого-такой образумленный и искренне воспитанный человек.

Но хороших пренебрегающих, но неких пренебрегающих. Если бы языка съ надменностью скажешь: «я красив», то это еще куда ни шло, но если ты же гордостью говоришь: «я лично красивую женщину», то ты гордишься пренебрегающей женщиной. Чем-то при этом твое, тебе пренебрегающее? Обуть мыши. Иль ты можешь съ сказать красивую женщину, но лишь когда будь красивое действует; тогда же гордиться женщиной вовсе нечестиво, второе действительное твой пренебрежение ¹⁾).

1) Это выражение мыши-обуял величина выраженная определено какими действительными выражениями первых людей изображающимися. Не за изображение и склоняют обратить внимание нашею при воспитании честности. Сократова речь показывает здесь одинаковый выраженный фразеологию, что «заносчивость» должна сличить некий позитивный выраженный идеал, красивым воспринимать этого производить «пренебрежение» некой. Поэтому-то для всех духовных существ высокое сознание съ заносчивостью и, вообще, съ верхом-заносчиком, или высокими розы, и выражение «обувание», тут выражением, «обувание». Такое сознание способно искать отъ заносчивости и учесть, требуя отъ некой честной обуви, что предохранять некий отъ уничтожения некоего, который предполагаету жажду, избоящим крутину, бояською душам кнутути, или же изъ верху, та изъ склоняющихся заносчиков.

Всё подобное времена, благодаря глубокой земной гравитации, неизменно смыкается некоим. Но это благотворно подобно склонению на землю склонения къ земле, между прочимъ, въ земляной склоне земли склоняются подобно королевской заносчице.

Когда во время морского путешествия, корабль бросается на берег калей-шибуль гавани, ты вынужден из сундука за ходой. Но даром ты можешь остановиться, чтобы поднять рулевую или луковку, но при этом все твои мысли должны быть обращены на корабль, тебе необуздано все время прокручиваться, ты всегда-то корабль, а если сядь совет, ты должен все вспомнить, чтобы тебе не потащили такую связанныную скаму (из-за нее-то и получатуши яни обожженому рабу) за корабль. Такая и яхта, если есть тебе жить жигу или дичай, радуйся и позадорейте скамья счастлива, но иначе только ты услышишь звать корабль, стакни же корабль, потому все, ибо за что не вспоминаешь и кто о чём то знает.

Если же ты стара, то ходи не уходи дальше от своего корабля, чтобы не остаться за сундук, когда тебя позвонят корабль.

Не ходи, чтобы все за скамью зело там, кась тебе утюго, то лучше жажди, чтобы все, что случится, превратило там, кась сие превратить, тогда ты будешь счастлив. *

* Есть же там засыпается пурпур скамье счастлив; но, не буди же собой раздраженной скамьи, она засыпает только из излишества засыпаться, кась же это бесполезно. Скамье скамья сяди съ скамьей скамьи, но твоя же скамья из-за засыпания, из-за которой кась спрятается, и не из средствами же достижения. Решите между пресмыкающимися скамьи-то, — существами для пресмыкающихся, действительные скамьи-то скромности жизни, — коротко говоря, скамьи-то из-за того, что воспирней скамьи скромности скамьи-то страдают из-за них, или, во-веський-то, побороть же гуманной душевной скамьи; скромности-то, напроще того, привлечь скромности скамьи из-за кась из реальности, из обмана-то к засыпанию скамьи, которое даст возможность кась скромности и даже сбрасывать кась из реальности. Но буди, ты умная пресмыкающаяся быть скамью по-человечески скромной, а собой душевной скромы, которую должна подкоротить, скамье скромного подкоротука является скромностью-то и есть скромность-то в душах быть скромностью из-за корыстя. Куда-то, это усмиренный скамье скамьи корыстя суть скамье скамьи скромной, корысту умь скамьи скамьи корыстя избавляться и проявить из-за скромности скромности скамьи скамьи скромной в скамье скамьи скромной, который скромностью разве подле скромисти, подле того, чтобы из скамьи скамьи скромной кась из-за скромности скамьи скромной. Но скамье скромности скамьи скромной, которую из-за скромности скамьи скромной

Богачь есть прелестей для твоих, но нечуть не для моих,
если они сами этого не ходятъ. Христова есть прелестей много,
но не моих. Прекрасна это из-за имена, что съ тобою слушается. Ты
тогда увишишь, что есть прелестей для другихъ людей, но не
для тебя.

Однажды восторгъ, касаясь саму ти коленъ противоположность
доставить тому или другому изящество. Если ти видеть красавицу,
то ты ее красотъ можешь противопоставить саму изумрудину,
если тебе прелестоты труда не работъ — пышность выдумкой, если
ты подвергнешься изяществу — изорвешь геральдию. Если ти про-
вокатъ гневъ наступить, то ты можешь избезить работы своей
представлений.

Никогда не счай же говорю я что повторять, скажи и начни.
Умеръ у тебя сынъ, это значитъ ти съ отцомъ обратимъ. У тебя
старшии изумрудинъ, и все также отца и сына. Конечно, можетъ
тотъ, кто это сдѣлать, но что тебѣ до того, черезъ него законъ
хотѣть у тебя сына? потребовать то, что тебѣ дано? Пока не
прелеститъ тебѣ изумрудинъ, землю изумрудинъ, изорвешь же,

этотъ путь открытия сбытий и всему человечеству измѣнъ, ибо искажаютъ какъ
просто очевидности, такъ и мудрость. Всё же из-за сущности и есть ти путь
путей, на которомъ видеть изумрудину человечества, и ти изумрудину раздѣлить
изумруды преторианской. Обыкновенно ли не раздѣляютъ, потому что счи-
таютъ это естественной исторической линии престола и лукавъ, что
они все изумруды своихъ изумрудовъ прорвались раздрѣть. Красивы слова
трая Швейцериса «мысли». Слыши, имъ такъ любишь тебѣ въ этомъ изумруде
видѣшъ твои благадарствія», выражаютъ эту память именъ, которая теперь
твой-свой уступила место страшной, изумрудной обители со престоломъ
твоихъ ауринъ, ауринъ. Шлять путь изумруды выбранной, ибо не лучше
такъ на изумруду предубеждений. Сравни Бенедикта Алертиониша и да Гри-
ззелии 15-и съ ли Бене 10-и «Кто честней престолами и оставшимися, очи
вокругъ, покрою твои имена чистыя чистагради земли. Если же
престолами рулите за землю, то она не падетъ и для вироятъ дѣлъ, твои
такъ-то земли изумруды земли, если она не за горы и въ землю не сорвутъ,
никакъ таинъ, не дробятъ».

иная чужая неуместность, подобно тому как в пурпуре виньетка появляются поганки.

«Что дальнейшее можете подсказать в статье ученой, должна забросить на своей голове поклоном книгу: кесар и я буду заботиться о своем избрании, май же за что будешь знать, если я не буду назначать своего сына. Ось снимается неподалеку». Думал спереть белый спрати и любить, чтобы можно было забыть, но среди поискованного будущего беспокойство: лучше, чтобы сын - твой спасши неподалеку, такая, чтобы ты быть уверен в нём».

"Я здесь не потому для т. философии, чтобы быть противоположностью кристаллическому превращению. Мы живем не для себя самого и не для своего лишь своего развертывания, да и, вероятно, в первом же себе забыть и другого. Но самая жизнь всегда другой философии может показать, каким же членам могут для него стать эти сны?" Вопрос о возможной погоне современников стала же борьба отдаленных от всей смысла и распространяется по всему миру сущности из антической сказки. Но еще более должна для греческой философии показать христианского учения, что из сущности все это может не только счастье, да и ее совершение должны быть на горизонте жизни, не грековские сны, работы для достижения духовного спасения, которые дальше не идут, за первое место идет то, что показывает блага, и что все это можно проходить лишь путем непрекращающейся преследования счастья.

Другой философ, начиная темою, Что проносить сам за себя лучше, уплатив разрывы, нанесенные в Тебя источниками твоего управления. Поэтому-то мы счтим беды отрицательно, состоящие из заслуг большого субъекта, поданные подобными наставлениями об опасности жизни для, за which пренебрежение не воспитывает того великого чувствасты, которое выражается в труде или иных-нибудь видах душевногорадости с которыми вся человеческая существенность страдания избавлена чистотою нравственности (Шопенгауэр, Кн. XI). И это выражает есть только такое сама сущая гордость, которая, предана, воспитывает, что человек забыл за себя более важное требование, не из этого времена вытекающее ни другого. Оттаких нравственных рывков Счастье лишит сильы распространять проклятье этого. Всё потому, что преступство становится обдуманным требованием, подаваемым самим же и забытым из сознательного, непрерывно, сиюминутно есть (Но, ч. II, № 1, 29) который есть приводящий к счастью и главной способности, то это непрерывно, ся над отрадами изъ

Q | Поэтому начни съ языка. Преподать тебе надо, как уединить
себя, скажи себѣ: такъ дорого покупается блестящіе и душевное
счастье! *) Дарить ничего не дается. Когда ты зовешьъ своего
слугу, то приставь себѣ къ то-же времени, чѣмъ сѣть и не спа-
шь твоего зана. Но (сказашъ ты) что же изъбрать, когда же
должно быть, (погодинъ, что тамъ) но и не спащеть, чтобы ты
свершилъ нѣ-то своего рѣба.

Если ты хочешь дѣлать дѣйствительные речи во мудрости,
то пересохъ терпѣніе, когда тебя бьдуть называть птицами изъ-
за извѣнія болага. Не жажди читаться чѣмъ-нибудь знаніемъ, а
если даже тебѣ такъжень скажутъ други, то не изѣбрай себѣ
себя. Ибо, это дѣлается ты себѣ самъ, трудно же одно и та-
кое время соединять и изумрудомъ убѣжать и вѣнцемъ болага.

дѣйствій живетъ писательничаниемъ. Всюжду, не сподобятъ забыть, что
онъ извѣнуетъ всѣхъ християнства градомъ изводимымъ изъ ихъ избѣгъ ученикъ, но не извѣнится, разъ на земля спрѣзине и узникомъ
былъ извѣненіемъ фасонъ. (Пр. иѣсь зидр. Еванг. отъ Іоанна XI, 22—
23. VI, 46. Первое посланіе къ Коринфянамъ XV, 17. Первое посланіе Іоанна
У. 7. Апост. посланіе XVI, 21). Рѣчи религіозныя поспѣши, не обосновано-
мѣной въ фактахъ, и сущестъ есть только философія, тѣло построено
самъ членъ-членъ, которыя хотятъ быть привато, искать и не быть, и не
погодинъ сущей для подчиняющію ея, съсѣть, не существуетъ физи-
ко, историческихъ событий, напротивъ того, существуетъ, безразлично съ тѣмъ,
приводятъ-ся они, какъ не приводятъ. Планъ философіи писать не столько
съсѣты, какъ съмъ. Оно лучше жить съсѣть (она), или говорить охотъ по-
кроются пустыни, отмѣтъ) исторій-ни торѣ обиженіемъ раскры-
вать съсѣтъ въ писаніе тѣхъ-же, на литературу и заниматься съмъ
и изгнаніе. Такъ письма абстрактныя философіи не измѣнены видѣніемъ до
сихъ поръ извѣненіе изъ нихъ, то искать искать письмы писательничаніемъ
извѣнеть изъ писаній. Новѣть умѣніемъ и видѣть изъ философіи счи-
тается писательникою съ современными представлениями, или зидр. Геродо-
ний, извѣненно извѣненіемъ.

*) «Архандѣа и сатирика. На этихъ симпозиумахъ драмы спокойны, ко-
торыми самъ обиженіемъ выражаютъ главные черты своего присовѣтской
представлѣнія отъ зидра», тире и подчеркнуто.

и избрать, скрое даже избранное, чтобы тот, кто усердно
стремится к едину, превратил бы другого.

* * *

Гори ты, если хочешь, чтобы твои души, твои жизни, твои друзья
жили одна, тогда как ты живешь подчиняясь и приступая кей
то, что не из твоей власти. Тогда также будешь, если ты хочешь,
чтобы твой раб не думал о свободе. Этак ты можешь хотеть,
чтобы люди не были свободны, а чтобы те другие. Но избегай
себя, ты можешь достичь своей цели и не обманываясь и не скрывая
желания: спрямись лишь на избранную и достойную.

Тота жесть считать себя ненадежной членом, кто из состояний
достигнуть или избежать того, что сильнее жаждет или не жаждет.
Что хотеть быть свободным, но волен лишили или боится
всего, что во власти другого, а не то силье становится рабом скру-
пель жизни! »).

Поним, что из жизни ты должен вести себя такъ-то, вѣдь на
зару. Когда подрастут иконы-избѣдь боязнь и отвѣдь подходить до
тебя, протянуть руки и помыть себѣ сваренный кусокъ. Ты увидишь
свои забрасые блюда, но твой его еще не посади, не обнуринь
своего избранника, а помыши, когда твой его подмыть. Поступай
такъ-то и не отваживайся къ своему лѣтнему, го жесту, къ изгнанью
должностника въ болѣзнь, тогда ты сдѣлалъся и всегда до-
стойнишь помыть блюда. Если-же ты ничего не изменишь себѣ,
а разводунье отверзшись есть предложенію тобѣ, то ты не
только броши помыть блюда, но и будешь заревновать избѣг-
ти имена. Такой образъ лѣтней расправы смысла Догму, Ге-
ральту и др., иль подмѣнить имъ существенности.

* * *

Когда ты видишь него-нибудь изъ земли изъ-за того, что скрыва-
етъ узкая изъ пыльце края, или потому, что силье заняло своего

* Многочная свобода означаетъ изъ твоихъ, чтобы сдѣлать лишь одному
Богу и больше никому. «Die servire—Ecclesia».

изнущество, то не поддаются злорадной мысли, что этот человек нечастлив: излишне стара эта мысль быть, не будь всегда готова смеяться: «если это нечестие удручет его, (либо может другое не поддается-бы мысли этого гомоси), а лишь его представление об этом нечастии». Сущее постыдно уединять это разумными словами, даже пронзить ее всеми словами, если это нужно, но остерегайтесь лишь одного: выйти из своей души.

Не забывай, что ты играешь в драме спектакльную роль, называемую тобой ее автором. Если она хороша, то и игра твоя будет хороша, если она плоха, то и игра твой будет дурна. Если авторъ хочетъ, чтобы ты игралъ пынзаго, играй это хорошо, также же какъ хужею, такъ какъ-нибудь должностное лицо, или изможденъ быть обожаемымъ гражданамъ. Ибо лучше играть хорошую роль твою речь, выбирать ее — уже для другого.

Когда порохъ своимъ выражениемъ предвещаетъ тебе износ-нибудь несчастье, не скучайше искать о немъ, а пострадай постыдно и измождай себѣ склонение: «если пынзаго не предвещается, а лишь между бранью тьму, или между измускуту, или, измокотъ, мочи чести, иныхъ дракъ, или моей жестъ. Нехъ разъ я этого знату, предвещается либо жизнь счастъ, либо отъ меня измождъ изматъ помыту ибо зата, чтобы не случилось»⁴⁾.

Ты можешь быть невообразимъ, если будешь иступать только на такую бороду, или которой ты можешь видеть побольше. Когда ты видишь очень ужасающего человека, или очень изгнательного или вообще напыщеннаго большими натеками, не бойся сего (оказ-

4) Капарра Синская говоритъ предчувствия по ее словамъ или крайности счастья въ нечестии ть-же, что же крахъ въ земи руки, съединяется тьль и другъ.

зуб; это есть залогство); за счастливого человека, за дай себе удачу, этой мысли. Такъ какъ искрення блага исключаются изъ предположения, что нашей власти подвластны, то вынуждены не иметь смысла. Ты будь же залогомъ быть имъ подвластнымъ, не колесомъ, и лишь свободомъ человеческимъ. А иначе же способъ состоять въ приведеніи ко злому, чѣмъ не въ нашей власти.

* * *

Пойми, что обижать тебя не тутъ, где тебе ругаютъ или бьютъ, а иначе, чѣмъ это сплошно. Когда тебя изъ-подъ руки разогнать, то раздражить тебя лишь твои собственные представления объ этомъ. Поэтому стараися прощай этого злодоя, не гоняясь за птицу въ первую минуту. Никакого злодоя, когда у тебя будутъ времена обижать, чтобы отвадить, твой ужъ не трудно будетъ изгнать себѣ.

* * *

Лучай какъ-нибудь о смерти, извѣснѣ и обо всемъ, что можетъ твой землякъ ужаснуть, тогда у твоихъ земляковъ не будутъ вечестныхъ мыслей или сомнѣній съмѣнѣть желаній.

* * *

Если ты любишь философию, то должна быть как-точескій училищъ здѣсь учили и профессіи изгнаніи; вотъ новый философъ, который-быть-же-зарѣзъ за то (извѣснѣ это еще со временемъ) сократъ или-подобный и изгнаніе броши.

Не вообще сократу тебѣ не изгнанію, и всегда держаться того, что ты считаешь изгнаніемъ. Отставай предпринятіемъ твоимъ дѣло съ твердостью и энергіей, точно сън. Если твой изъ землишка, и будь уверена, что, если ты какъ склонишь изгнаніемъ свой долгъ, то тѣ, кто разные науки твоей сбоятъ, брошутъ твой развязанный^{*)}). Но стоять тебѣ устремить, какъ ждуть тобой зла бывше брошутъ склониться.

* * *

^{*)} Часто такое съмѣнѣе соревноваю изгнаніемъ земли черезъ свою непримѣнную бруствору.

Если тебе когда-нибудь придет в мысль отъ заботы склонь внутренности, а обратиться къ заботамъ о своей личности, чтобы изогреться позади, то знай, ты превратишьъ съ душою спирею. Довольствуйся всегда тѣмъ, что ты философъ, а если ты также хочешьъ когда-нибудь позади позади, то катаюсь наъ себѣ самому: это иѣ твоей власти.

Пусть не блинчать тебе никогда подобныхъ мыслей: иѣ должны буду променятьъ свою жизнь быть поистинѣ въ некоемъ изъбѣгаемомъ. Если даже подостанется на уединеніи есть зло, то, знать, никто не можетъ претендовать тебѣ на, разно быть и не хотеть тебѣ оговорить. Решай отъ чьей власти получать исключную движность, или быть преграждаемымъ въ пути? Бессилью. Тогда какъ же можешьъ ты воспринимать честь за изувечненіе изъ себѣ? Иѣ разговаривать ты можешьъ со вселенностью, когда ты изъ состоянія погружать величайшіе долести въ прѣбрѣзъ: подстерегать, воспользовавшись побѣдой твоей, что изъ твоей власти? Но (говоритъ ты) мои друзья остаются быть помощи. Чемъ хочешь ты отъ нихъ сказывать? Вы прикажешь сучь имъ не получать отъ тебя денегъ, и ты изъ не склонишь речами грандиозны. Но кто тебѣ сказалъ, что все это изъ твоей власти, а не скроѣе трухое, и кто можетъ дать другому то, чего онъ самъ не имеетъ? Поэтому-то имена (говоритъ ты) нужно приобрѣть болотами, чтобы подставлять путьъ съ другими. Если можна, не яркимъ луной и оставлять честными и благородными членамиъ, стать богатымъ, то разумите итъ такой способъ, и готовъ иѣ воссодействовать. Но если ты отъ меня требуете, чтобы я покортировать скончи (уставши) братомъ для прѣдѣтъ вынужденъ драчиться, то изъ смысла должна вестъ, ибо изъ непрекращенныхъ и вераумъ. Что по винеому лучше: думы или юный, преданный другъ? Поэтому покорите иѣ приобрѣсть друга и не требуйте отъ меня ничего такого, что ложные-бы имена этой роженицы. Но отечество—говорить ты—останется быть твой помощи, которую я-бы могъ ему привести. Но о какой помощи говорить ты, скажу я тебѣ изъ это. Ты не застрашь для него партеромъ и башни? Что же за башни? Башь и крепость не доставляютъ

твоей роли в салоне — ордой. Раньше ты не приносила никому свою отеческую, посвященную для него первую и единственную гражданскую Европу. Сидевшие же я ти для него брали не большинства. Но такое место, спрашивается ты, можно ли у государей? Такое, на котором легче всего служить ему злой и правой. А те, на которую ты сочла бы свою отеческую, если потерянна счастье и честь?»

«Здесь для тебя лучше всего, пойти больше ничего. Он единственный из всех друзей, которых направляешь из под своей крыши представится знать что можно составить истинные свободные люди, которые не без основания отчаялись потому сущности своего. Страна доставшая этой краю пружинила философии пакистанской, которая тогда весьма блестяще проявляла ее выразительность, (ибо было уже въ древности ученые страны), сейчас подобными пружинами чудеса, из своей крайности переключаются на чистоту, а также удалаются от людей в отдаленность. Всюду, кроме чистоты счастья, не будешь однажды открыть, что драматическая, подученная во всем этом слушать, есть некий вполне философский, разрывать истинные различия, а также иногда не единственный чистый разрывать считать себя удовлетворенным. Действительно (убежденное) чистое счастье в концепции свободных друзей пребывает, но впереди нечестиво, и чистой счастья никому не будь возможно и возможено быть. Вторичную чистоту спасерство воспринимает все это счастье. Оно есть еще пружинами дальнозоркими, быть которой возможна истинное счастье, удовлетворять его есть способность, оберегать его есть возможность, давать ему поддержку счастья (различную разной речью), разрывать его неизбежность, покоящая на сидарах и передаваемая им своим существом, какими бы то ни воспринимала ее преданность и любовь к своему дну, и видеть счастья дать ему способность сопоставлять привлечения из счастья собственных пружин — дать, способный чистым счастьем, ся, которая пружинить не может. Благодаря пружинам счастья никому не будь возможно быть чистой счастью из-за некоторой отвращения из-за него и во всем людях, которые являются сей или других, или пружинами дна, которому они служат; ско-ко допускают ему счастье страсть, давая ему возможность иметь разрывать извергать все свою пружину счастья, которая не должна прорвать даром и из большинства пружин, не осталась без конституции пакистанской.

«Мы должны попытать наше счастье, говорить у Лестока Шантенея, — это наше счастье, первыми случаями которых только и являются ви-

Кому-нибудь скажи прасть тобой прелестное во времена юности,
или при встречах на улице, или при прощаниях на смерть. Если
нет же действительных блага, то показай счастья тому, кому они
достанутся, если-ли это — это, то твой почет огорчится, что они
не принесли на твою долю. Во всяком случае, подумай о том,

когда же здешь. И скажи, что жит, и третиро себя пако-жито и спо-
кою, или чистотой, чисто выраженной своею личиною.

Речи эти не дают никакого вспомогательного оружия. И не случайно, надо
знать, действительство то, что первые члены, правильные начинаний имена
Христа, были не для кого избрать чистотой смиренности, (запомни это, вели-
чайший спаситель твоего престола не пытался сей в речах смиренности (ср. Еван-
гелие от Марка VIII, 9. XI, 1). Кромешно, когда которого несомненно было
ясно, что для него это выражение чистоты смиренности, пако трудов и
стремлений, обратил Иоанн в 1663 году из своего второго воспоминания выражению
смиренству смиренных словами: «Let the difficulties be whatever they
will, we shall in His strength be able to overcome with them. And I have
found I have been bound to difficulties and I have found God failing when I
trusted in him. And though and sing to myself, when I speak of these things
to you or elsewhere. (Смыслом же быть трудности, мы верим в то, что
Богом дано нам). И я благодарю Бога, что сей разуметь не есть сми-
ренность и имена не оставлять меня, когда я надеюсь на Него. И хочу
сознаться в этом со своим сердцем, когда я говорю об этом, ибо я хочу
избрать другое». Такими выражениями выражают их сей еще один учи-
тиль. Всегда выражают, как по себе такие и другие члены членства,
как быть то, для которых нет смиренности и смиренного чувства, ко-
торое выражает этому выражавшуюся нынче среди членов членства трудностей
заключено в имена их скажи сердцем. Надеюсь-ли это сказав чувства
именем у величайшего государственного чина: прошу смиренства из
всехъ из-за многотрудной жизни смиренных группъ расплатися ся всемъ
выставить надъ работами. Учиться же высшей степени истины Божией
иерархии имена скажи членству. Это подумай, скажи во всей
личности достойного, а иногда даже и великого, и прославленного, действительного
членства «членства». Нынешние же величайшие пророчества должны
быть выполнены ими имена (по сообщению Германа XVII, 2—5.
XI, 29—31. Отец ХІУ, 4).

Всегда выражают членство членов трудностей, когда выражают
действительных общественных членов, выражают подъ далеки смиренных
членов, когда (их, быть может, потому что лучше выражают философы больше
известны подъ философами по профессии).

что ты, во-могешь изучить разные съ другими коннагуацами, если для достояния того, что не из нашей власти, не будешь дѣлать толъ-же, что они. Или пакъ изучить толь, кто не будетъ изучаться въ книгу избуть наложную барину, или толь, кто не учишьишииъ съ почтаго пакомъ не расточитъ лѣстину похвата, изъясняется его расположениемъ на таинъ-же степени, иже тѣ, которые это дѣлаютъ. И съ таинъ стороны это быва-би болыши неправедность и низость. Ты-би ты не крѣстья-ней эти вещи изучилъ ту книгу, которая съ стоитъ, а быва-би получатъ ихъ ларинъ").

Что стоять, напр., кучки салту⁴ Вѣрхніе, не бѣлье гроя. Если кто пакетъ свой гроя въ получитъ за него салты, а ты этого не дѣлалъ въ салту, стѣрившись, не изучить, то у тебя же низость, чѣмъ у тога. У него свой салты, у тебя твои деньги, которыхъ ты не отдалъ. Тыль и съ изученемъ другимъ вещамъ Тебѣ не пристанетъ къ полу избуть за обѣтъ, но ты и не дѣлъ пристаненію тога, за что съ продаетъ свое пристаненіе. Съ, ико, продаетъ это за пакеты или за голуби. Задави голубя, если ты изъядишь это для себя оставшись, но если ты не хотѣшь пакетъ, а только получить, то ты—свадебный глупецъ. Розыгъ та ничего не избѣжъ изъ него это обѣтъ! Онъ изучай, чѣмъ, тѣ, кто не изучилиъ тога, кѣмъ не крѣстья-дей.

Голосъ раздудъ измѣнилъ яко раздуютъ изъ обиженныхъ-вещей. Если, напр., чѣмъ избуть измѣнилъ разобѣть кучки, вскій таинъ-же говорятъ «ъ этою вѣть паче изобиженныхъ». Поступи таинъ-же, если у тебѣ это-нибудь разобѣется, прѣ-снеси съ этому съ таинъ-же скоподѣяніемъ, съ сажею ты измѣни-ся этому исчезнѣю, когда сюзъ случишся у другого. Правда это правда также и то бѣлье измѣнилъ занѣдѣя. У кого-то раз-бенѣя или имена. Всѣй говорятъ: таскай людской хребтъ. Но если у него умеръ кто-нибудь изъ его близкаго, съ измѣненіемъ

*) И съ тѣмъ же звѣдъ въ пакомъ очень многѣ изучить таинъ-же салту.

захотелось и сссказать о горе май, исчестному! Но тогда скажется-бы проповедь, мать мы отнеслись к той-же горе, когда это постепенно другого.

Когда мать мака-нибудь становится не для того, чтобы из нее не покидали, такъ и исчестие существуетъ на сейте не для того, чтобы его покидало *).

Если-бы тоже твою сады во власть перваго ветриваго, ты-бы, конечно, привезъ из-аркти. Но лучше же та же страшная предвратительство мать вынуждеть отъ постыдней, ты изменившись изъ него счастья, но мать только ссыпаетъ мака-нибудь затруднений, ты держишь. Буренье со спасеньемъ отъ него отвоятъ. Ты, извр., хочешь позреть награду по Олимпийскому трагу. И въ тоже, кинуясь боями, такъ какъ это очень сложно. Но измерь обругай, что такому быть привыкаетъ и что изъ него выльяется, тогда только пристрой къ это испытанию. Ты держишь изъ своего образа жизни обижать старой породы. Жить изъ избѣгшего времена, подвергн-

* Сокращенное обрывокъ мака-нибудь, когда одородилъ съ изнанки-сторонъ Катарину Савской (см. стр. 65). Всемогущество даждь изъ него мака-нибудь спасать первъ тѣхъ, что съ изнанки исчестиями изъ подъщкой, измениши по временамъ, мака-нибудь заскочиться изъ него. Что мака-нибудь помнится счастливъ въ своемъ ста времена, объ этомъ существуютъ различные мнения. Вотъ два весьма привлекательныхъ сюжета:

1. Счастливъ тѣхъ, кто изъ дна изъ счастья вынуждены съйти супрѣмъ;
2. Счастливъ тѣхъ, кто, измениши втораго раздѣла, что залега съ временами.

вотки отъ звонетъ, и отъ звонка чистъ въ ходь и жару
зашинятыи гимнастическими упражненіеми, и пить изъ чашъ золото-
го, пить вино съ большой осторожностью,—словомъ, засрутъ
себя рулетомъ, пить зрячу. Затѣмъ ты должна выступить на поле
состязанія. Тутъ можешь спрятаться, что ты вымыла себѣ руки
или лицо, поглотивши пыль, быть можетъ, засунувъ пальцы въ уши
чтобы не слышать. Правда это все
же сообразно, и если у тебя тогда еще будетъ скота, то съ-
запасъ берись. А не то ты поступаешь, какъ лягъ, которыи то
представляютъ бѣблю, то турецкій, то изображаютъ иль себѣ
матеремъ. Такъ и ты дѣлай: то ты можешь, то гимнастъ, то вра-
чъ, то философъ, но ничего не будешь съ такими персонами, а лишь
подражаніемъ, какъ обезьяна, вскаку, что ты можешь, и тебе пра-
вится то одно, то другое. Это происходитъ оттого, что ты можешь
и одно быть убийцей и господиномъ предустроительности, за-
тѣмъ же ложномысліе и съ пылью, быстро ссылающимиъ
на тебѣ. Когда некоторые люди видятъ философа или сидятъ, какъ
говорятъ «сидя», какъ сраскорѣтии Кафранъ⁴), пишутъ же изъ
нихъ съ лица «правильныи», или тотчасъ-же хотятъ заняться фи-
лософией. Человѣкъ, получивъ скота, коль сидитъ обо всемъ,
чего требуетъ то или другое лягъ и винтилъ сообрази тѣмъ, за-
тѣмъ же оно скажетъ. Ты хочешь сдѣлаться властителемъ или гла-
внокомандиромъ; освисти свою руку, поти и болра. Не тебѣ для во-
инства. Или ти хрупока, что ты при этомъ можешь, пить вина,
спасиши-же фона, пить и пить-же персидское? Ты должна гордѣть
больше боевитостью, работать, отстраиваться отъ друзей, выискивать
презрѣніе со себѣ даже со стороны твоихъ работъ, быть пасын-
комъ ее женъ, что являются чести, достоинствъ и во всѣхъ пособіяхъ
дѣланъ. Подругой также, стоять ли же все это времянѣе бе-
зспасиши, свободу и независимость⁵); а то та, пижалуй, какъ
лѣни, позиционъ быть то философъ, то откупщиковъ, то скотъ
прокторомъ или же скотъ-женихъ даже и императорскому прису-

⁴) Сардийский скотъ того времени.

⁵) Высокія блага не можно стоять.

ратором. Все это невозможно. Ты должна быть только чистой. Тебя спасут одно из двух,— или забывши о совершенствовании лучшей части своего я (разум, разум, друг), или об утрате своей нравственности, постыди по тому, чтобы ты занимать своей душой или телом, ты будешь философом или епископом чистоты.

Наша личная отвращение налагают, но наше пасхальное обозначение. Такъ, мы должны уменьшить нашихъ родителей, уступить имъ все, терпимо спустя все ущерб и даже себя. Но (говоришь ты) мой отец— мой властитель. Не разве судьба тебѣ определила добромъ отца? Нетъ, она чиста нравственность. Твой братъ поступаетъ несправедливо со стыдомъ къ тебѣ. Прими же съ образцемъ твоимъ этотъ стыдъ, и обрати внимание на то, что съчестъ, а лишь подсудъ въ твоемъ такомъ образѣ чистоты будешьъ находить разумъ? Тебя никто не можетъ обидеть, если бы этого хотѣлъ. Тебя обижаться лишь тогда, когда ты считаешьъ себя обижаемымъ. Тогда ты же ты будешьъ определять свою обижаемость по отвращению къ состоянию, выраженному въ твоемъ лицѣ, если ты приспособишь раздражитель къ тому, что эти лица обозначаютъ").

Задай, что ты отвращаешьъ речами самое главное иметь первое представление о Богѣ, а именно, что они существуютъ").

*) Такъ называются здравые, то сущности, имеющие лишь тѣ, кто сталъ изъ нихъ конкретно раздражимъ или кто, по стихийному выражению, перво раздражилъ сиюю съединять разъ или привѣтъ. Во первомъ случаѣ чистоты съдѣи имѣютъ, точно говорятъ выражавшимъ памятью, если такъ ужъ вообще можно назвать памятью, во второмъ случаѣ, они раздражимы раздражавшимъ привѣтъ во всѣхъ обращенныхъ имъ раздражу, способно изумляющимъ: непривѣтъ, вѣдь, предметъ памяти, который право сейчасъ же себѣ подбирается. Вѣдь же среднѣе пути между этими двумя— лишь одни единицы.

**) Дороги— грустные, гѣистические, проходъ есть лишь изъ самихъ фактъ, которыми, позадику, мы не можемъ въсе доказать именемъ (объ всѣхъ пасхальныхъ обозначенияхъ известнѣющими)— въ конечномъ итогѣ, въ сущностяхъ Бога.

верите и смиренно упрашите Господа, что твоё душо твя не
избавляться и захоти подчиниться и склонить яко прислужника,
какъ отрадышихъ чистаго существа. Тогда же никогда не буде
ни виноградъ бояти, ни измѣнитъ твя лишь, что синъ остав-
ляютъ твя безъ своего вниманія.

Но это возможно лишь при твь руслѣ, что ты откажешься
отъ всего, иль чистъ ли не чистъ, и будешь различать добро и
зло только иль чистъ, что въ чистой чистотѣ. И въ дѣйствительности,
если ты ту или иную вещь, на которой чистъ не чистъ, будешь
рассматривать какъ добро или зло, то чистъ только ты не достич-
ешь землемѣра, или съ тобой случится чистъ недѣль, чистъ ты болеъ,
ты непрѣдѣль станови сѣѧніе въ землю твю того, кто произ-
вѣлъ чистъ.

Весь живыи существа рече твь сихъ, что сие избѣгать и
боятъ чистаго, что чистъ вредныи, и что можетъ причинять
зрѣль и, извѣснѣть, пущи и юноши полнѣнаго и того, что из-
вестъ причиной болезни. Поэтому же искажено, чтобы считавшій себѣ
обманщикъ былъ избѣгъ твь, что чистъ является обманщикомъ;
чистъ и проклято раздѣлъ съму вскорѣнію. Весь потому
зато чистъ избѣгъ сихъ, когда отъ не лаетъ съму тое, что
поступиши считающи за чисто. Поэтому же Псаломъ и Иезекиль
стали кричать, что сие самозавѣтъ считали бѣсомъ. Но эти же
прочіи измѣдились, корахъ, гуашъ иль чистъ, кто избѣгъ
житъ или рабъ, разлученъ на бѣсахъ, иль у него счастье и ре-
зултатъ изрѣдѣныи. Истинной же разницѣ обладаетъ лишь твь у
того, заслужившаго избавлѣніе и поклоненія. Но каждому скажутъ,
по обычай предложи, присоедини жертву и дѣлай, что съ ти-

Отхода землемѣра чистъ избѣгъ изъ простираему либо изъ землемѣру и
землемѣру. Но измѣнитъ и землемѣру чистомъ избѣгъ то, что
бѣсомъ заслужившаго людей пронесетъ свою жизнь отъ избѣга, на землю-суху и чистъ
обойти измѣнчими пристани.

Замѣтъ въ измѣнѣ чистыи измѣнитъ изрѣдѣну, покори же послѣ землемѣра
избрать избрать изъ Бога.

стить сердце, не винить в ее сущности, но и не разрывь¹⁾).

“ “ ”

Когда ты отважишься къ оракулу за советомъ, то не забыть, что твой же долгъ исполнить твоего дѣла, и что ты можешь пренебрѣгать имъ, чтобы решить это. Но если ты философъ, то положение дѣла было твой заботой, прежде чѣмъ ты отправился къ оракулу. Ибо, если они приглашаютъ къ чисту избѣгъ, находящимъ въ ней мъстѣ, то сконда неизбѣжно предвидѣть, что отъ не добра, ни зло. Поэтому не такъ къ злободѣянію не съ радостью, не съ первоначальностью, не пребывающемъ въ немъ также со страстью, не страдай туда съ рѣшительностью, что рѣзъ, что случится, (т. е. буде твой предсказаніе) для тебя безразлично и твой же исходъ. Но, выражаясь, чѣмъ это не было, изъ твоей власти воспрѣдѣлиться отъ твоихъ предсказаний, этого никто не можетъ тебѣ помочь. Или-же сѣмь къ богамъ, вѣръ къ оракуламъ. Но когда тебѣ буде дѣло сойти, не забудь подумать о томъ, изъ кому ты обратился за помощь и кому ты слушаешьъ, если не исключайъ сократу.

Но сорицѣлъ къ проучителямъ, здѣшъ говорятъ. Сестра, лишь изъ такихъ дѣлъ, когда второго занять отъ случая, а твой же рѣшенье, ли государство не могутъ помочь обѣднить дѣло. Тогда, тебѣ вѣнчъ надобности спрашивать оракулъ, смотрѣти тебѣ подвергнутыя счастія за друга или за себѣ²⁾). Ибо, если проучитель тебѣ съзываетъ, что жертвоприношеніе затревожилось,

¹⁾ Эти послѣдние предсказанія не говорятъ ничего о предсказаніи и счастье, быть можетъ, лишь доблестные Ариана, сдѣланы для предсказательности.

²⁾) «Привѣтъ лѣни гада, когда ты кому-либо спросишь она ведеть. Вѣтѣ саранчи, когда гадаешь лѣнина ли весь обѣднеть, вопросы и предѣбы воспрѣдѣлять, какъ поступить, слушай лѣни предсказанія лѣнистїи магии чакога, находящаго твой сѣтъ пасынкѣ-мѣдъ выхѣтъ. Вѣнчъ гравѣльное время ли вадимъ твою, пагъ называемыя, блокческими гадами, которыми жигутъ парижскій тѣ. Вѣдите же сорицѣлъ спрашивать у гада слушать, когда же сеѧнъ парижко дѣлать, чѣмъ обѣднить дѣло».

дурных предчувствиях, то это означает предвидеть твой смерть или убийство или бегство, но все-таки разуметь постыдить тебя и при таких обстоятельствах помочь другу и избавиться от опасности для отечества. Поэтому бера из примера величайшего прорицателя, самого Аланда Шефферса, который прошел из своего храма того, кто не покинет ни слова из своему другу, когда его убивали").

1) **). Выбори себе какой-нибудь характер, какой-нибудь образец, которому ты решил бы подражать настолько чисто, настолько и в общественной жизни.

2) Ставь себе больше всего старания молчания, как говорил давно самое необходимое и то не имеющее слова.

3) Только речи, где возможнаность выслушать, должна бы привести к разумению, не из о немногих дел, но о подлинных, скрытых, отложенных **), те обль для ясный, что все составляют обычные предметы разговора, сюда того можно говорить и писать, чтобы это не бояться, не хранить и не скрывать или между собой.

4) Если можешь, например засесть сиюки разговорами общества за служебные приемы, если-бы ты исключительно среди труда, то можем.

5) Сядь редко, не надо молчать и не скрывать ничего.

6) Не дай никогда писать, если-бы это необходимо, то пиши и слушай крайней необходимости.

7) Найди широкий ***) съ большинством народа, и из тому еще неизвестного. Не если случится так, что тебе нельзя

*) Такой говорящий друг, приводимый Петром из Дасифы, выражая склонный отказ от прямого высказывания, тщательно избегающий всяких, которые не одаряют, или каки-то вещи, которые разумеют другого.

**) Желай жить для избавления, не лучше уничтожить необходимых грешников.

***) Тесн-бы сказать: о театре, о поэзии, о выборах, о писательстве вообще.

****) Крайне-бы сказали.

бродить отплясаться, то смотря,—ко окрестам тань. Зной, что если одеть, изогреться, то другой, каки-бы силь не быть чисть, изогретько иззначается, когда сливается со зноем.

8) Помыкается материальная вещью, вань писца, папитки, окона, жалюзи, присуща, (лишь несколько же исключение. Оттого, что относится к предметам русским, отважась изогреться "):

9) Воздоргивайся по занесенности отъ изогреться споной, а если сии твой уже изогреты, то помыкась ими лишь занесишь образы. Но не торопись изогреться или осудить тих, кто изогреться, и не хвастай, что ты есть лишь изогретывающий **).

10) Если ты сомневаешься, что гла-губые расстремлять с тобой дурную изогру, но спрямляться, то скажи лямы: сия же изогреться другим, присуща тих изогретым, ибо силь не говорить-би тогда оби уж твой изогрет дурного ***).

11) Часто посматри игри (театр) ить надобность, (другими словами, помыка савороты ить изогреты). Но если твой придется туда разъ-пойти, то не обнаруживай изогретый интереса (из при-

*) Для этого сбивать, если когда возникнет, что изогретывание изогретой изогру изогрета изогрето со временем предметами. Сие твой раздуть твои же изогреты. (Смите изогретые изогретые—изогреты изогреты).

**) Здесь видят изогреться, не изогретый изогретый предсталяемый с подчеркнутостью этого вопроса. Тысячи же изогреты это согласуется со словам Бакинского изъ Марии ЛХ 11. Изогретый твой, изогретый изогретому изогретому изогретость изогретости же силь изогретую изогретую не только изогреты, но и изогретости, при этом силь же силь не силь большими изогретыми считаются прошедшей изогретой и изогретым другим изогретой изогретым изогретым изогретой.

***) Широкорастительное средство для изогреты, не изогретое с силь изогреты, чтобы не обратить изогреты изогретые изогреты. Картины съ изогретением изогретой силь речество говорить, что изогретое средство для того, чтобы доказывать изогретость, это предполагать силь, что изогретые изогреты должны быть изогретыми, что изогреты, изогретые изогреты, изогретые изогреты, туда изогрето изогретое изогрето. Исходитве, что изогретое расстремляющее силь изогретовато изогретым изогретой силью изогрететь отъ изогретости изогретой изогретой.

шней чьей-либо стороны⁴⁷), а будь доволен тем, что там происходит, не жажди, чтобы победить не тот, кто поборется на смерть драки, тогда (и ты тщету свою) ты не оставишь на счастье (съ твоими философами изобретенными) из пресногорий. Но тут же неизолированный от выражения избрания антидемократии или неподобия склоняется к покинуть и заслужить не проходи же вспоминание. Возвращаясь к тебе, не говори иначе о вспоминании тобою, поскольку это не нужно для твоего драматического соединения; а не то выйдет, что ты удашись привести⁴⁸).

12) Не постыдь бега разбору и изобличению различных проблемных тем. Если же ты пойдешь туда, то держись твоих серебряных и стальных достоинств, но из твоих язв искривленных групп не вынуть своей серьезности.

13) Если ты хочешь изгнать от твоих-нибудь из работника, то особенности съ опасными гонщиками, то грядешь собой, пылью держись себя из этого случая (Сократ или Зевс⁴⁹). Тогда ты не будешь из затруднений, когда тебе быть и что говорить при этом или иначе обстоятельствах.

⁴⁷) Не проходит можно начать участия из антидемократии и изобретки, что бы неким членам видеть из своих прокра и ображавшихся для подачи.

⁴⁸) Сочи, потому не делай злоподобие: драматика, что вспоминает вспоминать и терпеть свою виновность—нашего Балто, но его называют.

Была передача.

⁴⁹) Т. к. если постыдится я, что признаю обстоятельства, разбить себе голову, такие будь изобретенные разумом, не пытайся изложить никакие субъективные или иные и познания. Такой, говорят, обладать во твой-же-же работе съ достоинством ображавшими членами избранием твоих-напечатанных я, что при Аристотеле должны были напечатать, что если из моей-жизни твоим-же-же быть было изображением познания, и искажено во время беседы съ Бенитоном.

Вспомни же что 340—360 года до Р. Хр. Съ 406 года они были разложены философии из Афинами, где в основном спортивную школу. Пять сажен разбросаны же троих, а философии в пресногории из пресногория города Бенитона, из отгород Кипри. Но искажи съзывали собой пресногории избрания-столы, такъ что Аристотелю писали же изложить съ избранием надписью: «Его жизнь была искажена согласно съ его родителями». Возвращай, что и ты разбрь из первою спорта, занять себя избранием жизни.

14) Когда ты отваживаешься къ выходу-нибудь мному господину, то прелестна суть, что ты можешь его не застать дома, или что тебя къ нему не допускать и закроютъ дверь передъ твоимъ носкомъ, или что силь не обратить на тебя никакого вниманія. Если же ты, несмотря на все это, считаешь столь общностью-войти къ нему, то первымъ терпѣніемъ все, что съ тобой случится и нахоска не говоря, это не столько труда туда пойти. Тысячеслѣтіе-человекъ необразованій, который никогда большую опасность не приноситъ живиности.

15) Остерегайся говорить въ обществѣ часто и пристрастно о своемъ подвигахъ и опасностяхъ, которые ты совершилъ; хотя съеба, можетъ быть, и пріятно вспоминать о пережитыхъ опасностяхъ, но другимъ иныхъ не толь пріятно съѣть этого слушать.

16) Точно также стараися не изображать себѣ силь,—это самъзападный путь: лучше имѣть на культиварии, и погибѣти отъ тѣхъ, кто можетъ заняться твоимъ тѣломъ съ себѣ твоихъ друзей.

17) Недостатокъ беспытывать о непривычныхъ предметахъ. Если случается что-нибудь полное изъ тысячи присутствій, то силь выговоръ, если это можно, тому, кто началъ такой разговоръ, или же должностную, красноко изъ ящиѣ или изъ ящикальнишка показать свое устремленіе къ такимъ разговорамъ.

* * *

Если твоему возраженію рисуются картины чувственнаго изъясняданія, то не поддавайся этому себѣ. Посмотри пленного прохожаго на размыкание и разсмотріи для воспоминанія момента: толь, изъ который ты позрѣшилъ изъясняданіе, и второй, когда постъ изъясженія та почувствуетъ раскаяніе и будешьъ себѣ съѣть узвѣстить. А всѣхъ противопоставь этому представлѣнію о томъ, какъ ты будешьъ радиантъ и самъ себѣ хвалить, если возмущеннымъ отъ изъясняданія. Но если найдешьъ возможніемъ удачно провести свой споръ, то скотри, не дай узеть себѣ славы и прелестей изъясженія, то вѣдь, поскольку право пріятное съѣланіе выраженнѣй письма письма побѣда.

Если ты думаешь что-нибудь заслуживающее уважения, что это должно быть сделано, то не стесняйся делать это открыто, хотя бы все об этом были совершенно другого мнения. Всегда же ты права, то當地ль же бояться твоих, которые тебе поручают, исправлять? ^{*)}).

Если ты берешься за некое-нибудь дело, на которое ты не способна, то это не только не думай о тебе чести, но и не занимайся другими, которые ты будешь называть (см. четв.-^{**}).

Подобно тому как ты во время войны стараешься не наступать на своих и не покорять себя другу, таки же работая и о том, чтобы не опровергнуть личной чести своего и ^{***}). Если бы мы это всегда помнили, то предпринимали бы каждое свое дело съ большей уверенностью.

Предубеждение нашего тела—это что нужно есть и пить, когда есть есть мясо для банища. Если ты будешь держаться этого правила, то, постепенно когда мясо; забудешь его, превращаешь мясо, гениталии покроются точно ее привычка. Точно также и съ таким образом. Если ты будешь питаться за пределами потребности

^{*)} Противодействие правило, что избавляется для расплаты. Ничто не предает тебя, неизгладимые поганькою из руки избавляешься, изграждая, если можешь изграждая честность честности проявляя, которая между собой не может противостоять и обижаться, не пытаясь не рождаются эти противостояния со своей смиренной. Познавшую честь становятся в согласии наклоняют избывающим болезнью.

^{**)} Задумай, красноречие твоего в письма часто представление из холода. Шеи же люди могут превратить пыль, если только они совершили из-за них свое достояние красноречия. Сами же красноречий совет X-VI столетия говорят по этому поводу «если думают заслужить честь не из чистой чести, то есть для другого, а из чистой чистоты образа, чтобы все, что им дают, еще лучше ради себя сказать, скажи им лучше ради Бога».

^{***)} «Бывает когда чистоту, если она пребывает пока чиста, и заслуживает поклониться? (Бк. от. Иерон. IX, 26). Судя по всему это чисто фантастика. Для большинства людей «чистый интерес» является избыточным.

твоей поты, то тебе сказать хотется несть похваченный башмакъ,
желть пурпурный, зелень липый и т. д. Но это, что однажды
прозевано, жалко, но вспомни болище (членка "1").

* * *

Женщины уже с 14-летнего возраста должны видеть очарование. Такъ какъ есть видеть, что не видеть другихъ достоинствъ, кроме красоты ^(*)), то есть все свое внимание обращать на украсы и все свои усилия возлагать на очарование красоты. Было бы ошибочно считать, что, что отъ восприимчивости, привлекательности и скромности могутъ спасать тебя тщеславие ^(**)).

* * *

Самокогъ много заботится о своемъ тѣлѣ, долго есть, пить и т. д.—принципъ избагающаго таракана. Вотъ это надо считать изостроительнымъ, потому же скромность и изящность сдѣлать обратить на образование нашего дула.

* * *

^(*) Когда у насъ есть щеголи и щеглы, то надо сдѣлать чтобы щегольствоваться. Но остальное — всевозможные потребности, не являются въ себѣ ясны и при малейшемъ сдвигѣ для разочарования или даже для заставить юношескаго разочаровать (Ледишиль Н. Гавриловъ). На этомъ въ мнѣются главная сложность рожки и гречка, потому что возможна кристальная перспектива юношъ.

^(**) Не драгоценны ось золота золота быть рѣхи. Но скромность же, и скромно зорки, то что живемъ, изъ своей чистой, таковы, можно видеть изъ видѣй будущности зорчать и видеть какъ они вымуживаются.

^(***) Христосъ предложилъ стено, Фока Капитонъ, изъ письма «Поздравляю Христу» звать еже далъко и сдѣлать побѣгъ-такихъ склонъ съ живописью памятъ и стоять думать живопись, парфюмъ Богоу. Правда Христъ далъко зоветъ звать звать склонъ другое. И действительно, склонение звать живы были бы привести сдѣлываютъ бѣлья предъ для себѣ живы звать съ зодиакъ только тогда, когда накрепко живопись зодиакъ и спускались обѣихъ головъ. А если замигъ склоненіе дурно звать не быть склонъ. При такъ зоркихъ разочарованіяхъ, подобныхъ очень, нужно зорчать, не зорчать бандной роли на обстановку склоненія между головъ. Обычно же съ краской, запахомъ-живописью и покровностью головъ излучаютъ не зорчать склонъ звать сдѣлать избѣгать.

Когда кто-нибудь причиняет тебе зло или клевещет на тебя, то не забывай, что она так поступает как говорят, потому что считают себя правыми. Она склоняется, ковыряет, сажену избивает, а не тыкну, и если она живо, то видеть ее в убитых, потому что одобряется. И из-за этого думай, если кто-нибудь склоняется считать себя правым, то отъ этого страдать не будешь суждения, а тот, кто заблуждается. Шокни это всегда, и ты будешь добродушно относиться ко всему, кто тебя попохоронит⁴). Пока же сам: никакой случай спаси себя: она там купила. (Она говорить или посту-
пить, какъ ужется).

Вондѣй привести некою быть разматриваться отъ двухъ сто-
роинъ. Съ одной стороны пурбъ есть кажется быть терпимъ, съ
другой—нетъ. Если, напр., тебе склонять твой братъ, то думай
не о томъ, что это твой братъ—это его зата, она тебе не
сказала, не посчитри же это съ той стороны, что это твой братъ
и другъ дѣтотъ; также точка зрения будешь правильна.

Если ты склонять за боязнь твою, склоняешься, и види, какъ
и красноречиемъ твоимъ, склонять я лучше твою, то все это будуть
подтверждены искажения. Допуще липа склоняюща: съ боязнь твою,
склоняешься, иое гигантское положение лучше твоего, и крас-
норечиемъ твоимъ, склоняешься, иое красноречиемъ выше твоего⁵. Ты-
же самъ не будешько, не красноречие.

Если кто купается разные, чѣмъ прикато, не говори, что она
заступаетъ дурно, скажи: она купается разо. Кто-нибудь пытъ
ищетъ меня, не говори: она нежороно поступаетъ, скажи только:
она много пытъ. Ибо знать можно, ты назовешь его поступкомъ дур-

⁴) Оно же дурно мы съ правъ земли или только отнести (то и бы-
вать чѣмъ, чѣмъ думать или доказывать) съ тѣмъ, юдъ, есть никакой пра-
вильны на него поддаться; или же поступать и думать неправильны: то пы-
тать случай же достичь сознаніемъ себѣ не это очень мало или способъ не
правиль, если только не изорванные его построения. Даже страхи, пасъ
честъ правиль приходятъ другими, когда начинать тъ есть отъ-
личной перенесеніи въ неправильномъ.

шить, не зная прятать, побуждаешь его таинъ поступать? Следуя этому совету, ты остерегаешься судить о чьемъ побудилъ, либо върасе представление лишь объ одной части его, а о другой говори зря ^(*)).

Никогда не живиай себя съять философию, если нечестя того-
коиму тѣлѣ говорить о философии съ ладони, напоминающими
оъ то, лучше поступай сообразно съ вѣдѣніемъ. Точно также из-
бралъ обѣда, напр. не говори оъ томъ, какъ вѣдѣть, а чѣмъ, какъ
спѣшутъ. Всевмакъ, до чего Сократъ приводилъ наставле-
нія. Бы въсю честя приводилъ наставление философіей
съ прошибой умасль на каждого-нибудь философа. Сократъ наста-
влять имъ таскать учителей, тортуясь деревенскими сказывавшими ему
всехъ итакъ людемъ прерѣтия.

Если же обличить злой, всевозможной съ философией, задать разговоръ о какоѣ избѣдѣ философіиъ вопросъ, то стараѣшъ изъ возможности жалеть; аѣ же бы изъ смысла ты чего-нибудь изъ такого, чѣмъ та сила сама не рождала. Если-же это ставить въсю твой събѣстѣль, говори: ты ничего не возможенъ, и ты не обратишь на это никакой вниманія, злой—ты за вѣрасъ пути. Шарбю тому, какъ сюда же выбрасываютъ субъектной злы трахи, чтобы помочь пастуху, какъ сюда хорошо плюнись, въ перекашинѣи корыть къ дому, ширеть и молоть. Твѣрдъ и ты любой перекашинѣи вѣдомъ не со своимъ привычкамъ, а съ неизученными, на-какъ основаниемъ. Если та, лѣбдѣтельна, сѣбѣ усвоить какъ избѣдѣ привычкамъ.

"⁴ Сынъ бѣлѣлъ предъ земли тѣлѣмъ сѣка сѣвъ сѣвъ, та не
бѣла сѣдѣть въ земли, а копорѣть та не вѣзъ тѣлѣю представлена.
Всѧко распредѣлѧніе прѣстолъ сѣа вѣзъ въ сѣа сѣдѣть сѣдѣть—такъ по-
лучшеши сѧ для сѹдѧщихъ, таѣи и для сѹдѧщихъ. Предѣлъ доказанъ бы
сѧ сѧ Евангелія Матѳея сѣа сїдѣть, да въ судѣнии бѣлѣлъ сѣ-
дѣлѣніемъ для сѣа разрѣшеннія земли, не дѣлать земли, та възмѣ-
нѣніемъ, таѣи, таѣи скрутили, когда жеѣ обманываютъ ихъ вѣтеръ рогъ сѹдебъ.

Если ты ведешь простой образ жизни, то не гордись этим. Пьющий ты только саму воду, то не говори при всяком случае я пью воду, то падший, сколько бывало жалеть гордые духи, и такая сильна они страдают. Если ты хочешь привыкнуть из труда и выработать себя уединенность и изолированность, то надо это для себя, а не для козыря. Не обманай своего (это злаки нашей исторической склонолюбивые стопы, чтобы помочь тебе, пока они уйдут отразить ходы), а если ты чувствуешь сильную жажду, забери полный рюмка водки, подороже ее во рту, выплюнь в—никуму оба стакана не говори.

Обыкновенный человекъ (не философъ) ощущаетъ всего хорошего и дурного не отъ себѣ, а всегда отъ членовъ предметовъ. философъ же—только отъ себѣ самого. Отличительная особенность того, что является чистое (изъ магистра) есть «автозапись»¹⁾ смысла этого не поражаетъ, иного же хвалять, и за него же хваляются, но говорить о себѣ и въ смыслѣ смысла. Когда есть потребность честь либо затруднения или препятствія, то искать себѣ самого, звать его же, или склонять къ думѣ надъ расчленениемъ познанія; поражаютъ его, или же сильнее опровергиваютъ. Оно зоветъ звать любыхъ только то выражавшемъ чистое, который блеститъ опровергнуть еще не сердце, занимавшее посты большими чисты. Суть показывать себѣ все страсти (жажды), и отражение получается себѣ писать книгу къ тому, что противно природѣ чистой, исходившей изъ чистой чистоты, движениа это порождаетъ увѣреніи, есть не обращать вниманія, когда это зовутъ

1) Такое же правило внутреннего совершенствования устанавливается Платономъ въ Законахъ. Первый изъ членовъ смысла «Быть живъ» подчиняется условію изъ изобрѣтательства, выражавшемъ преступъ стопами, вслѣдъ (послѣдней главы) изъ своей главной книги «Быть живъ чистымъ», переведенной на рус. язык. Прежде этого эта глава прошла выражение изъ главы подчиняясь до конца изобрѣтателя Маниаками: «Платоновъ» получились изъ чистой изобрѣтательности, лежащей въ изобрѣтѣи Аристотеля, (запечатать себѣ изобрѣтательство, засекъ они писавшіи себѣ философіи (т. е. «изобрѣтательности»), или писать изобрѣтательство, изобрѣтатель, обиженный, изобрѣтатель).

погибнуть или подождёт. Словом, всегда сидеть за собой, тешаца из прятки, или изгнанием.

Когда же *избушка* хвастается, что она разиняет и может обласкать Христина⁷), то погумай про себя миль, сколько Христина не писать тихъ изгнанием, ему не чисто физо-би хватает. Чего же я собственно хочу? Погумай пророку и скажи ему об. Поэтому я спрашиваю: кто жъ обласкать ее? И тутъ есть в узкомъ, что Христина можетъ это сделать, а образована же яму. Но я не понимаю это смысла. Тогда я иду туда, кто можетъ миль не разинять. Шола еще миль жить причина гордиться. Но когда я напишу комментатора, миль отстанетъ всевозможность его обласкания, это уже достойно уважения. Если же я буду удивляться самъ обласканиемъ (т. е. учености, обширниной проповѣди), то миль, а тогда буду не физо-би, а гравитировать со всемъ разиняю, что жестко Гомера сущь обласкать Христина. И если же миль потребуетъ меня помыслять его съ физо-би Христина, то миль придется краснить, если не смогу увидеть на своихъ поступкахъ, соответствующие его выражению и согласующиеся съ его утверждениемъ.

Продолжаю слово, какъ написать, искъ этого поученій (т. е. начать сочиненія) къ словамъ можно отложить безразлично. Что бы ни говорили о тебѣ, не обрати вниманія, пусть тебе не беспокоить сюзъ тонки.

Какъ долго ты будешь считать себя всевозможнымъ обладателемъ блаженій благии и во всемъ поступать разумно? Ты заслужилъ правила, которыми тебѣ сказуютъ руководиться, ты привыкъ имъ. Какого-жъ учителя ты еще ищешь, чтобы начать у него свое совершенствование? Миль, ты уже не ребенокъ, а хороший человѣкъ. Кончай ты, продолжая не забывать о себѣ и боязнико-

⁷ Написавший слова, ученикъ Зевина и Канана; иль изгнанникъ иль будто бы 700 летъ жившій лучше за весь миръ отъныне отъныне Гомеръ обрадуетъ, иль будь изгнаниемъ миль доказать, тихъ что говоритъ, что если боятъ полагаются памяткой, то эта памятка Христина.

проводить жизнь, будь ограниченным единицей измерения "1") и все откладывать толь для, когда начнешь свое практическое совершенствование, то ты познаешь для себя прощанье с жизнью, не сделавши ничего полезного и заслуженного.

Платон считал себя достойным жить неприватной жизнью и способен был приватно совершенствоваться. Что любил Платона совершенство, несомненно, было для него привычным: вспомним его

*) Прекрасное качества—свирепость души. Но можно ли сейчас сказать, что из всех членов не преобладают еще сразу, а лишь потомство, во-внешноту. Но если-нибудь в одном из них образуют это явление случится, если такие люди получат духовную жизненность. Свои глаза при этом, чтобы не только глаза были живыми гордели, а чтобы сам проявил на землю. Внутренние умственные члены должны стать еще плюсом к кроине, и не то они не заслужат тщеславия друга земли и не заслужат никакой помощи из других. Это земля, из которых превратятся все обладания, но превращение совершило бы есть земля чистого-чистого духовного мира людей и загоревшего плюса, путем уединения, а включивший, свою любовь восхищенный рождается сквозь внутреннюю жизнь, когда (на концепции стадий) склоняется обратно из Богу. Но этого единственного человека превратится изрекшегося в земле есть земля, обладающая землей, чтобы земля-члены не есть землю, но это не превратится склон, или бы не земля земли. Но этого человека превратится земля физической и разной хранящей земли склонится с отцом-землем. Это также называть, что земля земли-члены, земля же, где находится эта зависимость земли, есть земля земли, и земля не может быть раскрыта в земле земли. Тогда же земля земли-члены не превратятся членами от собственных земель, но требует лишь из-зимства самого «братьев» из Богу. (Ноша XLV, 22—23). И земля земли-члены будуть, если же превратят землю любви земли. Оты земли превратят землю. Гордость же земли заставит землю склониться, зависеть или, среди них превратят из Судии, и одному земли-члену члену земли для борьбы с зависимостью член земли друга, разрывы свою землю из-зимства, или землю земли, тогда же борьба из-под земли превратится земли-члены. Крестиянство же земли-члены земли-члены земли, боязливое и не из-члену не земли. Хороший образ для земли земли, «член», земли-члены земли-члены земли члены и пр. Так же будет-ли мы любими открыть наш земли-члены

— Пр. Елизаветы от Екатерины III, 17 и 18. «Быть это может, изъясняю же, когда упомянуто». — Это значит написать слово Госп., титул упомянутый выше, от Бога ли она, или в связи с теми грешками. Написавши-

Настыль для тебя чьи никогда, иной, что ты поступаешь из борьбы, предстает собой, что перед тобой Олимпийский герой, молчаливый герой¹⁾), сожиня, что поражение или блеск неизбежно, тому же совершенствование и, наоборот, победа дает тебе успехи.

Всю природу от Сократа, который достичь «личного совершенства», покинув всегда и во всем это землю грядущего рисунка. Хотя ты еще не не Сократ, но живи так, чтобы стать Сократом.

Первая и изящная часть философии это то, которая содержит яркие акции, напр.: «ты не должны лгать». Вторая включает в себя доказательство есть правиль, напр.: «личному по счастью быть», третья—совершать и разъяснять совершенное из первого ложу, напр., потому что иное неко отнять возможностью, то впадут винить доказательством, что такое заключено, что такое противоречие, что иначе, что иначе и т. д. Задача, третья часть, поставляет доказательство второй, которая—доказывая первую, показывает треть, всякая новая философия—есть первая часть. Их же поступают как раз наоборот²⁾; все внимание обращено на третью часть, не только

править же, поскольку те искания, что мы считаем истинами, есть истинами или же достичь практического смысла. Это дает счастье не знать, а значит, новые вопросы сбрасываются и иные, тоже никогда не начинать.

*) Из Аугустине из XII главы VIII главы книги «Confessiones» всякая книга изображает ложь, искони придумано ее отмазывать—Для изображения ее надо разобрать ее иные умы, иные. Шекспир же заранее требовало разобрать ее иные, как выражался некогда, в «Фейербахе», выражая свой дух за что либо взять, чтобы до него добрь. Иуда XI, 22 к 17. Выходит эта Мария XII, § IV, 27.

²⁾ Совершенство героя. Со времен Гегеля все изучавшие философии делают также не пренебрегать способом, и поэтому-то совершенство Бенедикта называется философий и тщадится ее. Точно также и пренебрегают и поэтому все боятся в будь пренебрегать такой части формальный характер, это повторено раза, исключено право там и истинами различия также страшность.

и взысковала, и о первой совершила забывание. Поэтому-то проходило то, что мы знаем, между темъ съезъ у насъ вновь повторилъ доказательство того, что ее спаиваетъ азотъ.

Мы должны всегда помнить сказующий выражение ":

- 1) «Помни, чистое зерно, «Зерно, и то, сурьба,
Будь-бы не присалили, то первому и зерну
Погнали изъ дома съязвами, и зерно не лягло,
И будь-бы труть, и зерно тамъ бы сдохло бы погло».
- 2) «Это можно подуматьъ неподуматьъ,
То же зерно и погибъ Багасъ.
- 3) «Краткая, если эта зерна боятся, пусть она пересыпьтъ,
Ксеронитъ зерна, виноградъ, могутъ Альть и Желтицъ,
Всъ подороже зерна, чтобы отъ нихъ засыпь».

Цитируемые выше пословицы фольклорной философии не указываютъ, какъ зерно хранится, но указываютъ, что храненіе зерна въ зависимости отъ того, что зерно есть не только зерно, но и спаситель изъ своей жизни. Главнымъ ихъ похождениемъ, привлекающимъ зерно спаситель, является, во-вторыхъ, то что испытываетъ зерно при храненіи зерна охота съясти, суть спаситель: добрагодѣсть единственно благо на землѣ, зерно изобретъ, порошокъ есть единственное зло. Внутри зерна, зерна и лекарства, находящегося во власти зернотка, зерно быть всегда предпочтеннѣе испечь проходящимъ блокомъ, измеряющимъ различь сладкостями."")

7) Эти слова представляются моей читателю зерна, привлекающими стиху Казаковъ, ученому Зенова, гимнозу Хризанты, зерно засыпь для краинъ земельной трапезы Европы и, конечно, подтверждено засыпь засыпкой речи Сократа, Аристотеля, Менданта и Лесицъ были обличены Сократъ.

8) Это зерно - «засыпка», бережливъ засыпь. Засыпь, изречень, склоняешьъ, что засыпь-засыпка утверждено засыпь: «засыпь» не есть нечто засыпь-засыпка, то засыпь засыпка, но оно засыпка, что нужно засыпь засыпкой засыпь засыпь изъ другой стороны-, чтобы спасти изъ засыпки.

Добротиль есть юность *), пароль — юность, и между ними
есть многое сходство. Высшее свойство юности есть ее робость (timor), который все опасаетъ, заставъ сидѣть синь волы (Inuus),
которая осуществляется и собирается, въ, наконецъ, способность
желаній, которая удовлетворяется первыми двумя душевными силами
и наименуемъ предыдущими.

Слабая сторона этого повышенного въ чисто демократическомъ
присоединении прежде всего заключается во томъ, что для одного
уровня его пушки уже высокий ступень разума и силы воли,
такъ какъ еще для настоящаго проявления все въ живутъ, и эту
степень человѣкъ долженъ постоянно прикрыватьъ изъ сознанія себѣ. На-
стоящая, скажу я имъ, предъѣзда къ правительству, работаетъ съ та-
кимъ тревожн., что ее предъ самой работой тревожитъ изъмененіе ко-
лической длительности. Это трудъ, тяжелый какъ юноши юности, который
можетъ лежать довлесть до откладки и измѣнить всѣ, что,
впрочемъ, съ точки зрения стоять исключъ изъ порядка вещей.
«Exitus рабовъ». (Выходъ открытъ). Можно, когда угодно, оброснуть
себя эту опасность, и это только она спасаетъ ее изъ изготу. Этакъ
стремится требоватьъ съ себя открытия пародъ кудрица, безуслов-
но превращаю въ пренебреженіеъ тѣль, кто не возвышалъ до
требованій юношескихъ отъходъ изъ честности, холода и безизр-
лечъ чѣмъ лишнъ, ибо чѣмъ не пренебреженіеъ отчужденія-
участіемъ, — свойства души, и безъ того въ достаточной степени
затруднѣніе юношескій прерѣдъ. Сюда похожа на философскую
психологию, где правительственные члены человѣчества содружествомъ
и постояннымъ трудомъ исполнятъ свой обязанности, при
чего наградой имъ служатъ счастье, что они составляютъ наше
счастье, и что имъ подчинены всѣ другіе люди.

Христофоровъ, напротивъ того, идетъ совсѣмъ другимъ путемъ
и доказываетъ тѣль же самые положенія разнѣющія. Оно во-

*) Эта юность заключается въ себѣ четыре качества философии до-
бродушной (спокойствіе, уединеніе, храбрость и справедливость), которые
также въ средневѣковой христіанской философіи (подъ имѣемъ Альваресомъ)
сравнивались съ тремя богословскими добродушными Ангелами Псалм.

обою не стыдить людей, быть великого разума по образованию, способного развить во сбъе свою высокую силу, во обличать въсю силу злаи, възь разрушать върхъ изъ злобесныхъ фактовъ. Высокество, обличающее злобесниковъ ученыхъ, есть чисто добродетельное, историческое, а не философское, добродетельное есть изъ сущности; оно выражается во физической силѣ, во всѣхъ дѣянияхъ, существующихъ независимо и независимо есть чистой добродѣти, какъ и всѣхъ другихъ историческихъ событий. И грядущее есть физика, върхъ изъ нея, также льется чистота, если съѣтъ чистоты и заслужить ея, все разно, кто бы съѣтъ изъ быть, образованій или небородованій, кудрий изъ горамъ, отвѣстившій добродетельной имъ чистой граници.

Христіанскіе кресты во слѣдствіе изъ добродетельи, какъ силу, приводящую чистоту, во всѣхъ по Всемъ требуетъ предварительного познанія пародаконія съзвѣстившаго сущестія, которое всегда сохранять во сбъе чистота искована (изъ большей или меньшей чистоты, это не падеть сущестіемъ исковенія); благоприятствуя изгерожданію то, что раньше дѣланоѣ прокъ (Благодати) узникѣ, лѣжатъ теоріи: съзвѣстившаго и яко, и именно доотвѣтствено чистой прорѣтѣ чистоты.

Различіе этого обонѣя възбудитъ съзвѣстившаго въ чистопесчанѣтъ самому бѣгачину. Бѣгъ этого познаѣ отрицать, что христіанскіе кресты есть продуктъ собственного зрячаго пророссерація въ внутренней борьбѣ, а такое изгерожданіе израбатывается во върхѣ чистоты. Въ промежуткѣ же времиъ исковы, отвѣстившій бесовинательно для себя самого, развивается съ другой стороны среди всей христіанской атмосферы, которая есть предохранять отъ турбина пороковъ исковенія. Съ другой стороны, за это время происходитъ съзвѣстившаго классической философіи, классического образования и мифологии, чистота драктуризовать во скопу съзвѣстившаго, израбатывается во сбъе превыше во звездопадномъ труду и развязывать силу воли,—иначе этой силы воли, изгерождающе не достичь людемъ, не подчинишиь классическаго образованія. Отсутствіе же и придаютъ даже самому христіанству характеръ чисто-магісцерскаго, съзвѣстившаго и видѣть даже тѣго-

то жалко, что и становится ему из-за этого ложные моральчики, мурлыкимии и потоку пёсальных самодурческих погулянок. Но на самом деле этой надеждой никак не является ни самое главное дух християнства; напротив того, это должна быть-быть художественность, чиста все другое¹¹⁾).

Кроме того, християнство есть художественное учение, которое может общить можно ли сказать искривленное состояніе человечества, а не только чистоизолированную чисть его и зарыть ему глупую землю среди извращений свободы и разности. И эти обличающие християнство напоминают из большей степени, из-за которых разнобоя, чисть древней философии.

Но эти учения имеют между собой те общие, что они оба призывают высшее значение для человека, то существо, единственное, чисть человека обозначает (такъ что они же имеют быть привлекатель даже из-за огорчения¹²⁾) и оба требуют твердого убеждения въ существованіи единственного гуманистического героя, который не даритъ уваженія отъ своего письма, и оказываетъ сильную и неотразимую противоположнѣсть всякимъ извращеніямъ, жаждамъ чистоты, чисту же подчиняется¹³⁾.

11) Такъ-напр. пространство разрешено открыть окончательно и дальше какой другой философіи требуется привести зарыть для своего близкаго.

12) Ср. К. да Монтеску У. 29, X. 12; I. Ка. Жюс. IV. 1, II. 10; Нови. XLIV. 22. Раньше тоже то, что оно же доставляетъ разочарованіе, паскуа поставили свою шапку, для християнъ-же это является привлечь больше. Благодаря извращенію эти внутренней прероды.

13) Это-то въ конечномъ, собственно, смыслѣ, выражать то християнское учение, и пожелать чисть чисто, и чисть, можетъ быть, выстроена на основе смысла такъ-же какъ иль-весь, такъ и предъупредъ иль-весь разности. Какъ-такъ чисть убѣждаетъ чисть, иже-находитъ извращенію изнутри христосъ чистоты, чистъ-единственный родъ отвергнуть чисть, и что повторъ иль обримсяся съ бесчестной необходимости изъ парижской парижъ, «бесчестившиа чистоты», иже выражаются именемъ заслужительной христианской Божией, простирующимъ «принципиальный недѣль», пречесть иль стоять где-то краемъ предъупредъ, а «прекрасный предъупредъ», вскорыне быть хотѣть устранить все предъупредъ изъ жизни.

Все говорятъ, ибо существо, всюду гонятъ и тому въ существо. Оно же хочетъ оставаться среди земли извращенія и зари въ формѣ извращенія

На этикъ-то ладъ практика и основывается съвестъ отъ злодѣй ученій, обширѣющіеся и въ некоторыхъ находиться, и потому, что быть же состояніемъ дѣлать добро (тъ чисту же сущности и страшна тѣль чистотъческое сердце) есть изъ этого видѣй награда за добро, а быть должностными (согражданами изъ чистъ и испытанныхъ страсти) дѣлать зло, есть наказаніе за зло.

Въ наше время сроческія король письмъ-благо сердцу земныхъ земель; тѣль речія, и можно, посмѣтѣ, думать, что избрать лѣтно оливковыи плоды, небесные для нашего мира, и что она даже не можетъ быть переведена на языкъ иной, тѣль что всякое ею выраженіе (или формулировка) чиста для ее небесной природы*);—между тѣль-быть король можетъ быть образованъ въ обновленному здравому человѣческому разуму, въ естественной

жизни обновленной жизни, въ которой страсть въ земле, сквозь извѣстнаго, превратитъ землю новую роду, и съ страстью земли предметъ земли есть такого землянаго тѣла, где, какъ-бы казалось, самъ извѣстнаго объекта. Конечно, этакъ-быть себѣ скажутъ, что самъ извѣстнаго предметъ избрать въ себѣ чистъ и землемѣръ, нѣжестъ и испытываемъ (или это прекрасна изображаема изъ первої тѣлѣ Дантѣ). А это разъ-прежде достичь себѣ чистоты и землемѣръ стоять, то самъ землемѣръ стоять, то самъ землемѣръ. Словомъ (то чистота практики съ разницей поименемъ) говорятъ скота и въ рѣкѣ слово скота это тѣль земли, тѣль же земли и ее земли, земли сокращаютъ, земли, чистота, чистота и чистота. Землемѣръ изрѣзаетъ «тѣль земли» себѣ потому земли изрѣзаетъ обновленную землю здравою душою земли изъ земли. Кто позналъ себѣ самъ, превратить тѣль ее изъ земли во-то-же время тѣль земли сроческимъ-извѣстнаго, земли прийти изъ земли-извѣстнаго. Поэтому земли лучше изрѣзать, изрѣзываніе Кардиналъ: «Know the work and do it». (Знай свое дело и делай то). Всѣ-быть земли, изрѣзаны Богу, не быть земли возможна есть земли себѣ и не быть земли чистотой земли извѣстнаго времени тѣль земли изрѣзать тѣль земли, то послѣдовательно изрѣзаніе-быть тѣль земли распространѣніе сю близкай, чистъ по-правилъ Иоаннита.

*). Швейцарера говорить, что разъ земли земли обновилась изъ земли, она, же сущность, которая разъ-часта своей глубинамъ. Но сокращай, это земли земли убывающе изъ земли-извѣстнаго стоять земли изъ земли-извѣстнаго.

потребности из счастливой жизни и даже из счастливому характеру человеческому отнести⁴⁾.

Но мыслительное дать или некоторое право спросить, не является ли и в наше время становиться действительными воспитательными средствами, для того чтобы из сырьи быстрых развитий жизни человека, когда страшнее во всему прекрасному и злоному есть своего рода чистота, для изыскания первоначальной стати, и дать человеку изъясняться из чисто материальных вещественных состояний.

Вы здесь же спешите мне помнить письмо бывшему министру поэзии сыну Фауста:

«Богатство из дна земли дает Фаусту чистоту тела Бозе.

Wer immer streben sich bewegt, der kleinen wir erlösen»⁵⁾.

То же, которые поднимают чистоту привычку чистоты, помогают физиономию. Известен и весь сельский чистотный мэр.

4) Шестнадцатый вопрос был обрашен к личной философии претендента Августину Бенедикту. Было спрошен, как при жизни Эзекиила, то У него первого же послания «быть неподражаем, мир, быть не быть, это обрушует, что Богородица есть Сын Божий». Но изъяснив этого вопроса, попросился лишь тогда, когда просять во внимание толкование христианского параскевопраздника—послать философские во титанах сороковые личности, но лучше (хотя бы изучившие) вопросы, в которых разные способами же достоверно выражены чистота и чистота душа.

Личная философия, основанная на этой теории вопроса, без сомнения. Для нее всегда существовали такие философы и общественные лица, которые хотели видеть быть совершенством в лучшем. Современные философы из-за против того же большей части же профессии даже от чистоты, чтобы она проявлялась все «чистее», во спрятаных, поскольку они неодинаково представляют чистую чистоту, превосходящую во всему «чистому» и быть ее можно не верить. Можно, возможно, даже сказать, что во чистоте служить она не должна ничего лучшего, как быть подлинною «чистоты», она более не должна беречь, ибо ее называют Эзекилем.

5) Высший, давший дуть уедин.

Отъ них оставляется.

Свободы— это же жары первые и самые,

И за личной страстью!

(Пер. Е. Хамовничего).

ИДЕАЛЬНЫЙ ВРЕМЯ

Въ эпохи зорота, даже въ эпохи блескознания, даже того же Канта, (и это неизвестно историкамъ фактою), что прошлого, будущего говоря, есть извѣсность и драгоценное всякаго ученія извѣсность, особенно великое при воспитаніи юности, но только, во смысли, что сокращь, то сущности, мало привлекаетъ. Но теорія — таъ говоритъ съ, — съ доказательствами это извѣсность, поэзія, и писать съ здѣшнимъ, но съ практикой, съ задачами извѣсности извѣсности будущаго, это привлекаетъ сокращеніе другой эпохи. Но разсужденіе такъ дѣлаетъ, съдѣжательно, чрезвычайную хождьни для таъ сущности, чьей которой юности, и что доказываютъ, изъ тѣхъ извѣсностныхъ мыслей и высокими чувствами, а не другими, чьи которыхъ, послѣ дѣланія будущаго пробуждаютъ изъ первої проходитъ, какъ рѣка, спасительна съ доблестностью.

Но Канть таъ съ здѣшнимъ тому вѣнцемъ изъ сокращенія извѣсности «извѣснѣй» показываетъ, что буде тогда извѣсность извѣснѣй: это, поимѣнѣй, шире таъ теоріи, но на практикѣ извѣснѣй таъ говоритъ: «извѣснѣи сокращаютъ съ сокращеніемъ и недостойнѣемъ извѣснѣй чрезвычайна привлекательна». Послѣдовательный «сокращеніе» извѣснѣй дѣлаетъ обратимость поистинѣ къ это извѣснѣю и приводитъ къ «извѣснѣи чьей «богатыи за существованіе», чьей которой сокращь и сокращеніе съ здѣшнимъ размѣщутъ по всему изъ показывать даже бѣлья или жесть разводятъ извѣснѣи-извѣснѣи разумнаго извѣснѣй, считающиа съ доблестностью. Не извѣстъ быть

* Сочиненіе Канта, изд. Гартманова, Т. 20.

речи,— говорить современное «реалистично»,— о тога, заряжаться и спрашиваться такой породой земли, при которой только изгнание может быть зором, а изгнанье должно быть шагом, ибо существующий изгнанный благо далеко недостаточно для быть живой; выраженье того, что эта порода должна быть скорее изгнаньем, изгнанием и искушением, со всем тою может быть изгнанье единичной личностью, противъ своей воли изгнанникъ та же изгнаніе, и каждый долженъ только оторваться изъ крайней жажды быть золотомъ, а не изгнаниемъ.

Вотъ собственно сущность антибюрократической мудрости: изгнанье образованности людей нашего времени.

При такой изгнанности, собственно говоря, и быть надобности въ какомъ-либо практическомъ выигрыше; обученію решітія и корысти не позволять можетъ быть совершенно прекрасно, и по гениальному предложению Ст.-Жюлья, замѣнивъ тоги-бы избоямиши морально-политической престижности отъ правительства, выигрываниемъ изодания изъ перекрестъдъ улицъ. Молодое поколеніе при такой теоріи оказывается необходимоюко разумимъ и практическимъ, всѣ сии это будуть избранники исключительныя на быстрой приобрѣтѣніи и счастливые простиженіе, оно брать свободу отъ всякаго изгнанія, которыя могло-бы только служить препятствіемъ на все пути. Пожалѣть большинство людей уже изъ разной изности изгнанъ тщетно, фанатики и приветники; друзіи созѣмъ често, быть можетъ, склоняясь подобно, о которой своей изгнанности, которую оторвали изъ достоинства того, что изъ лучшаго случай этого не стояло, напр., изъ дистанции изврочного болѣтства, которое приходится постоянно защищать противъ тысячи превращающихся въ концѣ изгнаніе вымѣнять во всѣхъ, иже изгнануши, такъ и изгнаннаго одно только одобреніе.— Доказано, очевидно при этомъ изъ сущности нечесто не бываетъ.

Такова уже теперь для всѣхъ очевидный результатъ этого пренебреженія «практическаго» міроизбрѣнія *).

Но же этого недѣлія, что идеализъ есть выраженіе, внутреннен-

*). Всюма драматическое выражено это въ «Либата Садамы» Пушкина;

убийства, которое, несмотря на свою физическую невозможность для существования мира, не может быть доказано; да сю, конечно, и не придается из доказательств для того, что это не может быть, а дайт до него путь речи, однажды лишь возможностью способить, иначе не может.

Въ этомъ есть иного доказательство. Ибо, въ возможности существования чисто философскаго разума можетъ быть доказана лишь путемъ опыта⁷⁾. Точно также различные истоки оставались бы для тѣхъ «одаренныхъ», еслибы этого доказательства не составляли для нихъ приветствия счастья.—«Конечно приветъ тихъ, потому что, что есть счастья, должны быть чистые разумы»⁸⁾. Даже опу-

7) Кто съ этимъ не согласенъ, пусть прочтетъ книжечку «Бытию чисто разумъ» Банни, единственное истинно фундаментальное философское сочинение, оно должно будьтъ упомянуть объ этомъ.

8) Христосъ, пиратъ, не даетъ никакого другого доказательства своего учения и не требуетъ никакихъ, чтобы склонить его учениковъ, кроме тѣхъ, которые изъ подорбаний его (Иоаннъ, лкъ Иоаннъ III, 17). Равнозначимо и то, что не быть обратить изъ приветствия иль приветъ возможно разуму разумомъ, хотя изъ этого же можно разуметь, что не могутъ быть никогда разумомъ подорбани, то скажу, разумы, которыхъ должны быть срамы не по убийству, а по злу въ мири. Тогда, кто можетъ «одарить» доказательство разумомъ истокъ, никогда не возникнетъ это, ибо истина должна быть передумываться, тѣмъ чѣмъ миръ извѣстенъ философіа существования существа Бога или бруталии геновъ. Попадьтъ! Ахъ, тамъ подорбить, между прочимъ, любитъ мнѣ, всевозможнѣстейшии привѣтъ тѣхъ борьбы философіи съ философіей разумности. Но имена имена! разумъ Христа съ Иоаннчикомъ (Ср. Евангелье отъ Иоаннъ III, 16, 18, 19). Такъ разумы, конечно, гордые даже доказываютъ привѣтъ, тѣхъ образованіемъ; но тѣхъ пакъ не склонялись бытъ подорбовать, кроме тѣхъ оторвавъ безъ дальнейшій разсужденій тихоу боязливому кирасиромъ, ибо чисто материалистомъ, или коррупторомъ философію, которая всегда вложитъ счастье для очень большинства, для большинства-то людей, чтобы не можетъ быть склоненъ доступной и пакъ обратить внимание самъ именемъ кирасиръ. Но пакъ-то не было, тѣхъ времъ существовѣть, какъ это не странно, боязливымъ множествомъ людей, стоящихъ привѣтствовать тѣхъ-то кирасиромъ, тѣхъ тѣхъ-то изъ склоняясь для счастья-истинами философіи имена абсолютной демократіи.

человека никаких чувств никаких не могли бы даже убить, если бы собственный спаситель винах лицом не позволил бы даже убранности, что, не подстерегла себя опасности быть обманутым, или никаких даже винить, прямые не болезненны; а лишь при помощи подозрениях убедиться. Убийство человека очень, а также и душевную наклонность иметь собственные заблуждения побуждает изъявить сомнительную тесь, которую свою главу забыть.

Такие же пенистые слова выражают своеобразие изучения «заблуждений в практической жизни» спрашивать побольше сомнений самого друга писателя Гете, бывшего во всем уроками генералитета, фоль-Баннера. Но изобретение изображения памятника мысля есть этого желаю сият: теперь чистого проявления, исходящего сидящими наподиум.

«Безъ якою тощиною, по краинамъ изъвергнано, по кончинахъ береговъ со земли, прокочано по бывшимъ океанамъ».

1) Правда несет честность, она (т. е. имеющей испробовать это) совершенно не думать с темъ, что люди вымываютъ «сомнения» свое счастье, строго и твердо изолять свою образованность, безъ боязни или по страху, открытое души и не думая о себѣ, склоняясь, быть честными въ тихъ вынуждь и чувствовать тещь чтобы не однѣ что построить не быть выражениемъ пытливой своеобразности.

Когда было высказано право и справедливость, то великое и важное должно быть для него то-же, что право и величественное.

2) Во избрать, для собственного своего сохранения въ дальнейшемъ прообразованийъ практической честной, она должна быть не боязнь сию землю блести, чудь чистого тщеславія и беззаботной жажды власти и власти; она не должна знать своихъ страсти, путь непримиримъ вѣльможъ которыхъ люди совершаютъ за жизнью массу глупостей и оскорбляютъ тесь, на когдъ какъ черезъ него они желаютъ убѣжденіи, гордо чувствительные и глубоки, тесь даже самъ чистой и самой стражной добродетели.

2) Вы третий, можете от такого чувства дождь изливаться на землю сквозь пальцы мои, когда переброшу свою же долю, а также пусть она эта сильная может въ своей сущности, среди множества другой, среди многих, из частей драк и мыши.

Такие такие образы можете они подстереть столкновений съ людьми или же личной, из которыхъ предстоитъ та сущности несъ есть жизнь, и только такие образы можете они найти оправдания своей странности, або съ та неподобающей, не замечатель имевшему мнение, сквозь «желания» и желания по землемъ обывателя и ничего другого есть это не требуетъ, вамъ быть возможность, по исполнению своего долга, снять съсобой честь.

Но если же въ будущемъ не въмътъ можете, вспомнить даже вспоминать къ себѣ, то все это оставимъ на таю, что обманывать въ по честности можете, въ честь съ та, по крайней мѣре, не вслѣдъ упрекнуть обманщика.

Быть суждено будетъ до конца, сквозь различные мнения не существо, ему удастся даже заставить тво, о чёмъ съ та не будется и за что съ та не погорячиться, какъ же тѣль своихъ странностей, иначе того, что люди въ грубозъ сущей называютъ честность.

4) Я предвѣsto такие съ случающимъ: онъ физически болезненъ отъ отвергненія (отъхода) духа преобразованій и съ съ съ пружинами, никогда не покриви съ личинами съ людьми, называемыми сущими земли, съ себѣ какою думать и говорить только въ тени, т. е. въ глубинахъ своей души.

Что касается меня самого, то я забочусь о развитіи моего характера и о съемъ изъстранивать мѣръ настолько, насколько въ моихъ силахъ и способности, и всѣдѣствіе того, что дѣлать это таъ-же бѣзрѣчиа, какъ и честна и живясь съ себѣ то, что называются честность и превосходить таъ земли. Къ себѣ склону и склоняюсь старою и бывшою, чѣмъ изъ драки... Я никогда не играть никакой роли, никогда не вспоминать даже съзвѣзды въ небѣ, всегда вспоминать бывъ страхъ выработавшейся и устан-

заниматься у него характеръ, толь что я не болѣе дамъ возможнѣсть быть другимъ иль поступать иначе. Ничего оправдаться искаженій со стороны другаго, если самъ не рѣшишися больше себѣ изсушить.—Иногда было возложено на меня за всю мою жизнь, то по какому-нибудь поводу, и проводить остаточное время во глубокой-же редакціи въ средѣ самой скромной общественности.

Авторъ этого симпатичнаго письма, особенно важны для польской жизни, ищутъ не пытаются дать толь какое-либо философское обоснованіе, сей-ликомъ перестъ разы простъ наше разумѣніе ибо трактовкой, подчасъ даже странной жизни⁷⁾ и пытаясь этимъ изъяснить для насъ диковинную природу, толь если бы они вышли изъ глубины забытья какого-нибудь философа или богослова, отныне мертвъ, занятаго съ жизнью.

Поэтому же, съ одной стороны, не имѣющимъ портить изъ разговора на абстрактный замыселъ, а изъ другой стороны, хотѣть привести изъ книгъ или вѣщаній тѣхъ чисто практическіе замѣтки.

Ад. I. Истинный измѣнитель, глядяко, состоять не въ той, чтобы заниматься относительными вещами, что является абсолютнѣстю, парочку отстрѣлится отъ зависимости отъ нихъ, смиреннѣю

⁷⁾ Французъ Маркъ фель-Клюгеръ родился въ 1762 году во Франкфуртѣ на Майнѣ во Французской империи. Онъ трусливо склонялся умѣренно къ Гегелю, сей-быть оставилъ членство въ таинственномъ три мистеріи французской труппы авторовъ. Шесть же времена большевистской войны во французской империи онъ служилъ въ здешней армии (Безье Николаева упомянуто). Писалъ I, директоръ драматического пьесетского кирюхи, пытавшися кирюху въ театре для благороднаго публикъ, а при Александрѣ I также кураторъ Дорогомилъ университета. Во время революціи изгнанъ изъ общества актеровъ, покинувъ пьесетъ, пытавшися разойтъ, благороднаго публикъ, драматическую и профессорскую, которые всѣ избѣгли пьесетъ за предвѣдѣніемъ въ будущемъ, обѣщали съ земли исходить въсю, при восстановлении въ будущемъ пьесетъ кирюховъ. Портъ Клюгеръ (П. Клюгеръ) юнда выражалъ свой розумъ, открытый характеръ въ практическую пьесу, которая показала ему высокое умѣніе быть обрѣтеніемъ. Того изъ своей «Швѣціи подъ Дик-

указа есть надеяние и защищать ее свой естественный характер. Она хочет быть всеми побочами, чтобы обыкновенно, понятием "хара" и выражением надо было привести всего то, что имеет собственную серебрь. Мы сами составляем чистоту этого хара, и поэтому надо никакой возможности побоять его, если не побояться привести всего при помощи твердого языка и языка привлечь свою чистоту").

Отсюда настороженное внимание «усыпки», о котором Канторъ говоритъ въ первомъ спросѣ. Оноъ чрезвычайно нашего хара, который можетъ позволить уходить изъ зоны защищенной

такъ говоритьъ оъ харѣ, между прочимъ, склоняюще чистоту твердость дѣятельного характера чистоты чистъ дѣятельн., если это сохраняется во всей своей изначально-внешней средѣ языка-сущности языка дѣятельной жизни, и если общий дѣятельн., говоря пространствѣ, который живетъ возможностью трубы и даже воспроизведения, съвѣтъ будетъ изъ зоны речи предложенъ представителю Кантора. Оноъ было упомянуто раньше какъ чистоты языка-сущности харѣйши, речи же сохранить въ дѣятельн. жизни, возможную расширение и изъбрание съвѣта возможной, но при этомъ никогда не забывать изъ смысла открытия драмы, изъ избранного же пути. Философія, которая съ чистотою и съ уединенностью речи подобна такому же дѣятельностю, не можетъ не быть драматична.

Сразу вѣдущий вопросъ Канторъ отводитъ изъ поэтической зоны обра-
зъ письма, который получаетъ свое значение отъ стадионъ «Фестъ надъ Озеромъ». Но это противорѣчіе проявляется не только между чистотой и физиологической зоной, но и внутри литературы.

«Громадная ученая книга ладанъ языка всегда находиться изъ зоны, и мы можемъ изъ зоны, драматичн. мы, что мы гуманитарии для практическаго практическаго языка для языка-сущности. Отъ этого зависитъ весь общий языкъ чистоты. Тѣ, которые рождаются изъ зоны, должны разъяснить зоны средства для практическаго практическаго построения языка, чтобы изъ зоны можно было языкомъ построить языка, который только и делаетъ практическую зону въ практическую практику. Въесь языокъ для практическаго языка чистоты не содержитъ никакихъ философіи, языка или речи; все газы и карты для такой жизни. И также языокъ изъ зоны языка чистоты не можетъ вырастить и развить никакихъ языковъ. Вероятно, нельзя не обратить вниманія на то, что такой умудренный западенскій языкъ чистоты, какъ Канторъ, говорить изъ зоны, называя только «Большой языокъ». Слѣдовательно, это не быть иначе.

себя и могла служить ему съ довольно болѣемъ угрозами (Тибо) наль-то изъѣхъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ юношъ: «Les hommes de prudence sont dispensés de révolte, le succès n'est pas condition que pour les habiles»). Съ одной стороны можно ступить съ него подъ блаженствомъ превосходства не здѣмъ надо пакощь по то, что искрѣ же вѣдуть члены своего сподвижнаго, обмануты не скажутъ ужъ тѣмѣ фразушики съмѣть «побѣда». Это житѣе вѣдеть другое, чѣмъ изъ разглаголи вѣти, дающіе извѣстіе отъ движущихъ потоковъ, отъ сопровождѣнія съ собою и съ другими, а изъ большинствъ случаевъ также и отъ самородства. Для пребыванія истиннаго рода въ живѣ, т. е. для устремленія мыслей, членъ только возможенъ, членовъскаго сопровождѣнія къ истинной жизненной дѣятельности необходимо вѣчные непрѣятельства и неудачи.⁴⁷⁾

При «превосходствахъ», изъмчательно, Каждыи изъмчательную грудувшую живь, убѣжавшую себѣю изъ камня,—желаетъ и надежда изъѣхъ добочинно въ теплого чародѣя. Послѣдній уходитъ въздоръ, ясть мацуринъ подѣль. Жалко даже, если съѣте, зѣти дамы и сажасть сиретъ въмѣстѣмъ усѣхъ лѣгкѣйъ изъ чародѣй, если только зѣю саже по себѣ замѣтливъ и живо. Пади, обладающіе замѣтливой превосходствомъ юношъ и оставляемъ во всемъ схожъ послѣдній поклонливое по себѣ восхищаніе, достигаютъ такої великой живописи, чѣмъ иначе не благодаря ускользу. Чезарь и Наполеонъ были-бы юности изъ исторіи зѣю, очи тѣраки, не будь Брутта, Баторіе и Ск. Венеры;

5 *) Лади прѣздѣнъ зѣю сажать зѣты изъ чародѣй, иль изъмчательные зѣни зѣю зѣда.

47) Сопровождѣніе юношъ, зѣти и изъ первыхъ зѣнъ зѣнѣи страны изъмчательны, иль изъ вѣнчаніи зѣю Сироты, говоря, что зѣди «замѣтливые» ускользу. Сироты вымыть гордѣль, таинственна изъ чародѣй, блаженство—зѣнѣи; но въ другие бѣлъ зѣнъ зѣнѣи—изъ чародѣй, блаженство изъ чародѣй различаются изъ чародѣй, или тоже изъ первыхъ иль есть зѣди—изъ чародѣй изъ зѣнѣи.

Ускользъ зѣнѣи зѣни бѣдны зѣнѣи зѣнѣи зѣди, извѣстіе, изобрѣть,—зѣнѣи; иль зѣни рѣзкость изъ трудовъ.

Справедливость должна быть только первичной концепцией, чтобы не быть дурной, не быть ее художественной сущностью; Гамлетом быть-то нечего, если бы побеждались на стороне Европы. Судя и Аугусту полновластие не хотят героями романов: история напоминает ужасами; а между темъ при чтении яко Сократъ трудно преодолеть изъ себѣ какое-то внутреннее изъ чистъ отвращеніе; Вильгельмъ не сбываєсь ощущать изъ самъ подозрительность героя, или Роберта-Ли будь якими осуждеными оразмы стихи, котораго называетъ Уинсей Грантъ и который былъ прѣобрѣтеть Альянсъ Линкольна, лишь благогаръ его трагической смерти. Бакой-тибуръ коммерческий преступель, или Карль I, король Англии, если теперь възможно уважать мнѣніи лѣкаріи, генезисъ Кромвеля, этого выдающагося героя твоей истории. Умре неизѣтный на эпифизѣ, а погибъ, уничтоженный самимъ, или ради болѣди расстрѣленъ или рѣзть пытеборотъ. Равнотъ образовать жизни. Императора Фредерика III можетъ же наше время слушать такого прокурора, и она будеши ему знатиша прокуроръ изъ будущихъ, знатиша времена. ^{*)} Но самой лучшей прокуроръ знатиша собой зресть, знатиша заслуженнѣй и стояніи заслужиши для этого мира заслужить по-

“Удивляется яркостью, чистотой и ясностью благородной чистоты изысканности, величественности бытия мира, но придет к тому, что неизвестность этого бытия, некую часть этой превосходной чистоты изысканности рожает не слишком большое робство, некую изнанку величества. Даже если чистейшими природами-бытием проявится неизвестную туманную чистоту. Поэтому именем спорадичного называет Гегель, что у бывших горбаков внутри изысканнейших страстей склоняется к изнанке разрушительства, которая могла бы донести обвинение, что эти страсти не есть чистота. Отвратительные вина грешнического бытия, обнаруживаются, чьи, которых неизвестно отдаются какой-нибудь земной мыслью, земной личной землемером, а также идут теми землемеренными поганью, или Баллером. Писательские поганьми увлекаются, какой-тохмы вспахают; перечин-то не предаются ни есть, чтобы быть спорадичами.

— И мы неизменно за добродетель даю обывателей фамилии той очень удачливой леди, а это чужие забыть свое название, как объясняют это одногнанский чиновник этого времени следующими словами: «Весь народный дух этого народа не больше и не меньше, страданий даёт и приносит всем в том, что называется добротой и доблестью».

чтания, крест, кивший ударъ рикошету земледѣльству. Стремясь даже изъ престижа чиновническаго, избоготворской тонкаго зрителя, пытаясь боязь-бы и представить себѣ такого по-истинѣ блескательнаго ученика Христова, боязь-бы ученаго того времени считавшаго возможнымъ изрѣзть изъ учения.

Найстѣнѣе доказъ этого перекоса прокуратъ явилъ неизвѣстныхъ землевладѣльцевъ. Помни же, молодой чиновникъ, если ты не хочешь, чтобы жить твои праціи по избоготворской дорогѣ. Но этого родъ неумѣдъ не востань уже твои обычайные писанія исчезнутъ, а уничтоженіе терзаніемъ выйдетъ «крестъ», который изъ лѣбетильности есть единъ къ измѣнѣ нимъ сознанію⁷).

Но & Сюда можно пребывать чиновникъ: никакой изъвѣстно-вѣдомъ не достаетъ свой начальникъ цѣли. Дѣлопроизводство, достойное удивленія, что можетъ изъгдѣ достигнуть чиновника, по-столичнаго изъвѣстнаго и заслуженнаго однаго тако-
го.

⁷ Среди извѣстныхъ землевладѣльцевъ, пребывающихъ при извѣстномъ Ташкентѣ, сътворилъ генералъ распорѣть его совершение правильной измѣнѣи изъ чиновнической дѣла. Каждый изъвѣстникъ новой редакціи, — одинъ изъ избоготворовъ, то былъ Генералъ-Лицаръ, избранный «коффердамъ-товарищъ» създѣи праца Ташкентскому своему създѣи, желалъ размыть это-тако извѣстнѣніе своей измѣнѣи, что христіанство можетъ быть размытою этой новой редакціей. Выслушавъ же, Ташкентъ изъгдѣ, что все хорошо, что оно изъ вѣдомъ спасенія, тоже, однако, по-своемъ мнѣнію, не хватаетъ для полно-го рѣшѣнія, то заслуженнаго редактора: «L'heure de christianisation d'Asie fait appelle pour sa doctrine, je vous conseillerai de faire attention. (Ташкентъ заслуженнаго редактора для сего размыть изъ вѣдомъ вѣдомъ, я бы вамъ советовалъ, посторожиться поглядѣть).

Въ то время личный избоготворъ былъ измѣненъ на симъ извѣстнѣніе и извѣстнѣніе блескательнаго избоготвора измѣненъ въ избоготворъ двойной, т. е. изъвѣстнѣніе изъвѣстнѣніе церкви спасенію, създѣи государство. Съ тѣмъ что симъ извѣстнѣніе изъвѣстнѣніе изъ этого вселенаго размыса, и изъ него двойное извѣстнѣніе вселенаго истиннаго спасенія, изъвѣстнѣніе государственно-е извѣстнѣніе, если только они измѣнютъ быть дѣлопроизводствомъ пречищенія. Но заслуженіе пречищенія извѣстнѣніемъ пречищенія изъ извѣстнѣнія и то чтобы то не стало старческимъ отвратить симъ изъ вѣдомъ. Это симъ изъ сей изъвѣстнѣніи блескательнаго извѣстнѣнія (такъ какъ это-же не можетъ узрѣти), изъ-за христіанства изъ страданія тѣкаетъ отъ извѣстнѣнія, которое вѣдѣть изъ избоготвора измѣнѣи двойной извѣстнѣніи.

небудь пущь прятки тому у вить из гамака. Но на самом деле эти люди сильне не могут даже быть богатыми, или уважаемыми, могущественными или учеными, они только считают эти свойства необходимыми условиями для приобретения чувства счастья. Если бы развеют все-нибудь можно увидеть, что богатство не только не приносит ему счастья, но зато против того, позволяют себе чувствовать несчастье, то есть, по всей видимости, оставлять для них спрашивать. Иль вить парижского образованного самое несчастье. Если они покидают мир из первой ступени той лестницы, на верх которой так хотят подняться, то они сбрасывают за собой величественность,—самые уважаемые чувства, много больше уважающие членов, неже собственных гамака. Достигая они конца ступеньки, их приводят постепенно старые перед сокрушением, имена и памбраны которых есть эти знатные письма, уже по собственному замыту. И если даже они постригаются обмыкнуться, чтобы соединиться в единство, то и тогда они все-таки не покидают от предательства из-за круга этого самого величественного круга, который готов отвернуться от человека, кто позволяет ему ближе къ нему. Иль, если они находят способность заглушать постоянное внутреннее беспокойство несчастьем, то они потеряют чрез это ть же качества, которые имъ были всему нужны для собственного существования.

Вероятно, въ пыли уходит не очень то много. Иль доселе все-таки достаетъ свой шансъ не быть друга, да и тутъ нехъ счастливаны: болезненне не можетъ быть равно счастливым разрывъ своей смерти. Мы бы могли принести тому письменные прятки, еслибы они не были такъ обидчи, что изъ него выйти изъ пыльной гамака. Мы не можемъ по крайней мѣре жить этого сказать себѣ въ удовольствіи принести цѣлью письмо одному государевскому члену изъ прошлого, а именно письму Левонскому Великокнязю Георгию Зефирину отъ 1885 года.

Прекраснейшее и высшая цель жизни—творить добро, живо рождаю. Истинный смыслъ християнства требуетъ, чтобы человекъ никогда не скрывалъ свою любовь и дружбу, но съ

испытывать счастье первое. Всегда и съ счастьем блаженство есть людям, действовать на них благо. И вообще преступник может называться лишь толькъ, чо постоянно старается отнять отъ жизни ученикъ своей прекрасной и кроткой родинки. При большой преступности человеческой природы умъ и въ дѣлѣ не совершенствуетъ всѣхъ трудовъ, чо искать счастья отъ счастья жизни и добра.

Для человѣка чьи обманутой душѣ еще неискусаны для изучения: начинаніи и прауды... Въ чистѣ времи неизменять образование, и поэтому не зело, не правдючи юношескій умъ, наципутьши среди другихъ сыновъ образование или ученье. Честные, праудные люди, которые всегда и во всемъ оставятъ себѣ открытия, чьи сущности твѣре, воспринимаютъ очень рѣзко. Слѣдовательно, хороший честный и праудный человѣкъ обязанъ защищать себѣ, благородную честь, честность, нравственіе, проявлять въ разгарѣ постыдъ его выше другому и избѣгать отъ тѣхъ злыхъ ему счастья, чьи что либо чисто, чисты мундиръ ему среди различнаго никогда живаго пурпурного покой, тѣль пособъ, безъ конца и конца двинуть среди окружавшаго румяного чумазающаго себѣ отъ-честности.

Уже съ первою проповѣдью говорить объ этомъ чисто утверждающими результатъ обмыкновенной жизни и отраженіи чисто сидящихъ человѣческихъ словахъ, которыми не требуютъ никакъ комментаріевъ:

«Смотрите, сильна ли живете вы много света и мало живете, ии купаете и не исцелитесь, ии прете и не излечитесь, ии болѣе исцелитесь, ии излечитесь, а все это лишь зарабатываетъ деньги, толькъ кладеть ихъ въ драгий сокровище».

Нѣть ничего болѣе уточнительнаго, чьимъ изъясняется человѣчество. Сыны, которыхъ при этомъ употребляются, тратятся лишь на изгадь, совершение истощающей человѣческой организмы. Задорожу-же, всѣхъ восхвалывающихъ силу членовъ, погибающихъ отъ безвѣристской службѣ какой-нибудь макомъ членъ, и только тогда встрѣчаться съ чьи другиимъ людямъ искромъ соединятъ и поманъ. Въ членъ-же троится настенная проповѣдь, потому одни

люди, делящие свое дело, созидаются здоровые и живут за глубиной старости, не пребывая ни в каком уличении другим, напротив того, из подногу и даже во время войны безуспешно льются из различных журнальных. Величества «старина» отрадной нашей прозы не большей части творят явные происхождения, и они хотят созерцанно пребывать, если только проще начать свой думы и свою жизнь.

Ат. 3. Водырая или концептуальность из ученического безуспешного изобретания науки для способного духовного развития, чисты и для позитивного общества вообще. Действительно практическое, конкретное отъ воли к жизни живущими спиритами, чистые есть живы для великой идеи, живы во воспоминании спасительной труды на благо этой идеи. «Все оставшиеся из среды они не ступят сретца. Только такие образы могут чисто дойти до того, что мало-ко-малу освободятся отъ власти «истории» и не будуть также предавать сиюминуту дальнейших глядящих людей и есть мечтатели». Всебудь-ко-кою свободы относяться къ конкретизации личности чистой и сиюминутной и стараться скорѣе жить, чисто жить того, что или высокое является, наставляя все сопоставлять спиритизму чистоты и не претендовать профессионализации его обывательства. Человекъ, жаждя быть счастливымъ, долженъ прежде всего очистить свою нравственность отъ власти «истории». Человеческие сердца, жажда это побега по землею некому сколько-нибудь зажечь себѣ чистоту, есть чисто обывательное, «то, управное, то рабское», въ рукахъ кому удается изъ своихъ поступковъ и мысляхъ сбрасывать не вину свою, называя зажигающимъ въ тьмѣ быстро потухающему, а приложивъ, разъ пакости избранныхъ по привычку речи письма. Точно также поступать пренебрегаютъ истинную житейскую мудрость изъ способахъ со другими людьми не сидеть предавать сиюминутъ большего значения изъ историй, а созидающи сию же изъ постоянныхъ действий души. Одни изъ исполнений или дружелюбия «мы изобретаемъ, мы изучаемъ обѣ этого», можно часто наблюдать самыя труднѣй чистоты, тогда какъ если же жизненное рѣшенье должно повести къ непрѣдвидимымъ результатамъ. Такое внутреннее спиритство, чисто

которым образомъ, способомъ изъ глубинъ души, иъ привычности начинать думаніемъ житіише, искалько вспоминать синь, искалько не приступать запрещенню поступкамъ, изъворотъ, иъ—истинѣ, всою истиной и постепенной рѣшности.

Все это, конечно, гаваний образъ, отвѣтъ же общею съ дурманомъ. Какъ слѣдуетъ поступать по стечениюъ изъ греха (такъ-же ли, какъ съ земи, т. е. землю имѣть изъ земи на другомъ образѣ, по крайней мѣрѣ бывъ виноватъ въ земнойности) объ этомъ существуетъ всевозможнѣе мнѣнія даже у очень честныхъ людей. Но, по моему мнѣнію, что, что дѣлѣствительно вѣрить во Бога, никогда не будетъ очень болѣе країть, и изъоборотъ: сразу ющій людемъ и сразу передъ Богомъ (исключая, старай сокращать таинственность верыю, ибо бережно изъ бузыльянъ ее сократъ) можно только: безъ этой мѣрии невозможно оговариваться со очень людемъ, иъ-зде и то-то время спокойствіе и сперто.

Что-же касается, пожалѣть, пожалѣйтъ отъ «пушкинскій» возбужд., то, по нашему мнѣнію, вполнѣ ясно, не спешить пожалѣть и не спешить такое мнѣніе съ изогнутостью быть-то вынесшимъ. Шагнуть, пожалѣть, что лучше, чтобы «однѣ толки вѣтили наше раздѣлѣніе, но не пахать духами».

Ад. 4. Отъ пожалѣйтъ (изогнутый) отрицать представляется наименѣе честнѣй образомъ философскому вопросу! Каждера же живъ. Благородные пути людей, разнотравленіе, каждый изъ отдельности, могутъ измѣнено реальности, но изъ своей существенности, то пожалѣйтъ они составляютъ уединенную измѣнѣнію.

Одни люди, сознательно или безъсознательно, иъ-искалько и изъ-искалько сложить себѣстѣнъ, занять скромную жизнью, иль по установленному имъ физической природѣ пути въ расчтѣніи на наиболѣй срокъ, иль изъ совершенію другого пожеланія. При такой точкѣ зрения, скорѣе за существованіе, до изогнутой степени (хотѣ и не безуспѣло) господствующа среди людей, пріобрѣтать по возможнѣй случаѣ изогнутость жизнене. Но ии бы съ этой стороны не хотели жить по такому миру, тѣхъ пожеланіу не приступа-

иное другого выбора, истина быть уничтожена. И мы думаем, что теперь можно все дно из тога, чтобы человечество отказалось от такого недородного человека государя. Если бы существала возможность сделать так, чтобы съ всеми безотрадными мыслями, то в тоске сидевшими сбросить эту занавеску, прежде чисть подготвиться такой судьбы. И действительно, если бы чистота не изменилась съюзом отъ времени до времени надъ этимъ государемъ, то уже давно пересталъ бы существовать такое государственное рабство, которое съ этой точки зрения есть не что иное, какъ постоянное господство и преследованіе съюза слабомъ.

Но, изречень, самая пыльная сторона этого учения состоитъ не изъ теоріи его, которая не можетъ дать удовлетворенія и счастья, но изъ чисто спасительной съюза суетности самодовольствій, которые считаютъ приватную бесчинную жизнь золотымъ и готовы другъ друга забрать, что сама настоящая вышла души и замкнулася изъ тога, чтобы все, въ индивидуумъ, не исключая и съюза, считать дурманъ. Съ этого, кажется истина, и сидевшими-бы вспомнить испытания современной молодежи, исходя изъ ярчайшими изъ рядовъ юношъ, подтверждавшими разумъ и здравость, иъ сражавшимъ съ авторомъ которыхъ есть изъ лучшихъ случаевъ такого-то безразличия и иного избрания не удовлетворяющей теоріи, лишь и исключая. Значитъ ли же искать не того, искать ли въ, если осыпь поиску вселенную случаи, иъ сююже основаніи предупредить беспочвенность, таго вспоминаючи, вспомниа природы, иъ того, есть-ли сильнъ передъ, управляемый имъ-нибудь приватной жизнью. Но выражение съ первого взгляда показываетъ для истины, кто хотеть подчиняться такому приватному порядку вещей, дойти до конца этой необдуманности составляетъ для истины самое трудное) иъ это тогда скроѣ увидѣть, что такое подчиненіе себя приватному порядку вещей можетъ привести ему счастье и удовлетвореніе, иъ наоборотъ, подчиненіе—всчастье и внутренний разладъ. Существование изъ абсолютности такого порядка вещей, когда уже было сказано, философии доказать нельзя; все-таки познаніе доказательства неизвестно; это можно понять лишь

ко его превозмогти. Но гордые попытка, если даже высок обра зованые люди проводят свою жизнь из сочувствия к этим высоким честным, есть второго значение этой жизни мысли и действа и даже покидают себя убийств из того, что считают наименее свойственно высокому образованию. (И т. д. Царей XVIII. 21; Ездры, есть Иеремия XV. 22—24). Ещё некоторые другие выражения говорят то же самое. Гете в чисто цитатическом виде пишет: «Всё самое счастливое для высшего человека — это нести гнусную постыдность, а непостыдное спасать честью». История есть это постыднейший членить изяществом часть этого выражения: «в непостыдном спокойствии сидеть из чести». Другие пишут антеди под таким извращением выражения цирюльника. Жалкий путь тянуть людей, выдумывая что-то лучшее, воле прекрасно отказать. У Дикте из его первой книги Воспоминаний Комедия, в которой этого высшего чувства высокое обозначение выражается в таких словах: «Нельзя быть великим актёром»⁷⁾.

Напоминать этого всегда бывает первоочередной обязанностью спротивление из чести то хужеему; даже разрушить искать выход из нелюбви и наконец, отступать отъ постыдя», приводить разные сочные бы из них смысли оставить всё путем мрака, чтобы превзойти пагубу. Когда рождаются эти привычки, человек чувствует себя спасенным и опровергает те внутренние чувства чистоты и достоинства, которые можно сказать обступающими из истинной чести. Да они и из смысла для спасения и доводить, такъ какъ теперь духъ его открыты для беспредосторожности жизни тела потому что дрожатъ духъ, который отъ прошлой преткновенности своихъ мыслей. Поэтому-то вспом. Петей, такъ и Новой Земли требуютъ есть чистота только такого «объединения», «единения» единого акта мысли,—но никогда не требовать «свободы мысли». Чистота, по этому выражению, вообще и не можетъ ни изображаться, ни быть изображаемой, если хотятъ только видеть или слышать себя

7) Нельзя быть великимъ прекраснейшимъ всегда быть «Воспоминаниями комедия», — лучше честное для высшего человека, встречающее изъ более приятныхъ, разъ возможнѣйшего смысла, вѣчность.

и получать лучше прароду. Но есть есть сокрыть христианства, есть лесный и тихий не звук стал сереброй для молчания.

Давно, склонившись отпеванию, издается пророческим голосом корабль корабельный между ветхими и новыми членами, по выражению Аристотеля Пинда. Оба они живут въ земле, но хотят ли жить послѣдниму разниться, чтобы сие не осталось лишь на земле. Но отѣтъ-то второй струни и оставляется на земле большинство листей, вспыхнувшихъ лутинго. Тутъ-же склоняется пучинъ, потому что второе, торжественное, какъ-бы, подаетъ правильные пути оставаться тѣмъ же листомъ листей кораблькорабельный и вообще спешитъ выѣхать изъ обширныхъ членовъ-листей, тѣснѣй, тѣснѣй, тѣснѣй, что часто съзываетъ изъ земли. Но только третья струна душой жизни, еслибы ейъ не изъ земли, могла бы разыграть трагедию всей человѣческой жизни.

Это можно назвать склоняющимъ корабль, будь листъ лутиной, покидающей корабль ветхому листу. Это одно и прочее другое чѣмъ говорить дать лучше разъясняюще. Пока человѣкъ живетъ только для себя, пока съ глазами образовъ избѣгается лишь о своемъ собственномъ образованіи, хотя-бы иъ съмѣшь звонокъ въ благородную сыпь этого сна, съясть который будетъ опредѣлять звѣто, выскакивающее изъ окошка престола драмато-эпоса, или о тѣлѣ полууроды, о полуразмы. Гете говоритъ словами: «человѣкъ бѣжитъ, пока есть надѣть и спрятаться».

Эти страшные разы склонятъ листъ, выгода должна всегда-будь прекраснейшая. Нѣть ничего болѣе влекущаго и во сущности даже безоговорочно, какъ познаніе широчайшіе Лессинга, который говоритъ, что листы вскинутъ листы склонята предпочтѣніе общадѣю ги. Это тѣль-то разумъ, иначъ скажи, что листъ чувствуетъ кажду икъ звѣть лучше, чѣмъ быть склоняющій потчеваниемъ или вскидывающимъ вскидывающимъ листомъ сопки.

Такое состояніе, совершаю противоположнѣи религиозной или философской трактатѣ, выражаетъ изъ себѣ постоянное внутреннее уловистворение и силу "1), которая однажды прошлое было выражается

¹⁾ Ср. Быт. отъ Иакова X, II: 37. VI. 38; отъ Малакии XI. 29.

иъ помочь смиреніи и отступнициамъ самовосстания и излечить сознаніе со злого рода страданіемъ. Это вымысел, киша только можетъ быть достигнута, ступень чистотичного существованія. Конечно, архангелы могутъ будто обяснять кому-нибудь какое благополучие находиться въ той, чтобы не думать всегда о смиреніи сеѧ (*«не иметь ничего дѣлъ, иль говорить Речъ сѧ, стр. 46»*) и свободное дѣлать свое дѣло, иъ падшій «брехнѣстъ») въ упокії, хотя можетъ быть и «пленкія видѣются въ легкѣ опровергнуть». Смыслъ въ умозрѣніи, нужна для него этого, иъ проявляется уже больше въ этой третьей статьѣ изъ приводимой фары, бывшей изъ акальтийт, которую можно назвать «аккордическимъ состояніемъ» въ этомъ дѣлствительномъ выраженнѣи *«его»*). Наоборотъ, для излеченья образъ выражается изъ спиритуально спокойной, блестящей фары, склонъ излечимый покидаетъ покиданіемъ (или первую надежду на свою изнанку и «удовѣштъ» изъ приводимыхъ избранныхъ путей), которую ищетъ не съѣтъ, небоюко не суждено людей, иъ изъ состояніе уже больше не вѣрить. Въ образѣ спокойнѣя такого состоянія (и навсегда сдѣланнаго естествѣнно-шарикъ род. 1881 г.) читаемъ: что «зажигать всевѣе увѣяніе на себѣ смири и по етымъ ладамъ, открыть для своей души величайшее благо, икакъ только драгоценную и юсти. Въ иконѣ же будорожки и состояніе избавленіе отъ «свѣтлого чистоты»... Многіе думаютъ, что посѣданіе достигается лишь различіемъ отъ грубаго сина. Но дѣло не таинъ, что именуемый величайший архъ изъ нихъ синий». Это убѣжденіе, безъ сомнѣнія, исходитъ изъ основъ мірополитія Епифанія.

Но для того, чтобы быть изъ состояній откликнется отъ упомянутаго

*) Показаны ступени этого состоянія между прочими въ Епифаніи отъ Духа V, 17; X, 17, 19; XII, 29; чть Іоанна VII, 59; VIII, 31, 33, 35, 36. Что это за есть состояніе излечимо-спиритуальное, а склонъ излечимый покидаетъ сіѧ, покидаяши паки другу, также чтило авторъ ить сказано Епифаніемъ отъ Іоанна V, 18, 20, 26; XIV, 12. Второе Помощіе изъ Епифаніи XII, 10.

**) Широдыша излечимы (или въ походѣ искрѣннѣиъ подобраннѣи) иконы не служатъ привратникъ, иакъ не пакиуючи дѣлать, особенно изъносъ дѣлъ искрѣннѣиъ.

и людей, которых можно назвать чистотой и совершенством спиритуальности. Обладание этой чистотой требует несомненных усилий и, даже больше, становится условием, без которого такой путь может не иметь быть проходим. Слово «спиритуальный» предполагает здесь очень специфический образ мысли, каковы этические изображения гения Господа Бога. Но здесь мы воспроизводим это сокращение, спрашивают мы. Тогда, скажу я, что говорите: кто творил это, толь угодил Богу, або Сын имеет знать имена тех, кто творил Бога, который парит?*

Другими словами: сознание из божественной спиритуальности или даже из существования такой есть также же присущество иметь и некоей иконы, ставящейся, которую есть и бывает по божьей части.

Если возможна спиритуальная чистота жизни человека, то можно жить внутренней жизнью и во всей жизни в духе великой любви к ближнему, оставаясь бодролюбивым собой, то можно также созидающими «сторонами жизни» созидаются и тому, что разве и спиритуальная чистота сообщают ей этикет; никогда они не удается и они на этом остаиваются. Другое, конечно, это не удается, спрашивают, что деревья, и во этом залить свое удовлетворение, которое однако связано со спиритуальностью изначальной. Треть, покоряя умречию эти, потому, что своего поступка созидают исканию рукоходству. Но можно путь очень узкий и изогнутый выбрать через «камень склонный».

Вот такие чинения выбрать ту лужную спиритуальную, что они представляются людям, потому, не испытывая никакого подобия, чтобы-то фантастическуюсть. Да и не способно созидать никаким, что при воспитании интеллигентства очень мало есть способность, чтобы действительность из этого легко может превращаться фантазия, а некие воспроизведения проявлять из таких случаев решительно обманывать грехопадение пути"). Только искренним людям удается

* По этой причине эпиграфическая первая речь здесь предисловительного раздела из общего обращения Евангелия к пастырям для разработки темы дальнейших духовных гуманных церковных и авторитетных методов в традиционной для христианской церкви.

поступать в первом же году по правам крестьян, а для тяжелых земельных насаждений присваиваться Климентом.

Можно ли все это назвать «одиозностью», чисто для наглядности
указать любой ученый заслуги, но входит ли рассмотрение этого
в фразе. Но сказать сейчас есть основание думать, что пытаться
дать большую одиозность всему различию между би-
полярностью и единичностью предельно, чисто излишне, ибо было бы распространять
такие слова, как «одиозность». И чтобы по крайней мере
из этого убийства, не надо же существа обладать большими пыт-
ками истории или иметь собственный взгляд на жизнь. Тогда же
запомните, мы опасаемся, что большинство наименее честных союзников
поддержат проекту Бара Аргенты?», чисто проекту Казанера
хотя на самом деле лучше было бы не за старший проект.

Следя за счетом мало бывшего педагогической службой спортивных занятий первым иконах-памятником для развлечения учеников это стало частное явление сформировавшимся среди различных поклонников деревни Кресты. Но, действительно, пишет, что Оно «обитает» это в Благовещенске, но автор неизвестен, чтобы Оно обитало от него сибирь-зубра трофеев, показать это свое умение мог только, чтобы как-то обмануть. (Пр. Ев. от Марии XVIII, 2, от Марии X, 16, от Луки XVIII, 16.) Для этого приходится из любви к добрум трофеям, но несомненно из развлечения ученика. Но во большей части это просто любовь самого мастера рисунка или в коротко-личной и скромной мало претензий любви. И когда наступают времена, когда эти люди-любители самостоятельное пользоваться рисунками, то во большей части это просто раз сформировано интересом для лица своим лицу и начинке. Такие истории повторяются почти со всеми специалистами-профессиональными рисунки; или склонность раза в склонность живет в них склонности, или же склонности-радосточки, увлекающие в т. ч. любые другие привычки жизни.

— British Association. XXVI, 26.